НАРОДНОЕ АНТИКРИЗИСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

KONRAD ADENAUER STIFTUNG BELARUS

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ ДЛЯ БЕЛАРУСИ

«Сравнительный анализ национальных диалогов в Германии, Польше и Испании как возможных моделей выхода из политического кризиса в Беларуси»

Варшава, 2026

«Сравнительный анализ национальных диалогов в Германии, Польше и Испании как возможных моделей выхода из политического кризиса в Беларуси»

Введение..... **4**

Глава 1. Центральный круглый стол в ГДР (1989–1990): модель легального перехвата власти и институционального контроля над госаппаратом..... **9**

Введение..... 9

1.1. Начальный этап кризиса ГДР: эрозия легитимности режима и дестабилизация партийно-государственной системы..... 9

1.2. Кризис исполнительной власти и открытие Берлинской стены..... 14

1.3. Двоевластие и архитектура транзита: институциональная рамка Центрального круглого стола..... 22

1.4. Нейтрализация силового аппарата ГДР и ликвидация Министерства государственной безопасности..... 28

1.5. Механизмы легализации решений Круглого стола, Правительство национальной ответственности и финал транзита..... 34

Релевантные уроки для Беларуси..... **45**

Урок 1. Субъектность как пропуск к переговорам: система говорит только с системой..... 45

Урок 2. Преодоление «вакуума ответственности» через внешние сигналы..... 45

Урок 3. Модель «двойного ключа» и роль кадрового резерва..... 46

Урок 4. Баланс справедливости и порядка через контроль над архивами..... 46

Урок 5. Баланс «кнута и пряника»: санкционный рычаг и финансовая помощь... 46

Урок 6. Правовая преемственность как мост для бюрократии..... 47

Урок 7. Стратегия «юридического замещения» и рамки транзитного нормотворчества..... 47

Резюме..... 48

Глава 2. Польша (1980–1989): Круглый стол и модель паритетного договора..... **48**

Введение..... 48

2.1. Экономические и социально-политические предпосылки системного кризиса ПНР (1970–1979)..... 49

2.2. «Самоограничивающаяся революция»: Август 1980-го и рождение «Солидарности»..... 56

2.3. Точка невозврата: от функционального двоевластия к военному положению (1981)..... 69
2.4. «Подземное государство» и принуждение режима к диалогу (1982–1988)..... 77
2.5. Архитектура транзита: от Магдаленки до Итогов Круглого стола (осень 1988 – весна 1989)..... 82
2.6. Демонтаж системы: «контрактные» выборы и рождение Третьей Республики (1989–1990)..... 88
Релевантные уроки для Беларуси..... **94**
Урок 1. Контрсистема как залог перехвата управления и кадрового выживания..... 94
Урок 2. Технология масштабируемой инклюзивности при жесткой изоляции радикалов..... 95
Урок 3. Принуждение к диалогу через необратимый ущерб в реальном секторе экономики..... 95
Урок 4. Нейтрализация внешнего геополитического донора и расчет издержек интервенции..... 96
Урок 5. Строительство «золотого моста» и стратегия контролируемого отступления элит..... 96
Урок 6. Принцип правовой бесшовности и переформатирование легальных институтов..... 96
Урок 7. Лидерство как готовность к принятию ответственности за непопулярный компромисс..... 97
Урок 8. Институты независимых медиаторов как этический и процедурный буфер..... 97
Резюме..... 97
Введение..... 98
3.1. Экономические предпосылки транзита и крах франкистского сценария преемственности..... 99
3.2. «Мотор транзита» и консолидация оппозиции: рождение триумвирата реформаторов и единой «Платахунты»..... 104
3.3. Секретная дипломатия Суареса и «Суицид Кортесов»..... 113
3.4. Провокации радикалов, легализация КПИ и первые свободные выборы..... 119
3.5. Стабилизация системы: Закон об амнистии, Пакты Монклоа и финал транзита..... 129
Релевантные уроки для Беларуси..... **136**
Урок 1. Юридическая «маскировка» и метод правовой трансформации..... 136
Урок 2. Компромиссный прагматизм и «Амнистия как сделка»..... 136

Урок 3. Поиск «внутренних реформаторов» и стратегия раскола элит.....137
Урок 4. Секретные каналы связи и кулуарная дипломатия.....137
Урок 5. Экономический «пакет первого дня» (Метод Монклоа)..... 138
Урок 6. Интеграция, а не тотальная люстрация.....138
Урок 7. Управление рисками многовекторной дестабилизации.....138
Урок 8. Роль институционального арбитра и внешних гарантий..... 139
Резюме..... 139
Глава 4. Сравнительный анализ и проект «Беларуской модели»..... 140
4.1. Аналитическая матрица: сравнение моделей
и отбор релевантных инструментов для беларуского контекста..... 140
1. Условия, при которых власть соглашается на переговоры..... 140
2. Формирование переговорного субъекта..... 141
3. Работа с государственным аппаратом и внутренними реформаторами..... 142
4. Правовой механизм перехода.....142
5. Гарантии и пределы ответственности..... 143
6. Контроль над силовым блоком и архивами..... 143
7. Экономическая и международная составляющая.....144
4.2. Геополитика и безопасность..... 145
Российский фактор..... 145
Роль Европейского союза и Соединенных Штатов..... 146
4.3. Рамочная модель «Беларуского пути».....147
Этап 1. Деэскалация..... 147
Этап 2. Технический диалог и согласование повестки..... 148
Этап 3. Политическое соглашение.....149
Заключение..... 150

Введение

Спустя шесть лет после событий 2020 года Беларусь до сих пор остается в состоянии неразрешенного политического кризиса. Несмотря на внешнюю устойчивость действующей системы, государство так и не вернулось к нормальности. Длительное сохранение нынешнего положения постепенно создает новые риски для беларуской государственности, суверенитета и международной субъектности страны.

За прошедшие годы были ликвидированы тысячи общественных организаций, независимые медиа и политические структуры оказались под запретом и вынуждены работать из-за рубежа, сотни людей остаются в местах лишения свободы по политически мотивированным делам.

В результате Беларусь оказалась в политическом тупике. С учетом системного политического кризиса, начавшего свое формирование еще в 2020 году и продолжающегося по сей день, а также с учетом быстро меняющегося геополитического контекста, авторы исследования предполагают, что в ближайшие годы может быть запущен процесс политической трансформации или транзита власти в Республике Беларусь. Так как кризис не ограничивается противостоянием действующей власти и демократических сил, а затрагивает устойчивость государственных институтов, международную субъектность страны, ее экономическое развитие и способность самостоятельно определять внутреннюю и внешнюю политику, то в этих условиях вопрос трансформации или транзита власти связан с ключевыми задачами для всех стейкхолдеров — сохранением Беларуси как независимого, управляемого и унитарного государства.

Действующая власть сохраняет контроль над государственным аппаратом, силовыми структурами и механизмами принятия решений, однако не располагает возможностями для полноценного восстановления общественного доверия и преодоления международной изоляции. Демократические силы, в свою очередь, сохраняют политическую и общественную альтернативу, но не обладают инструментами для непосредственного изменения системы управления внутри страны. Одновременно усиливается зависимость Беларуси от внешнего политического и экономического донора, а именно Российской Федерации, что ограничивает пространство для самостоятельных государственных решений.

Такой баланс не является устойчивым. Он может быть нарушен внутренним экономическим кризисом, изменением международной обстановки, ослаблением внешней поддержки действующего режима или расколом внутри государственного

аппарата. Однако само по себе возникновение кризисного окна не гарантирует мирного и демократического исхода. При отсутствии подготовленного политического субъекта, понятной правовой процедуры и механизмов сохранения управляемости ослабление режима может привести не к демократизации, а к институциональному хаосу или внешнему вмешательству.

Поэтому ключевая задача исследования состоит в том, чтобы определить возможную архитектуру управляемого перехода. Такая модель должна одновременно обеспечивать прекращение репрессий, освобождение политических заключенных, восстановление политических и гражданских прав, проведение свободных выборов и сохранение непрерывности государственного управления. Она также должна снижать риск силового сопротивления со стороны уходящей системы, предотвращать распад административного аппарата и создавать условия для защиты независимости Беларуси.

Одним из возможных инструментов мирного преодоления кризиса может стать национальный диалог — институционализированный переговорный процесс между представителями действующей системы, демократическими силами и основными общественными группами. Национальный диалог в данном случае понимается не как отказ от принципов или примирение без установления ответственности, а как способ согласовать условия прекращения политического противостояния и сформировать правовой маршрут к свободным выборам. Его предметом должны стать сохранение государственного аппарата, экономическая стабилизация и пределы ответственности представителей прежней системы.

Однако возможность такого диалога зависит от ряда предварительных условий. Власть должна столкнуться с ситуацией, при которой продолжение репрессий и сохранение статус-кво становятся более рискованными и затратными, чем переговоры. Демократические силы должны превратиться в дееспособного контрагента, способного сформулировать общую позицию, принимать обязательства и предложить реалистичную программу переходного периода. Внутри государственного аппарата должно возникнуть прагматичное крыло, заинтересованное в сохранении государства и собственном профессиональном будущем. Наконец, необходимы внутренние или международные посредники, способные гарантировать выполнение достигнутых соглашений.

Для изучения этих условий в главах 1–3 рассматриваются три исторические модели политического транзита: Германская Демократическая Республика в 1989–1990 годах, Польская Народная Республика в 1980–1989 годах и Испания в 1975–1982 годах. Выбор

этих случаев обусловлен не их внешним сходством с современной Беларусью, а различием механизмов, посредством которых в каждой из стран был осуществлен преимущественно мирный переход от авторитарной системы к демократической.

Опыт ГДР представляет особую значимость для Беларуси в связи с ролью внешнего покровителя, зависимостью правящей номенклатуры от его поддержки и необходимостью установить общественный контроль над мощным репрессивным аппаратом. Восточногерманский кейс показывает, каким образом быстро сформированный Круглый стол смог стать временным центром политического согласования, добиться ликвидации органов политических репрессий и подготовить свободные выборы, не разрушив при этом государственную администрацию и системы жизнеобеспечения.

Польский опыт важен как пример длительного формирования организованной общественной альтернативы в условиях репрессий. «Солидарность» пришла к Круглому столу не только как протестное движение, но и как разветвленная общественная структура с собственными лидерами, экспертами, информационными каналами и подготовленными программами реформ. Для Беларуси этот случай позволяет исследовать, каким образом демократические силы могут заранее готовиться к переговорному процессу и управлению государством, а также каким образом массовое давление, экономический кризис и независимое посредничество способны принудить авторитарную систему к заключению политического договора.

Испанский переход демонстрирует значение реформаторского крыла внутри самой правящей системы. Его применимость к Беларуси связана с вопросом о том, может ли часть государственного аппарата стать участником реформирования авторитарных институтов, используя действующие правовые процедуры. Испанская модель также позволяет рассмотреть наиболее сложную сторону переговорного транзита – предоставление гарантий представителям прежней власти, интеграцию умеренной части старых элит в новую политическую систему и поиск баланса между требованиями справедливости и необходимостью предотвратить силовое сопротивление.

Таким образом, три кейса представляют различные точки входа в политическую трансформацию. В ГДР переход стал следствием быстрого распада прежней вертикали, массового давления и исчезновения внешней защиты режима. В Польше власть была принуждена к переговорам долговременным давлением организованного общества и углубляющимся экономическим кризисом. В Испании важнейшую роль сыграли внутренние реформаторы, которые использовали институты авторитарного государства для его юридического преобразования. Для Беларуси эти модели позволяют

рассмотреть три потенциальные траектории: переход в результате ослабления внешней поддержки и внутреннего кризиса, переход вследствие давления организованного общества и переход через раскол элит и реформу изнутри.

В исследовании использовался метод сравнительного анализа.

Обращение к зарубежному опыту не предполагает механического переноса готовых исторических моделей. Беларусь отличается от ГДР, Польши и Испании характером политической системы, структурой экономики, степенью зависимости от России, положением силового аппарата и состоянием организованного гражданского общества. Поэтому задача исследования заключается не в поиске страны, сценарий которой Беларусь могла бы повторить, а в выявлении функциональных механизмов, способных работать в различных условиях: формирования переговорного субъекта, раскола правящих элит, снижения рисков насилия, сохранения государственного управления, правового оформления перехода и международного обеспечения договоренностей.

Исходная гипотеза исследования состоит в том, что мирное преодоление кризиса в Беларуси возможно при сочетании четырех условий: наличия консолидированного и подготовленного демократического субъекта; появления прагматичного крыла внутри государственного аппарата; изменения внешних условий, ограничивающих возможность силовой консервации режима; и формирования правовой рамки, обеспечивающей непрерывность государства и последующую демократическую легитимацию власти.

Цель сравнительного анализа заключается в том, чтобы на основе исторического опыта определить возможные контуры беларуской модели перехода — такой модели, которая позволила бы прекратить внутреннее противостояние, защитить независимость страны, сохранить работающие государственные институты и вернуть гражданам право самостоятельно определить будущее Республики Беларусь.

Глава 1. Центральный круглый стол в ГДР (1989–1990): модель легального перехвата власти и институционального контроля над госаппаратом

Введение

Опыт транзита власти в Германской Демократической Республике (ГДР) 1989–1990 гг. – это показательный кейс перехвата управления в условиях паралича идеологической вертикали и исчезновения внешней советской опоры режима. События в ГДР разворачивались в режиме острого цейтнота, вызванного массовым бегством населения на Запад и масштабными уличными протестами. В условиях, когда уходящий режим практически потерял способность управлять страной, но все еще сохранял в своих руках силовой аппарат, оппозиция, опираясь на массовую поддержку улицы, смогла создать субъектную контрсистему – Центральный круглый стол (Zentraler Runder Tisch, ZRT). Этот временный орган медиации перехватил стратегическую инициативу и принудил номенклатуру к пошаговому демонтажу тоталитарных институтов, двигаясь строго «из закона в закон». Внедрение модели «двойного ключа» – механизма, при котором ни одно важное административное или силовое решение власти не могло быть принято без согласования со стороны представителей гражданского общества – обеспечило эффективный надзор над репрессивным и бюрократическим аппаратом. Это позволило оппозиции контролировать реальные рычаги управления, полностью сохранив дееспособность госаппарата и систем жизнеобеспечения страны.

Важнейший концептуальный урок Германии заключается в том, что успешный транзит не происходит автоматически за счет одного лишь ослабления диктатуры. Протестное движение должно быть способно вовремя превратиться в организованную силу и дееспособного партнера по переговорам, который может предложить государству новую, легитимную правовую альтернативу.

1.1. Начальный этап кризиса ГДР: эрозия легитимности режима и дестабилизация партийно-государственной системы

Кризис ГДР в 1989 году развивался как системный процесс, затронувший электоральный, социальный и геополитический фундаменты государства. Триггером

эрозии системы стали муниципальные выборы 7 мая 1989 года. В отличие от прошлых десятилетий, когда результаты голосования встречали апатию, теперь активисты независимых гражданских и церковных групп предприняли попытку институционального контроля.

Используя нормы избирательного права ГДР, позволявшие гражданам присутствовать при подсчете голосов, наблюдатели зафиксировали расхождения между бюллетенями и итоговыми протоколами. Официально объявленный результат в 98,85% за единый список Национального фронта (Nationale Front) – коалиции под эгидой Социалистической единой партии Германии (Sozialistische Einheitspartei Deutschlands, SED / СЕПГ) – противоречил задокументированным данным в Берлине и Лейпциге, где доля протестного голосования достигала 15–20%. Этот доказанный подлог лишил власть легитимности в глазах общества.

Избирательный участок в восточноберлинском районе Пренцлауэр-Берг, 7 мая 1989 года. Активисты гражданских групп контролируют подсчет избирательных бюллетеней на муниципальных выборах. В ходе этого контроля были выявлены значительные расхождения с официально объявленными результатами. Источник: Архив Федерального фонда изучения диктатуры СЕПГ, фонд Клауса Менер.
https://revolution89.de/aufbruch/erste-schritte-zur-revolution/nie-genug-vom-wahlbetrug/

Режим перестал восприниматься как гарант стабильности, превратившись для общества в структуру, удерживающую власть за счет административного давления и силы. Каждое

7-е число месяца граждане выходили на уличные акции в Берлине, напоминая о фальсификациях, что перевело правовой вопрос в плоскость открытого политического противостояния.

Падение доверия к институтам, усугубленное массовым выездом граждан за рубеж через границы соседних соцстран в августе – сентябре, спровоцировало протесты в регионах. 30 сентября 1989 года в Грайце (Тюрингия) независимые группы провели массовое уличное шествие под видом санкционированного церковно-общественного мероприятия. Это создало прецедент преодоления монополии государства на публичное пространство. Уже 7 октября в Плауэне силы правопорядка не смогли рассеять демонстрантов, несмотря на применение спецсредств и водометов, что показало пределы эффективности локального репрессивного аппарата.

Пожарный автомобиль, экспроприированный сотрудниками Штази и использованный в качестве водомета. Плауэн, 7 октября 1989 г. Источник: Федеральный архив Германии (BArch). https://www.mdr.de/geschichte/ddr/deutsche-einheit/mauerfall/demonstration-plauen-tag-der-republik-102.html

Эпицентром сопротивления стал Лейпциг, где с сентября еженедельные молитвы за мир в церкви Святого Николая (Nikolaikirche) перерастали в шествия. Лозунг «Мы – народ!» (Wir sind das Volk) выразил рост гражданской субъектности: люди заявили о себе как об источнике власти. События в Лейпциге 9 октября 1989 года («Лейпцигский прецедент») привели к первому масштабному отказу силовиков от подавления протестов, что предопределило крах режима СЕПГ.

Параллельно развивался миграционный кризис – «бегство как протест» (Flucht als Protest). Его катализатором стало решение Венгрии, начавшей весной 1989 года демонтаж укреплений на границе с Австрией, а в ночь на 11 сентября открывшей границу для граждан ГДР. Это пробило брешь в «железном занавесе»: за несколько недель десятки тысяч восточных немцев выехали через венгерско-австрийскую границу в ФРГ.

Демонтаж «железного занавеса» на венгерско-австрийской границе в 1989 году. Фото: Fortepan / Жольт Сигетвари (Szigetváry Zsolt). https://ungarnheute.hu/news/in-ungarn-begann-die-freiheit-vor-35-jahren-oeffnete-ungarn-die-grenze-fuer-ddr-buerger-88492/

Когда Восточный Берлин заблокировал венгерское направление, беженцы устремились в Чехословакию и Польшу, заполняя территории западногерманских посольств в Праге

и Варшаве. Люди неделями жили в палаточных лагерях в дипмиссиях, ожидая согласования условий выезда между Бонном и Восточным Берлином. Массовый исход создал эффект шока: к ноябрю 1989 года страну покинули более 230 000 человек.

Страну покидали наиболее дееспособные молодые кадры — медики, инженеры, транспортники. Это вызвало кадровый дефицит в ЖКХ и здравоохранении регионов, спровоцировав сбои рабочих смен в больницах и на предприятиях. Исход специалистов в сочетании с протестами лишил руководство возможностей стабилизировать социально-экономическую ситуацию.

Ударом для властей стало изменение внешнеполитического курса СССР. В июне 1989 года в Бонне Михаил Горбачев и Гельмут Коль подписали Совместную декларацию о праве государств суверенно выбирать систему. На смену «доктрине Брежнева» (концепции ограниченного суверенитета) пришла т.н. «доктрина Синатры». Этот неофициальный термин, предложенный одним из представителей МИД СССР, означал признание за каждой страной права на собственный путь развития и отказ Москвы использовать войска для силовой консервации режимов-сателлитов.

Михаил Горбачев и Эрих Хонеккер во время визита в Восточный Берлин, 7 октября 1989 года. (Источник: Peter Turnley/Corbis/VCG via Getty Images). https://united24media.com/world/all-the-toppled-authoritarian-dictators-russia-gave-asylum-to-over-the-years-4335

Критическим фактором стал визит Горбачева в Берлин на 40-летие ГДР в октябре 1989 года. Его дистанцирование от консервативного руководства и отказ использовать Группу советских войск в Германии (ГСВГ, Gruppe der Sowjetischen Streitkräfte in Deutschland, GSSD) для подавления протестов элиты восприняли как прекращение внешней силовой поддержки. Силовики и номенклатура поняли, что войска СССР не защитят режим. Неготовность элиты брать ответственность за насилие ускорила раскол СЕПГ, дестабилизировала вертикаль и создала условия для смещения консервативного крыла во главе с Эрихом Хонеккером.

1.2. Кризис исполнительной власти и открытие Берлинской стены

На рубеже сентября и октября 1989 года миграционный кризис достиг апогея. Тысячи восточных немцев в Праге блокировали посольство ФРГ, требуя гражданства Федеративной Республики и выезда. В ситуации международного скандала Восточный Берлин разрешил выезд, но настоял на транзите поездов с беженцами через территорию ГДР. Руководство СЕПГ рассчитывало оформить этот шаг как выдворение «нежелательных элементов» с изъятием документов. Решение вызвало обратный эффект: проезд поездов спровоцировал беспорядки и попытки прорыва на вокзалы в Дрездене и других городах. Для подавления акций полиция и Штази применили насилие, что привело к уличным столкновениям и арестам.

Силовики блокируют входы в главный вокзал Дрездена, октябрь 1989. Источник: Риго Поль (Rigo Pohl). https://revolution89.de/revolution/revolten-entlang-der-strecke

Пытаясь продемонстрировать нерушимость порядка, режим 7 октября 1989 года организовал в Берлине празднование 40-летия ГДР в присутствии советской делегации во главе с Михаилом Горбачевым. В этот же день тысячи граждан вышли к месту торжеств с призывами к гласности и реформам. После отъезда советских гостей Генеральный секретарь ЦК СЕПГ Эрих Хонеккер санкционировал разгон демонстрантов силами полиции и Министерства государственной безопасности (Ministerium für Staatssicherheit, более известного как Штази (Stasi)). Силовики применили спецсредства и отправили в изоляторы более тысячи человек.

Эти полицейские операции стали самыми жесткими в поздней истории ГДР. В Восточном Берлине столкновения достигли пика в районе Пренцлауэр-Берг около церкви Гефсимании (Gethsemanekirche). Сотрудники народной полиции и оперативные группы Штази в штатском избивали дубинками и травили собаками манифестантов и прохожих. Задержанных грузовиками свозили в импровизированные фильтрационные пункты в гаражах ведомств, конюшнях и на спортивных объектах, где людей часами удерживали на коленях лицом к стене, подвергая насилию. Волна насилия охватила и регионы. В Лейпциге 7 октября около 4 000 манифестантов столкнулись с отрядами милиции и военизированных боевых дружин, применивших водометы. В Дрездене силовики зачистили протестующих на Фетшерплатц (Fetscherplatz); избиения и задержания фиксировались в Плауэне, Цвикау, Магдебурге и Карл-Маркс-Штадте. Общегосударственный масштаб репрессий преследовал цель запугать гражданское общество.

Насилие на улицах окончательно подорвало легитимность режима и раскололо правящую элиту. Опасаясь силового противостояния по «китайскому сценарию» (повторения расстрела на площади Тяньаньмэнь), умеренное крыло Политбюро решилось на смещение руководства. Заговорщики Эгон Кренц, Гюнтер Шабовски и Вилли Штоф тайно получили через каналы КГБ сигнал о невмешательстве Москвы. 17 октября на заседании Политбюро председатель Совета министров Вилли Штоф предложил сместить Хонеккера. На следующий день, 18 октября 1989 года, Хонеккер был официально освобожден от постов «по состоянию здоровья». Номенклатура пошла на этот шаг ради самосохранения, рассчитывая успокоить общество назначением Эгона Кренца.

Смена лидера не остановила протесты, так как общество не верило в «контролируемое обновление». Кульминацией стал митинг 4 ноября 1989 года на Александерплац в Берлине, собравший от 500 тысяч до миллиона человек. Акцию инициировали актеры театров Deutsches Theater и Berliner Ensemble, протестовавшие против насилия 7 октября. Руководство СЕПГ согласовало митинг, рассчитывая направить протест в рамки существующей системы.

BERLINER MORGENPOST

EXTRABLATT

Überparteilich · Berlins größte Abonnementzeitung · Unabhängig

SED beruft Egon Krenz zum neuen Partei-Chef – Honecker entmachtet

Egon Krenz gilt im Westen seit langem als „Kronprinz", nur in der DDR nicht.

Auf Erich Honeckers Rücktritt richteten sich in den letzten Wochen alle Hoffnungen in der DDR.

Передовица экстренного выпуска Berliner Morgenpost от 18 октября 1989 г. с заголовком «СЕПГ назначает Эгона Кренца новым шефом партии – Хонеккер лишен власти». Источник: Онлайн-музей LeMO (Lebendiges Museum Online) / Коллекция Фонда «Дом истории Федеративной Республики Германия» (Stiftung Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland). https://www.hdg.de/lemo/kapitel/deutsche-einheit/friedliche-revolution/fuehrungswechsel

Но замысел провалился. Собравшиеся требовали отмены конституционной статьи о руководящей роли СЕПГ, роспуска Штази и свободы слова. Прямая трансляция государственного телевидения ГДР (DFF, Deutscher Fernsehfunk) разнесла требования по стране. Выступления партийных функционеров, пытавшихся говорить об «обновлении социализма», тонули в свисте толпы.

Оппозиционные спикеры — писатели Стефан Гейм, Криста Вольф и другие – вскрыли правовые противоречия режима, противопоставив статью 27 Конституции ГДР (о свободе слова) статьям Уголовного кодекса, криминализировавшим независимую активность. Речь Кристы Вольф о том, что лозунг «Мы — народ!» стал осознанной гражданской позицией, зафиксировала переход символической инициативы к оппозиции.

4 ноября 1989 года: демонстрация на Александерплац, организованная деятелями искусства и культуры ГДР. Фото: picture alliance / akg-images. https://www.deutschlandfunk.de/am-alexanderplatz-vor-30-jahren-letzter-kampf-fuer-eine-100.html

Кризис власти развивался на фоне пустующей казны. Согласно секретному докладу Государственной плановой комиссии (Staatliche Plankommission) под руководством Герхарда Шюрера, представленному Политбюро в конце октября, плановая система находилась в дефолте. Внешний долг превысил 26 млрд валютных марок (порядка 20 млрд долларов США), а на его обслуживание и субсидирование цен уходили последние резервы. Шюрер констатировал, что без миллиардных займов ФРГ экономика ГДР нежизнеспособна.

Пытаясь удержать контроль, власти 6 ноября опубликовали проект закона, разрешавший заграничные поездки до 30 дней в году. Но для выезда требовалась справка о наличии валюты. Купить ее легально в ГДР было невозможно, и общество сочло закон издевательством, ответив лозунгом «Вокруг света за 30 дней – без денег!». В Лейпциге на «понедельничную демонстрацию» (Montagsdemonstration) вышли до 400 000 человек, требуя ликвидации ограничений.

Политбюро экстренно подготовило новый указ, разрешив выезд без условий. Однако хаос в аппарате привел к потере контроля во время оглашения документа. Вечером 9 ноября 1989 года Гюнтер Шабовски проводил прямой брифинг для прессы. Текст указа, который планировали опубликовать только утром 10 ноября, передали ему перед самым эфиром. Когда иностранный корреспондент спросил о сроках вступления правил в силу,

неподготовленный Шабовски заглянул в лист и произнес: «Насколько мне известно... это вступает в силу немедленно, без промедления».

Гюнтер Шабовски на пресс-конференции 9 ноября 1989 года. (Источник: picture alliance / dpa). https://www.ndr.de/geschichte/chronologie/wende/Guenter-Schabowski-Sein-Zettel-und-der-Mauerfall,schabowskiszettel100.html

Эфир вызвал лавинообразный эффект. Десятки тысяч берлинцев устремились к КПП у Берлинской стены. Офицеры пограничных войск, не имея директив от Минобороны и МГБ, оказались в тупике. На КПП «Борнхольмер штрассе» (Grenzübergang Bornholmer Straße) подполковник Харальд Йегер не смог связаться с руководством, которое лишь устно приказало выборочно пропускать активистов с аннулированием паспортов. Не желая проливать кровь, Йегер в 23:30 самостоятельно приказал открыть шлагбаумы. Это запустило цепную реакцию на других КПП, и за ночь пропускной режим на Стене прекратил функционировать.

Панорама КПП «Борнхольмер штрассе» (Bornholmer Straße) в ночь с 9 на 10 ноября 1989 года. Фото: Peter R. Asche. Источник: Stiftung Berliner Mauer / Archiv Chronik der Mauer. https://www.orte-der-einheit.de/bornholmer-strasse/

Сразу после открытия границы бургомистр Западного Берлина Вальтер Момпер перевел банки на экстренный режим для выдачи восточным немцам «приветственных денег» (Begrüßungsgeld) – субсидии ФРГ в размере 100 западногерманских марок. Шаг наглядно продемонстрировал разрыв в уровне жизни двух стран. Экономическая несостоятельность ГДР лишила смысла проекты ее «демократизации» без демонтажа существующей системы.

Это трансформировало главный лозунг революции. Требование реформировать ГДР сменилось призывом к государственному слиянию с Федеративной Республикой. Уже на демонстрации в Лейпциге 13 ноября 1989 года лозунг «Мы – народ!» (Wir sind das Volk) превратился в «Мы – один народ!» (Wir sind ein Volk).

Очередь из граждан ГДР за получением «приветственных денег» (Begrüßungsgeld) у одного из банков Западного Берлина, ноябрь 1989 года.
Фото: © Маттиас Шуберт (Matthias Schubert). https://www.ddr-museum.de/de/blog/archive/ost-west-beziehungen-zwischen-mindestumtausch-und-begruessungsgeld

7–8 ноября Совет министров ГДР (Ministerrat der DDR) ушел в отставку. СЕПГ выдвинула на пост председателя Совета министров Ханса Модрова – первого секретаря Дрезденского окружного комитета партии (Bezirksleitung Dresden), сторонника советской перестройки. 13 ноября Народная палата утвердила его правительство.

Кабинет Модрова оказался в ситуации глубокого кризиса и двоевластия: министерства подчинялись премьеру, но силовой блок был деморализован. Оппозиция обладала мобилизационным потенциалом, но не имела легальных рычагов управления. Чтобы избежать коллапса государственных институтов, требовалось запустить прямой диалог. Возникла необходимость в создании временного органа, объединяющего за одним столом правящий блок и протестные движения для совместной подготовки реформ.

11-я сессия Народной палаты ГДР: Ханс Модров после своего избрания на пост председателя Совета министров ГДР; 13 ноября 1989 года. Фото: Хартмут Райхе (Hartmut Reiche). Источник: Федеральный архив Германии (Bundesarchiv, Bild 183-1989-1113-054 / CC-BY-SA 3.0). https://www.chronik-der-mauer.de/chronik/183636/11-tagung-der-volkskammer-der-ddr-hans-modrow

1.3. Двоевластие и архитектура транзита: институциональная рамка Центрального круглого стола

Институт Центрального круглого стола (Zentraler Runder Tisch, ZRT) возник не из вакуума. Его предыстория связана с деятельностью протестантских общин ГДР, предоставлявших легальное пространство, свободное от идеологического контроля.

Молитвенное стояние в церкви Гефсимании утром 8 октября 1989 года. На плакате – требование прекратить преследование протестующих: «Прекращение следственных действий. Отмена судебных приказов о наказании». Источник: Stiftung Haus der Geschichte / Rolf Zöllner. https://www.orte-der-einheit.de/en/gethsemanekirche/

На церковных площадках с сентября 1989 года координировались оппозиционные группы: «Новый форум» (Neues Forum), «Демократия сейчас» (Demokratie Jetzt) и «Инициатива за мир и права человека» (Initiative Frieden und Menschenrechte). Особую роль катализатора сыграл «Новый форум», созданный 10 сентября 1989 года. Хотя МВД ГДР объявило его «антигосударственной платформой», массовая поддержка вынудила власти уступить, и 8 ноября движение получило официальную регистрацию.

После отставки Хонеккера и падения Берлинской стены в стране сложилось «двоевластие». Легальное правительство Ханса Модрова (представителя умеренного, реформаторского крыла СЕПГ) формально руководило ведомствами, но утратило авторитет. Оппозиция контролировала улицы, но не имела рычагов управления. В этих условиях протестантская церковь выступила медиатором, инициировав создание общенациональной переговорной площадки.

Учредительное заседание Центрального круглого стола под председательством представителей церкви в берлинском Доме Дитриха Бонхеффера (Восточный Берлин); 7 декабря 1989 года. Источник: Федеральный фонд исследования коммунистической диктатуры в ГДР (Bundesstiftung Aufarbeitung), архивный шифр: Bild 89 1207, POL-RT 13 / Фото: Клаус Менер (Klaus Mehner).
https://erinnerungsdebatten.de/debatten/verfassung-zentraler-runder-tisch-1989-1990/

7 декабря 1989 года после предварительных консультаций Центральный круглый стол провел первое заседание в берлинском комплексе «Bonhoeffer-Haus», позже переехав во дворец Нидершенхаузен – правительственную резиденцию ГДР. Модераторами дискуссий стали авторитетные религиозные деятели: Мартин Циглер (евангелическая церковь), Карл-Хайнц Дукке (католическая церковь) и Мартин Ланге (Ассоциация христианских церквей). Они обеспечивали нейтралитет, формировали повестку и следили за соблюдением этического кодекса диалога.

Институциональная рамка и регламент Центрального круглого стола (ZRT) разрушали привычную для Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) административную иерархию. В процессе расширения ZRT закрепил принцип паритета, включив 39 участников с правом решающего голоса, разделенных на два лагеря:

1. «Блок старого порядка» (19 мест): представители правящей партии (на первом заседании выступавшей как СЕПГ, после съезда 16–17 декабря – как СЕПГ-ПДС, а с 4 февраля 1990 года ставшей Партией демократического социализма (ПДС, Partei des Demokratischen Sozialismus, PDS)), Объединения свободных немецких профсоюзов (ОСНП, Freier Deutscher Gewerkschaftsbund, FDGB), а также бывших партий-сателлитов Национального фронта: Христианско-демократического союза (ХДС, Christlich-Demokratische Union Deutschlands, CDU), Либерально-демократической партии

Германии (ЛДПГ, Liberal-Demokratische Partei Deutschlands, LDPD), Демократической крестьянской партии Германии (ДКПГ, Demokratische Bauernpartei Deutschlands, DBD) и Национально-демократической партии Германии (НДПГ, National-Demokratische Partei Deutschlands, NDPD).

Первое заседание Центрального круглого стола в комплексе «Bonhoeffer-Haus» в Восточном Берлине; 7 декабря 1989 года. Столы участников из «блока старого порядка» и «блока новых сил» расставлены в форме каре. Фото: Клаус Оберст (Klaus Oberst). Источник: Федеральный архив Германии / ADN-Zentralbild (шифр: sitzungstisch-zentraler-runder-tisch_foto_LEMO-F-6-179_barch.jpg / Bild 183-1989-1207-026).
https://www.hdg.de/lemo/bestand/objekt/foto-gespraech-am-runden-tisch.html

2. «Блок новых сил» (20 мест): делегаты независимых движений и новых партий осени 1989 года («Нового форума», «Демократии сейчас», «Инициативы за мир и права человека»), созданной Социал-демократической партии (СДП ГДР, Sozialdemokratische Partei in der DDR, SDP) и Партии зеленых (Grüne Partei in der DDR).

С 4-го по 16-е заседания Круглого стола проходили под государственным гербом диктатуры СЕПГ – очевидное внутреннее противоречие эпохи транзита. Фото: Петер Леске (Peter Leske). Источник: picture-alliance / ZB. https://www.welt.de/geschichte/article254735996/Friedliche-Revolution-Die-Ecken-des-Runden-Tischs.html

Заседание Центрального круглого стола в конференц-зале Совета министров ГДР во дворце Нидершенхаузен (Берлин-Панков); январь 1990 года. Фото: Пеер Гримм (Peer Grimm). Источник: picture alliance / dpa. https://www.deutschlandfunk.de/aufloesung-des-amts-fuer-nationale-sicherheit-entlassung-100.html

Важным фактором работы ZRT стал запуск прямых радиотрансляций заседаний с 3 января и телетрансляций с 9 января 1990 года. Для восточногерманского общества это имело огромный эффект. Граждане в прямом эфире наблюдали, как чиновники и сотрудники госбезопасности дискутируют на равных с диссидентами, пасторами и интеллектуалами. Формат ZRT нивелировал номенклатурный статус представителей власти, превращая заседания в открытый аудит старого режима.

Политическое принуждение правительства со стороны ZRT осуществлялось за счет перехвата повестки дня. ZRT действовал как контрольный орган с фактическим правом вето. Кабинет Модрова понимал, что его решения не будут исполнены на местах без одобрения за Круглым столом. Ведомственный саботаж нивелировался угрозой оппозиции сорвать переговоры и объявить забастовку.

Заседание Центрального круглого стола в здании конференц-зала Совета министров ГДР в замке Нидершенхаузен (ныне – Шенхаузен) в Берлин-Панкове; январь 1990 года. Источник: dpa-ZB / Picture Alliance / Фото: Пеер Гримм (Peer Grimm).
https://www.deutschlandfunkkultur.de/deutsche-rufe-10-der-verfassungsentwurf-des-runden-tisches-100.html

К концу января 1990 года экономический кризис вынудил стороны пойти на компромисс и сформировать коалиционное «Правительство национальной ответственности» (Regierung der nationalen Verantwortung), подробный механизм которого описан ниже.

Финальное заседание ZRT состоялось 12 марта 1990 года. В тот же вечер в Лейпциге прошла последняя понедельничная демонстрация, собравшая от 30 000 до 50 000 человек. Эти события завершили этап массовых уличных протестов и деятельности неформальных комитетов.

Голосование делегатов по вопросам неотложных мер в кадровой политике госаппарата на заключительном заседании Центрального круглого стола ГДР; 12 марта 1990 года. Источник: Федеральный фонд исследования коммунистической диктатуры в ГДР (Bundesstiftung Aufarbeitung), архивный шифр: 37096-25A-TH221-LEA / Фото: Петер Леске (Peter Leske).
https://erinnerungsdebatten.de/debatten/eliten-zentraler-runder-tisch-1989-1990/

Гражданское общество удержало страну от хаоса, обеспечив мирный переход власти к новому, избранному на выборах 18 марта парламенту (Народной палате) и коалиционному правительству. Правовая судьба наработок ZRT и специфика электорального цикла 18 марта разобраны в завершающих разделах главы.

1.4. Нейтрализация силового аппарата ГДР и ликвидация Министерства государственной безопасности

Одной из самых сложных задач транзита стало преодоление сопротивления силового блока. Отправной точкой нейтрализации Министерства государственной безопасности ГДР (МГБ, более известного как Штази), народной полиции и военизированных формирований стал «Лейпцигский прецедент» 9 октября 1989 года.

Этот этап стал ключевым в хронологии осенних протестов. После того как 7–8 октября органы правопорядка жестко подавили демонстрации в Берлине и регионах, в обществе возникли опасения реализации в Лейпциге силового сценария по образцу событий на площади Тяньаньмэнь. Клинические учреждения экстренно подготовились к приему раненых, а подразделениям выдали боевое оружие. Несмотря на административное давление властей через прессу, акция продемонстрировала беспрецедентную мобилизацию: на улицы Лейпцига вышло от 70 000 до 100 000 человек, скандировавших «Мы – народ!» (Wir sind das Volk!) и «Без насилия!» (Keine Gewalt!).

Вечером 9 октября 1989 года десятки тысяч человек идут маршем по кольцевой дороге в центре Лейпцига. (Источник: Общество Роберта Хавемана / Арам Радомски). https://revolution89.de/revolution/wir-sind-das-volk/der-9-oktober-in-leipzig

К вечеру в городе сосредоточили около 8 000 сотрудников Штази, народной полиции и бойцов военизированных рабочих дружин (Kampfgruppen der Arbeiterklasse, KdA). Однако приказ на применение силы не последовал из-за «вакуума ответственности»: центральное руководство в Берлине не решилось санкционировать насилие без прямых гарантий поддержки со стороны Москвы, исключенной в условиях советской доктрины невмешательства. Численность мирных демонстрантов парализовала силовой аппарат режима, руководство которого побоялось инициировать кровопролитие.

Зигберт Шефке и Арам Радомски следят за ходом демонстрации в Лейпциге 9 октября 1989 года, фиксируя скандирование лозунгов: «Мы – народ!», «Признать „Новый форум“» и «Горби, Горби!». Фото: Арам Радомски / Общество имени Роберта Хавемана (Robert-Havemann-Gesellschaft). https://www.spiegel.de/geschichte/leipzig-9-oktober-1989-montagsdemonstration-kurz-vor-ddr-ende-a-1289709.html

Важнейшую роль в деэскалации сыграла «Лейпцигская шестерка» (Leipziger Sechs) – посредническая группа, куда вошли три секретаря окружного комитета СЕПГ (Курт Хегер, Йохен Поммерт и Роланд Ветцель) и представители интеллигенции, включая дирижера Курта Мазура, теолога Петера Циммермана и сатирика Бернда-Лутца Ланге. Их радиообращение с призывом к мирному диалогу помогло избежать столкновения. Местные силовики получили обоснование не начинать зачистку, а власть увидела возможность компромисса.

Решающим фактором, лишившим режим возможности подавить протест в изоляции, стал прорыв информационной блокады. В день демонстрации гражданские активисты Зигберт Шефке и Арам Радомски тайно пробрались на колокольню Реформатской церкви (Reformierte Kirche) в Лейпциге и зафиксировали шествие на видеопленку. Кассета, переправленная через дипломатические каналы в Западный Берлин, была показана по телевидению ФРГ. Миллионы граждан ГДР, принимавшие западный телесигнал, увидели, что силовики отказались от насилия, из-за чего государственное устрашение потеряло эффективность.

Этот перелом в общественном сознании запустил демонтаж старого порядка: через месяц пала Берлинская стена, а госаппарат утратил способность управлять страной без оглядки на улицу. Вакуум власти переместил центр принятия решений за Центральный круглый стол, где вчерашние диссиденты получили рычаги контроля над ключевыми институтами режима.

Выступление Райнера Эппельманна от движения «Демократический прорыв» с жесткими требованиями к председателю Совета министров ГДР Хансу Модрову о немедленном раскрытии структур MfS и СЕПГ в ходе заседания Центрального круглого стола; 15 января 1990 года. Источник: Федеральный фонд исследования коммунистической диктатуры в ГДР (Bundesstiftung Aufarbeitung), архивный шифр: 37068-25A-TH221-LEA-VorAw / Фото: Петер Леске (Peter Leske). https://erinnerungsdebatten.de/debatten/aufarbeitung-zentraler-runder-tisch-1989-1990/

Ликвидация Министерства государственной безопасности также проходила под прямым контролем ZRT. После попытки председателя Совета министров Ханса Модрова сохранить спецслужбу путем ее реорганизации в Управление национальной безопасности (Amt für Nationale Sicherheit, AfNS), оппозиция жестко настояла на полном роспуске ведомства, заблокировав его бюджетное финансирование. Ключевым событием стало 15 января 1990 года, когда граждане установили контроль над центральным комплексом зданий Штази на Норманненштрассе (Normannenstraße) в Берлине.

Важно подчеркнуть мирный и организованный характер этой акции, ставшей спасением национальной памяти. Когда спецслужба начала экстренно уничтожать документы, протестующие пошли на установление контроля над зданиями ведомства ради спасения улик. Активисты сформировали живые коридоры, предотвратив насилие над сотрудниками и остановив уничтожение архивов. В результате здания перешли под гражданское управление, а архивы были опечатаны представителями гражданских комитетов и военной прокуратуры ГДР.

Протестующие берут под гражданский контроль комплекс зданий Министерства государственной безопасности ГДР на Норманненштрассе с целью предотвращения уничтожения архивных документов; Берлин-Лихтенберг, 15 января 1990 года. Источник: Федеральный фонд исследования коммунистической диктатуры в ГДР (Bundesstiftung Aufarbeitung), архивный шифр: DDR Opposition Stasi Sturm / Фото: Анн-Кристин Янссон (Ann-Christine Jansson). https://erinnerungsdebatten.de/debatten/aufarbeitung-zentraler-runder-tisch-1989-1990/

Одновременно разворачивалась институциональная нейтрализация Национальной народной армии (ННА, Nationale Volksarmee, NVA) ГДР. Офицерскому корпусу через каналы ZRT и неформальные контакты с ФРГ транслировали гарантии личной безопасности и сохранения социальных обязательств при условии строгого невмешательства. Высший генералитет ННА, осознавая риски перерастания уличных зачисток во внутренний вооруженный конфликт, саботировал радикальные директивы ЦК СЕПГ. В начале октября начался раскол в низовых звеньях: курсанты нескольких военных училищ открыто заявили о нежелании применять силу против сограждан. Ситуацию зафиксировал строгий приказ руководства СССР, запретивший Группе советских войск в Германии (ГСВГ) покидать места дислокации и оказывать силовую поддержку властям ГДР.

Поэтому, когда назначенный в октябре новый руководитель ГДР Эгон Кренц официально занял свой пост, армейское руководство уже де-факто объявило о нейтралитете и отвергло планы силового сдерживания общества. Оставшись без силовой опоры, руководство правящей партии стремительно теряло контроль над процессами, и проведение досрочных свободных выборов в Народную палату (Volkskammer, однопалатный парламент ГДР) стало единственным прагматичным способом стабилизировать ситуацию.

Граждане Восточного Берлина у ворот штаб-квартиры Министерства государственной безопасности (Штази) на Норманненштрассе в день взятия комплекса под гражданский контроль; 15 января 1990 года. Демонстрант держит плакат-акростих, критикующий попытки режима удержать власть после косметического переименования партии. Первая вертикальная группа букв образует старую аббревиатуру партии SED (СЕПГ), вторая – новую PDS (ПДС), образуя политический лозунг: [S]tasi / [E]inheits- / [D]iktatoren – (Штази и Диктаторы из единой партии [SED]); [P]robieren / [D]ogmatischen / [S]ozialismus – (Пробуют [навязать] догматический социализм [PDS]); NIE WIEDER – (Никогда больше!). Фото: Рольф Вальтер (Rolf Walter). Источник: Robert-Havemann-Gesellschaft / Федеральный архив Германии (Bundesarchiv).
https://www.bundesarchiv.de/themen-entdecken/online-entdecken/storys/die-stasi-im-jahr-1989/januar-1990/

Гельмут Коль и Михаил Горбачев во время переговоров в Москве; 10 февраля 1990 года. Фото: Энгельберт Райнеке (Engelbert Reineke) / Пресс-служба федерального правительства Германии (Bundesregierung).
https://www.bundeskanzler-helmut-kohl.de/seite/deutsch-franzoesische-beziehungen-zulieferung-august/

Параллельно решался и внешний контур германского вопроса. Визит канцлера ФРГ Гельмута Коля в Москву 10 февраля 1990 года, где он получил принципиальное согласие советского лидера Михаила Горбачева на объединение Германии, лишил режим в ГДР последних надежд на внешнюю поддержку Кремля и превратил предстоящее голосование в Народную палату в де-факто плебисцит о будущем формате существования государства.

1.5. Механизмы легализации решений Круглого стола, Правительство национальной ответственности и финал транзита

Особым феноменом германского транзита стала эволюция Центрального круглого стола из консультативно-диалоговой площадки в субъект учредительной власти. Ключевой успех заключался в отказе от правового нигилизма: оппозиция не стремилась к немедленному аннулированию законов, а использовала прежние формальные структуры для легитимного демонтажа системы.

Внесение представителями Социал-демократической партии (СДП ГДР) проекта закона «О приватизации государственного имущества в пользу граждан ГДР» на рассмотрение Центрального круглого стола; 26 февраля 1990 года. Источник: Федеральный фонд исследования коммунистической диктатуры в ГДР (Bundesstiftung Aufarbeitung), archivalische Signatur: 36948-25A-TH221-LEA / Фото: Петер Леске (Peter Leske).
https://erinnerungsdebatten.de/debatten/vermoegen-zentraler-runder-tisch-1989-1990/

Процесс опирался на технологию принудительного законотворчества. Не имея формальных полномочий, Центральный круглый стол использовал Народную палату ГДР как технический инструмент для придания своим решениям статуса закона. Депутаты прежнего созыва, лишившись внешней силовой поддержки, ретранслировали волю Круглого стола. Под давлением уличной мобилизации старый парламент фактически передал право законодательной инициативы экспертным группам Центрального круглого стола (ZRT). Это обеспечило внешнюю правовую непрерывность: госаппарат функционировал, исполняя новые по содержанию нормы, сохранявшие форму привычных парламентских актов.

Дискуссия между председателем Совета министров Хансом Модровом (СЕПГ-ПДС) и представителями оппозиции Райнхардом Шультом и Ингрид Кеппе из «Нового форума» (NF) за Центральным круглым столом. Источник: Федеральный фонд исследования коммунистической диктатуры в ГДР (Bundesstiftung Aufarbeitung), архивный шифр: 37286-25A-TH221-LEA / Фото: Петер Леске (Peter Leske).
https://erinnerungsdebatten.de/debatten/akten-zentraler-runder-tisch-1989-1990/

Важнейшим этапом стратегии стала пошаговая интеграция оппозиции в исполнительную власть, завершившаяся созданием коалиционного «Правительства национальной ответственности» (Regierung der nationalen Verantwortung). Шаг продиктовал острый политический кризис конца января 1990 года. Улица стремительно теряла доверие к кабинету Ханса Модрова, воспринимавшемуся как попытка номенклатуры СЕПГ-ПДС удержать контроль, а сам Круглый стол рисковал стать декоративным органом. Чтобы предотвратить управленческий хаос и экономический коллапс, оппозиция перешла в наступление. Перехват исполнительной власти произошел на рубеже января и февраля 1990 года через три вехи.

Во-первых, 22 января 1990 года представители «Блока новых сил» за Круглым столом выдвинули ультиматум правительству Модрова. Оппозиция отказалась быть пассивной ширмой для СЕПГ-ПДС. Под угрозой срыва диалога и всеобщей забастовки диссиденты потребовали прямого участия в управлении страной и переноса парламентских выборов с мая на март для сокращения периода безвластия.

Встреча руководства ГДР с модераторами Центрального круглого стола и лидерами оппозиции в гостевом доме Совета министров «Йоханнисхоф»; ночь с 28 на 29 января 1990 года. По итогам переговоров было достигнуто соглашение о переносе парламентских выборов на 18 марта и вхождении оппозиции в правительство. Слева направо: Ханс Модров, модераторы Мартин Циглер и Карл-Хайнц Дукке, и.о. председателя Госсовета ГДР Манфред Герлах. Справа – лидер партии «Демократический прорыв» Вольфганг Шнур. Фото: AP.
https://www.spiegel.de/fotostrecke/20-jahre-runder-tisch-fotostrecke-108461.html

Во-вторых, 28 января 1990 года под давлением уличных протестов и ультиматума ZRT Ханс Модров капитулировал. На переговорах стороны достигли компромисса об официальном вхождении оппозиции в состав Совета министров ГДР. Соглашение о создании временного «Правительства национальной ответственности» наделило лидеров гражданских движений статусом «министров без портфеля» для уравновешивания старой партийной бюрократии.

Ханс Модров (справа) в кулуарах Народной палаты с новыми министрами без портфеля (слева направо): Татьяной Бем («Независимый женский союз»), Клаусом Шлютером («Зеленая лига») и Гердом Поппе («Инициатива за мир и права человека»). Берлин, 5 февраля 1990 года. Кадр зафиксировал создание коалиционного Правительства национальной ответственности. Источник: Bundesarchiv, архивный шифр: Bild 183-1990-0205-018 / Фото: Габриэла Зенфт (Gabriele Senft). https://www.spiegel.de/fotostrecke/20-jahre-runder-tisch-fotostrecke-108461.html

В-третьих, 5 февраля 1990 года Народная палата ГДР утвердила новый коалиционный кабинет. Восемь лидеров ключевых оппозиционных движений, включая Райнера Эппельманна от «Демократического прорыва» (Demokratischer Aufbruch, DA), Вольфганга Ульмана от «Демократии сейчас» и Матиаса Платцека от «Зеленых», вошли в состав Совета министров ГДР как министры без портфеля с правом решающего голоса.

Институциональной опорой министров-оппозиционеров стали 16 профильных рабочих групп Круглого стола (по экономике, безопасности, СМИ, правовой реформе и др.), созданных в декабре 1989 – январе 1990 года и фактически дублировавших министерства. Опираясь на их экспертный потенциал, новые министры без портфеля получили доступ к закрытой государственной информации, финансовой аналитике и архивам.

Новые члены коалиционного кабинета от оппозиционных сил в день их официального утверждения в Народной палате ГДР; 5 февраля 1990 года. Слева направо: Себастьян Пфлугбайль («Новый форум»), Райнер Эппельманн («Демократический прорыв»), Вальтер Ромберг (СДП), Татьяна Бем («Независимый женский союз»), Клаус Шлютер («Зеленая лига»), Матиас Платцек («Зеленая партия»), Герд Поппе («Инициатива за мир и права человека») и Вольфганг Ульман («Демократия сейчас»). Источник: Bundesarchiv, архивный шифр: Bild 183-1990-0205-019 / Фото: Габриэла Зенфт (Gabriele Senft). https://www.spiegel.de/fotostrecke/20-jahre-runder-tisch-fotostrecke-108461.html

Это замкнуло прямую вертикаль управления: выработанные в рабочих группах ZRT законопроекты министры конвертировали в правительственные распоряжения, обязательные для старого аппарата. Совет министров де-факто превратился в исполнительный комитет Круглого стола, что обеспечило бесшовный переход: госаппарат работал, понимая, что команды исходят от органа национального согласия, а не от ослабленной СЕПГ.

Профильные рабочие группы ZRT фактически выполняли роль временного предпарламента. Именно там разработали новый пакет законов ГДР: акты о свободе прессы, союзов и партий, а также либеральное избирательное законодательство, сделавшее возможными честные многопартийные выборы.

Обсуждение концепции создания Попечительского ведомства (Treuhandanstalt) в ходе заседания Центрального круглого стола ГДР; 12 февраля 1990 года. Источник: Федеральный фонд исследования коммунистической диктатуры в ГДР (Bundesstiftung Aufarbeitung), архивный шифр: 37078-25A-TH221-LEA / Фото: Петер Леске (Peter Leske). https://erinnerungsdebatten.de/debatten/vermoegen-zentraler-runder-tisch-1989-1990/

Дискуссия по вопросам реформирования отношений собственности в рамках заседаний Центрального круглого стола ГДР. Источник: Федеральный фонд исследования коммунистической диктатуры в ГДР (Bundesstiftung Aufarbeitung), архивный шифр: 37036-25A-TH221-LEA / Фото: Петер Леске (Peter Leske). https://erinnerungsdebatten.de/debatten/vermoegen-zentraler-runder-tisch-1989-1990/

Отчет председателя Совета министров Ханса Модрова перед Центральным круглым столом о статусе роспуска Министерства государственной безопасности / Ведомства национальной безопасности ГДР (MfS / AfNS); 15 января 1990 года. Источник: Федеральный фонд исследования коммунистической диктатуры в ГДР (Bundesstiftung Aufarbeitung), архивный шифр: 36975-25A-TH221-LEA / Фото: Петер Леске (Peter Leske). https://erinnerungsdebatten.de/debatten/akten-zentraler-runder-tisch-1989-1990/

Фундаментом правового транзита стало исключение 1 декабря 1989 года из Конституции ГДР статьи о руководящей роли СЕПГ. Это аннулировало монополию партии власти, которая в середине декабря реорганизовалась в СЕПГ-ПДС. Это создало условия для подготовки проекта новой Конституции, которая должна была превратить ГДР в демократическую, экологическую и социальную республику. В ZRT проект позиционировался как юридическое оформление «третьего пути» – альтернативы советской модели и механическому поглощению со стороны ФРГ. Параллельно эксперты ZRT в кратчайшие сроки сформировали юридический фундамент для свободных выборов, заблокировав выгодные номенклатуре электоральные процедуры.

Делегаты 16 партий и общественно-политических объединений за обсуждением правительственного отчета, а также проектов новых законов о выборах, партиях и союзах в ходе 7-го заседания Центрального круглого стола; в центре – представительница «Нового форума» Ингрид Кеппе. Источник: Bundesarchiv, архивный шифр: Bild 183-1990-0115-018 / Фото: Райнер Миттельштедт (Rainer Mittelstädt). https://erinnerungsdebatten.de/debatten/akten-zentraler-runder-tisch-1989-1990/

Созданный Круглым столом проект новой Конституции ГДР был официально представлен на финальном заседании площадки 12 марта 1990 года. К выборам 18 марта в стране уже действовала временная правовая рамка, подготовленная ZRT и легализованная через госинституты, что исключило реванш старых элит. Официальное закрытие ZRT передавало судьбу учредительного нормотворчества будущему легитимному парламенту.

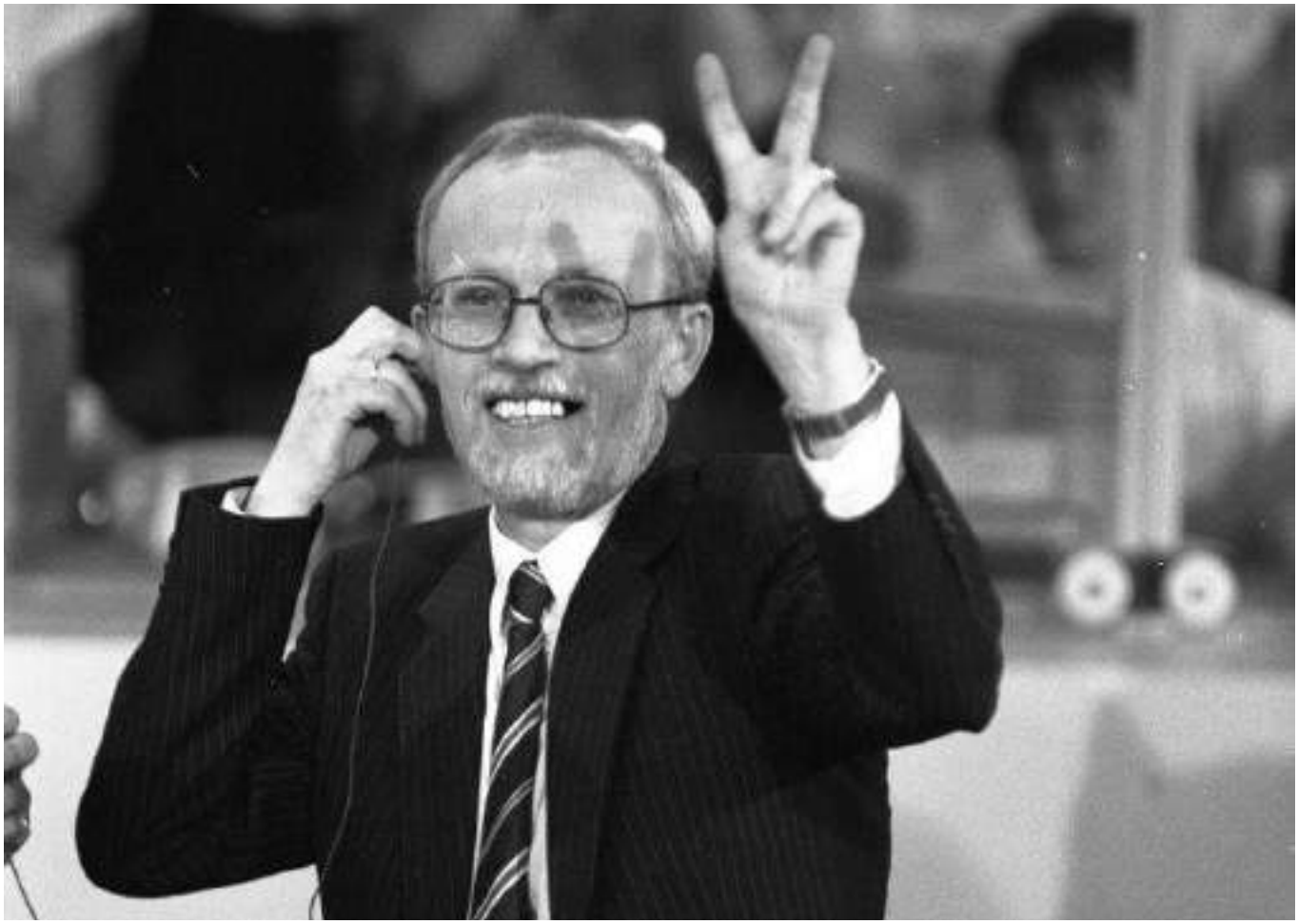
Первые свободные выборы 18 марта 1990 года благодаря подготовленной ZRT правовой рамке прошли без фальсификаций при явке 93,4%, что сняло любые вопросы о легитимности парламента. Итоги выборов радикально обновили политическую элиту: в Народную палату переизбрались лишь 3% прежних депутатов. Новый депутатский корпус заметно помолодел (средний возраст – 42 года) и отличался высоким уровнем квалификации (86% депутатов имели высшее образование).

Чрезвычайный съезд СЕПГ, в ходе которого была предпринята попытка реорганизации партии и изменения ее названия на «Социалистическая единая партия Германии – Партия демократического социализма» (СЕПГ-ПДС); 8–9 декабря 1989 года. Источник: Bundesarchiv, архивный шифр: Bild-183-1989-1208-041 / Фото: Райнер Миттельштедт (Rainer Mittelstädt). https://erinnerungsdebatten.de/debatten/eliten-zentraler-runder-tisch-1989-1990/

Финальное (16-е) заседание Центрального круглого стола во дворце Нидершенхаузен; 12 марта 1990 года. На повестке дня – обсуждение частей проекта новой конституции ГДР. Фото: Клаус Оберст (Klaus Oberst). Источник: Федеральный архив Германии / ADN-Zentralbild (шифр: Bild 183-1990-0312-024). https://erinnerungsdebatten.de/debatten/verfassung-zentraler-runder-tisch-1989-1990/

Председатель Христианско-демократического союза ГДР Лотар де Мезьер в ночь подсчета голосов после объявления о победе консервативного блока «Альянс за Германию». Берлин, 18 марта 1990 года. Источник: Bundesarchiv, архивный шифр: Bild 183-1990-0318-046 / Фото: Клаус Оберст (Klaus Oberst). https://revolution89.de/fr/unite/pas-dexperimentation/les-premieres-elections-libres-en-rda

Политическая карта ГДР изменилась принципиально. Крупнейшего успеха добился правоцентристский блок «Альянс за Германию» (Allianz für Deutschland) во главе с Христианско-демократическим союзом (ХДС), набравший 48% голосов и получивший мандат на скорейшее воссоединение с ФРГ. Партия демократического социализма (ПДС), ставшая преемницей СЕПГ, получила лишь 16% голосов, что подвело черту под монополией номенклатуры.

Этот исход кардинально скорректировал планы Круглого стола по реформированию государственности. Результаты голосования наглядно продемонстрировали, что большинство населения ориентировалось не на сохранение суверенной республики на принципах «третьего пути», а на максимально быстрое воссоединение с Западной Германией ради материальной стабильности.

По итогам выборов Народная палата сформировала широкое коалиционное правительство во главе с Лотаром де Мезьером – лидером восточногерманского ХДС.

Основу коалиции составил блок «Альянс за Германию», объединявший Христианско-демократический союз ГДР (ХДС ГДР; Christlich-Demokratische Union Deutschlands, CDU), Немецкий социальный союз (НСС; Deutsche Soziale Union, DSU) и движение «Демократический прорыв» (Demokratischer Aufbruch, DA). Для конституционного большинства в кабинет вошли также Социал-демократическая партия в ГДР (СДП ГДР; Sozialdemokratische Partei in der DDR, SDP) и Ассоциация свободных демократов (АСД; Bund Freier Demokraten, BFD). Главной задачей этого переходного правительства стало технико-юридическое обеспечение ликвидации ГДР и ее бесконфликтного слияния с Западной Германией.

Первое и последнее свободно избранное правительство ГДР во главе с премьер-министром Лотаром де Мезьером (в центре) у Дворца Республики после официального утверждения Народной палатой. Берлин, апрель 1990 года. Фото: FPI-Foto Press / ullstein bild.
https://www.hdg.de/lemo/bestand/objekt/foto-kabinett-de-maiziere.html

Новое руководство проигнорировало проект Конституции ZRT. Интеграция ГДР в состав ФРГ пошла по сценарию быстрого распространения Основного закона ФРГ (Grundgesetz) на новые федеральные земли (Neue Bundesländer) через его 23-ю статью. Эта статья содержала механизм, позволявший другим частям Германии вступать в зону действия Основного закона в одностороннем порядке путем заявления о присоединении (Beitritt). Выбор этого пути вместо разработки новой конституции по 146-й статье означал отказ от длительных межгосударственных переговоров и референдумов ради ускоренной

интеграции. 3 октября 1990 года пять восстановленных восточногерманских земель вошли в состав ФРГ, что сделало конституционные проекты ZRT невостребованными.

Релевантные уроки для Беларуси

Урок 1. Субъектность как пропуск к переговорам: система говорит только с системой.

Элиты ГДР согласились на переговоры не вследствие либерализации взглядов, а потому, что оппозиция институционализировалась и предъявила дееспособного контрагента. Для Беларуси это означает, что внешнее и внутреннее давление (санкции, стагнация) само по себе не запускает транзит, а лишь накапливает системное напряжение. Чтобы разрядить его в управляемый транзит, демократические силы должны сформировать субъектную «контрсистему». Консолидация оппозиции в единого институционального актора – необходимое условие для диалога. Переговоры начнутся только тогда, когда у элит появится адресат для запроса гарантий безопасности и выхода из тупика. Путь к Круглому столу – это трансформация стихийного протеста в структурированный политический диалог.

Урок 2. Преодоление «вакуума ответственности» через внешние сигналы.

Круглый стол в ГДР стал возможен после исчезновения у номенклатуры иллюзии внешней поддержки. «Доктрина Синатры» и нейтралитет советских войск создали ситуацию, когда руководство осознало: за насилие придется отвечать лично, без защиты геополитического союзника. Для Беларуси это подчеркивает важность работы на международном контуре, который должен донести до номенклатуры и силовиков четкий сигнал: при остром внутреннем кризисе внешняя силовая помощь для подавления общества не гарантирована. Когда этот защитный контур ослабевает, страх перед персональной юридической ответственностью стимулирует прагматиков внутри системы искать политический компромисс.

Урок 3. Модель «двойного ключа» и роль кадрового резерва.

Немецкий опыт ценен технологией сохранения дееспособности государства при смене режима. Вместо разрушения ведомств Круглый стол внедрил систему отраслевых рабочих групп. Это позволило сохранить специалистов жизнеобеспечения (ЖКХ, транспорт, медицина) под управлением прежних кадров, но под надзором новых независимых контролеров. Для Беларуси это эффективный механизм нейтрализации страха бюрократии перед управленческим коллапсом. Однако реализация модели требует от демократических сил заблаговременной подготовки кадрового резерва специалистов, готовых к со-управлению. Это позволит перехватить контроль над финансовыми потоками и заблокировать репрессии, сохранив стабильность инфраструктуры. Госаппарат превратится в технического исполнителя, лояльность которого обеспечена сохранением статуса и предсказуемостью транзита.

Урок 4. Баланс справедливости и порядка через контроль над архивами.

Кейс ГДР доказывает: для демонтажа репрессивной машины контроль над информацией на первом этапе важнее, чем немедленная массовая люстрация. Опечатывание архивов Штази лишило старую элиту возможности шантажа и уничтожения улик, не парализовав при этом работу органов правопорядка. Для Беларуси гражданский и правовой контроль над архивами спецслужб – это способ остановить репрессии в кратчайшие сроки. Сохранение документов снижает потребность в стихийном возмездии, демонстрируя обществу запуск законной процедуры установления ответственности. Это предотвращает правовой вакуум и лишает силовиков повода к вооруженному сопротивлению из-за страха самосуда.

Урок 5. Баланс «кнута и пряника»: санкционный рычаг и финансовая помощь.

Транзит в ГДР имел четкую экономическую составляющую, где ФРГ гарантировала масштабную финансовую помощь в обмен на реформы, выступая залогом против экономического краха. В беларуских условиях Круглый стол должен управлять этим балансом. Санкционное давление («кнут») создает условия для старта диалога, а финансовая поддержка и поэтапное снятие ограничений («пряник») обеспечивают выход из кризиса. Номенклатуре нужна пошаговая карта: выполнение условий

(освобождение политзаключенных, прекращение репрессий) ведет к отмене санкционных пакетов и открытию кредитных линий. Это делает поддержку транзита вопросом прагматического интереса элит по стабилизации экономики.

Урок 6. Правовая преемственность как мост для бюрократии.

Круглый стол в ГДР избегал радикальных юридических разрывов, заставляя старый парламент легализовать новые правила игры. Переход «из закона в закон» позволил госслужащим продолжать работу без страха уголовного преследования. Для минимизации саботажа беларуской бюрократии решения диалоговой платформы важно оформлять через существующие формальные процедуры. Использование привычных юридических механизмов снимает у исполнителей психологический барьер «измена государству», существенно упрощает международное признание транзита и вовлекает госаппарат в процесс мирных реформ.

Урок 7. Стратегия «юридического замещения» и рамки транзитного нормотворчества.

Опыт ГДР показывает: транзит устойчив, если правовая альтернатива для переходного периода готова заранее. С одной стороны, оппозиция ГДР победила, поскольку выступила архитектором новой нормативности, запустив готовые реформы через действующие госканалы. Для Беларуси это означает приоритет заблаговременной разработки проектов ключевых указов (о СМИ, партиях, амнистии и др.). Привычные административные формы лишают уходящую власть повода заявлять о нарушении правопорядка и предотвращают хаос. С другой стороны, финал ZRT выявил риск разрыва между планами экспертов и прагматичными запросами общества. Проект новой Конституции ГДР остался невостребованным: граждане выбрали быстрое воссоединение с ФРГ ради материальной стабильности. Для Беларуси готовый правовой пакет – это лишь временный технический инструмент для стабилизации страны и проведения честных выборов. Попытка переходного органа зафиксировать долгосрочный геополитический или ценностный вектор без учета материальных нужд большинства обесценит эти наработки. Будущий легитимный парламент отвергнет перегруженные реформы, если они не будут отвечать прямому запросу граждан на сохранение уровня жизни.

Резюме

Подводя итог германскому опыту, можно констатировать, что успех транзита в ГДР был предопределен не только слабостью режима, но и способностью альтернативных сил быстро предложить государству новую рамку легитимности. Центральный круглый стол в Берлине стал не просто площадкой для дискуссий, а временным «центром тяжести» всей политической системы, позволившим предотвратить институциональный паралич власти.

Этот кейс служит доказательством того, что мирный демонтаж авторитарной вертикали возможен даже при наличии мощного репрессивного аппарата – при условии, что оппозиция выступает как консолидированная «контрсистема», а внешние обстоятельства лишают номенклатуру монополии на ресурсы. Германия показала: когда у элит исчезает иллюзия внешней защиты, а появление дееспособного субъекта гарантирует стабилизацию политических процессов и управляемость страны, переход к диалогу из «предательства» превращается в наиболее рациональный способ самосохранения номенклатуры. При этом трансформация сознания граждан от «объекта» политики к ее «субъекту» выступает обязательным стартовым условием для успешного транзита.

Глава 2. Польша (1980–1989): Круглый стол и модель паритетного договора

Введение

Опыт системной трансформации в Польше представляет собой кейс принуждения авторитарного режима к переговорам через создание долговременной, устойчивой к давлению общественной контрсистемы. Польский транзит развивался в условиях жесткого баланса сил: правящая номенклатура Польской объединенной рабочей партии не имела внутренних ресурсов для окончательной ликвидации оппозиции, а протестное движение не обладало возможностями для одномоментного свержения режима. Перманентная угроза советского военного вмешательства очерчивала жесткие границы допустимого для обеих сторон: Москва не позволила бы ПОРП полностью сдать власть, но и затяжной силовой конфликт внутри Польши подрывал стабильность всего социалистического блока. В этой геополитической рамке стихийное экономическое недовольство польских рабочих, вызванное хроническим дефицитом и повышением цен, привело к отказу от уличных манифестаций в пользу тактики оккупационных забастовок на крупнейших предприятиях. В ходе развития протеста этот вынужденный

оборонительный паттерн был концептуализирован экспертным крылом движения как стратегия «самоограничивающейся революции» (rewolucja samoograniczająca się).

Внутренняя устойчивость возникшей контрсистемы базировалась на прагматичном союзе забастовочного движения и диссидентской интеллигенции, сумевшей перевести требования рабочих комитетов на язык системных правовых категорий. Институционализация протеста в рамках Независимого самоуправляемого профессионального союза «Солидарность» позволила создать параллельную общественную инфраструктуру с собственными логистическими, финансовыми и медийными возможностями, которую режим не смог уничтожить даже введением военного положения.

Когда к концу 1980-х годов хронический экономический кризис и пассивный саботаж населения обострились из-за провала правительственных реформ и резкого скачка цен, по стране прокатилась новая, неуправляемая волна общенациональных забастовок. Партийно-государственная верхушка, осознав невозможность подавить этот протест исключительно силовыми методами, была вынуждена пойти на диалог. Оппозиция выступила на Круглом столе в качестве дееспособного партнера. Наличие у нее конкретных, юридически проработанных программ правовых и экономических преобразований позволило перевести политический торг с номенклатурой в русло пошагового демонтажа однопартийной монополии, обеспечив переход власти при сохранении дееспособности госаппарата.

2.1. Экономические и социально-политические предпосылки системного кризиса ПНР (1970–1979)

Политический и экономический кризис Польской Народной Республики (ПНР; Polska Rzeczpospolita Ludowa – PRL), завершившийся демонтажем монополии Польской объединенной рабочей партии (ПОРП; Polska Zjednoczona Partia Robotnicza – PZPR), развивался на протяжении 1970-х годов. Начальной точкой дестабилизации стали трагические события декабря 1970 года. К этому моменту автаркическая модель первого секретаря ЦК ПОРП Владислава Гомулки исчерпала свой ресурс. Стремясь сдержать инфляцию, партийное руководство и правительство Юзефа Циранкевича принудительно снизили уровень потребления населения, объявив накануне Рождества о резком повышении розничных цен на продовольствие.

Рабочий класс отреагировал быстро. 14 декабря 1970 года рабочие судоверфи имени Ленина в Гданьске начали уличные демонстрации, к которым примкнули коллективы предприятий Гдыни, Эльблонга и Щецина. Владислав Гомулка квалифицировал протесты как антигосударственные беспорядки и санкционировал применение оружия армией. Силовой операцией руководили член Политбюро Зенон Клишко и министр

национальной обороны генерал Войцех Ярузельский. 17 декабря в Гдыне армейские подразделения открыли огонь по шеренгам судостроителей, шедших на утреннюю смену от платформы Гдыня-Сточня. При подавлении протестов на Балтийском побережье погибли 45 человек, более 1 000 получили ранения.

Демонстранты несут тело убитого рабочего Збигнева Годлевского по улице в Гдыне. Декабрь 1970 года. Фото: Европейский центр Солидарности. https://wyborcza.pl/alehistoria/7,121681,26609323,grudzien-1970-r-zbyszek-godlewski-mial-18-lat-padly-strzaly.html

На фоне столкновений внутри партаппарата произошли кадровые перестановки. За спиной первого секретаря сформировалась группа функционеров во главе с Эдвардом Гереком, Станиславом Каней и Войцехом Ярузельским. Руководство СССР, опасаясь дестабилизации Польши как транзитного узла к Группе советских войск в Германии, рекомендовало урегулировать конфликт мирно. 20 декабря 1970 года первым секретарем ЦК ПОРП стал Эдвард Герек.

Трагедия 1970 года нанесла обществу психологическую травму, но сформировала границы компромиссов. Рабочие убедились в эффективности забастовки, а администрация Эдварда Герека приобрела страх перед уличным насилием. Чтобы остановить забастовки в Щецине и Лодзи, новое правительство отменило повышение цен, зафиксировав социальный мир ценой ухудшения макроэкономических показателей и запуска инфляционной спирали.

Для поддержания компромисса команда Эдварда Герека и премьер-министр Петр Ярошевич сделали ставку на ускоренную модернизацию за счет внешних займов под экспортные инвестиции. Западные банки, аккумулировавшие нефтедоллары после скачка цен на энергоносители в 1973 году, активно кредитовали ПНР, предполагая, что СССР в случае финансового кризиса гарантирует платежеспособность стран Варшавского договора. К концу 1975 года внешний долг ПНР превысил 8 млрд долларов, а валютные лимиты контролировал Торговый банк в Варшаве.

Замысел герековской реформы строился на импорте западного оборудования, лицензий и последующем экспорте продукции за свободно конвертируемую валюту – девизы (dewizy). Ключевыми проектами стали металлургический комбинат «Катовице» в Домброве-Гурничей, Центральный промышленный порт в Гданьске и модернизация тракторного завода Урсус. На заемные средства приобрели лицензию на производство малолитражного автомобиля Fiat 126p («Малюх»), ставшего символом герековского потребительского благополучия.

Сборка автомобилей Fiat 126p на конвейере завода FSM. Став символом потребительского благополучия герековской эпохи 1970-х, „Малюх" оставался главной массовой машиной Польши и в последующее десятилетие. 1986 год. Фото: Станислав Якубовский / CAF / PAP.
https://www.forbes.pl/life/motoryzacja/najpierw-produkcje-przerwala-wojna-potem-sprzeciw-moskwy-w-koncu-polacy-dostali-swoj/220z7ms

Но командно-административная модель продемонстрировала несовместимость с эффективным управлением кредитами. Распределение средств превратилось в арену лоббизма региональных парткомов, что привело к распылению финансов и замораживанию инвестиций из-за затягивания строительства сотен объектов. Модернизация усилила технологическую зависимость Польши от западного сырья. Желая избежать недовольства, Эдвард Герек удерживал фиксированные цены на мясо с помощью госдотаций, поглощавших к 1975 году более 12% национального дохода. На

рынке сформировался инфляционный навес. Рецессия на Западе и протекционистские тарифы США и Европы лишили польские товары конкурентоспособности. Это привело к скрытому дефолту – ситуации, когда обслуживание долга поглощало практически всю валютную выручку.

Вечером 24 июня 1976 года Петр Ярошевич объявил по телевидению о введении новых цен на продовольствие с повышением стоимости мяса в среднем на 69%. При этом дифференцированные компенсации защищали партаппарат за счет снижения реальных доходов рабочих. Утром 25 июня 1976 года забастовали крупнейшие предприятия в Плоцке, Радоме и Урсусе. В Радоме рабочие подожгли здание Воеводского комитета ПОРП. Для разгона протестующих власти применили ЗОМО (Zmotoryzowane Odwody Milicji Obywatelskiej – ZOMO) – военизированные моторизованные части гражданской милиции. Одновременно рабочие завода Урсус заблокировали движение поездов на линии Варшава – Познань.

Июньские протесты 1976 года. Демонстранты у горящего здания Воеводского комитета ПОРП в Радоме. 25 июня 1976 года. Фото: East News / Archiwum Solidarności. https://www.newsweek.pl/historia/jak-powstal-komitet-obrony-robotnikow-40-rocznica-utworzenia-kor-u/ctgbmz2

Опасаясь общенациональной забастовки, правительство отменило решение о повышении цен, но запустило репрессии. В Радоме и Урсусе милиция применяла физическое насилие, известное как «дорожки здоровья» (ścieżki zdrowia) – практика, при которой задержанных избивали дубинками, заставляя бежать сквозь строй милиционеров. Были арестованы более 2 000 рабочих. Начались увольнения по статье 52 Трудового кодекса ПНР за грубое нарушение обязанностей, что лишало участников забастовок средств к существованию без права трудоустройства.

Сотрудники военизированных моторизованных частей гражданской милиции (ЗОМО) перед штурмом позиций протестующих рабочих. Радом, 25 июня 1976 года. Фото: Збигнев Немирский / Foto Gość. https://www.gosc.pl/doc/6947725.45-lat-temu-doszlo-do-protestow-robotniczych-m-in-w-Radomiu

Эти репрессии подтолкнули к консолидации оппозиционные силы. Во время студенческих волнений 1968 года и забастовок 1970 года интеллигенция и рабочий класс выступали изолированно. Теперь репрессии против рабочих вызвали реакцию интеллектуальных элит. Важным внешним щитом послужило подписание ПНР Хельсинкских соглашений в 1975 году. Эдвард Герек, нуждавшийся в реструктуризации долгов перед Западом, был скован международными обязательствами в области прав человека и не мог применить масштабный террор.

Пользуясь уязвимостью режима, 22 сентября 1976 года группа диссидентов объявила о создании Комитета защиты рабочих (KOP; Komitet Obrony Robotników – KOR). Впервые в советском блоке возникла правозащитная организация, участники которой – Яцек Куронь, Адам Михник, Антоний Пайдак, Анеля Стейнсбергова и др. – открыто указали свои имена и адреса. Эмиссары KOP развернули помощь по 3 направлениям: финансовая поддержка семей, собиравшаяся в том числе через Литературный институт в Париже – польский издательский дом во Франции, ставший мостом между эмиграцией и подпольем; профессиональная юридическая защита силами адвокатов

KOP; информационная работа через независимый второй оборот (drugi obieg) – сеть подпольных типографий, выпускавших запрещенную литературу.

Собрание членов Комитета защиты рабочих (KOR) в квартире Яцека Куроня. На фото (слева направо): Я. Ю. Липский, А. Михник, С. Старчевский, М. Бейлин, Я. Чапутович, С. Ковальский, Я. Цивиньский. Фото: Томаш Михаляк / Fotonova.
https://www.newsweek.pl/historia/kor-antoni-macierewicz-jakie-znaczenie-mial-komitet-obrony-robotnikow/mr79b2x

Успех инициатив подтолкнул движение к системному строительству параллельного гражданского общества. По инициативе Яцека Куроня упор был сделан на самоорганизацию снизу. Подпольные издательства, такие как Независимое издательство «НОВА» (Niezależna Oficyna Wydawnicza „NOWa”), наладили регулярный выпуск книг. В сентябре 1977 года организация реорганизовалась в Комитет общественной самообороны «КОР» (КСО «КОР»; Komitet Samoobrony Społecznej „KOR” – KSS KOR), запустив издание газеты «Рабочий» („Robotnik”). Вокруг КСО «КОР» кристаллизовались Студенческие комитеты солидарности (Studenckie Komitety Solidarności – SKS) и нелегальные Свободные профсоюзы Побережья (Wolne Związki Zawodowe Wybrzeża – WZZW).

Репрессии окончательно разрушили доверие общества к государству, заставив диссидентов искать союза со вторым полюсом сопротивления – Римско-католической церковью. Это был единственный общественный институт, сохранивший автономию от государства благодаря политике примаса Стефана Вышинского. Церковь обладала независимыми печатными органами, включая журнал «Общий еженедельник» („Tygodnik Powszechny”), и Люблинским католическим университетом. Преодолев недоверие к

религиозному институту, оппозиционная интеллигенция нашла в нем опору. Церковные иерархи осудили милицейский произвол 1976 года, а католические приходы превратились в безопасные пространства для встреч диссидентов и рабочих.

Этот союз получил импульс извне 16 октября 1978 года, когда новым главой Римско-католической церкви под именем Иоанна Павла II был избран кардинал Кароль Войтыла – архиепископ-митрополит Краковский. Впервые на престол Святого Петра взошел славянин, знавший природу восточноевропейского авторитаризма. Для номенклатуры ПНР это событие стало огромной угрозой. Но несмотря на рекомендации Леонида Брежнева отказать Понтифику в праве посещения родины, Эдвард Герек дал согласие на визит, понимая: запрет спровоцирует социальный взрыв и отзыв западных кредитных линий.

Первый апостольский визит Иоанна Павла II в Польшу состоялся со 2 по 10 июня 1979 года. Эти 9 дней нанесли мощнейший удар по идеологической монополии партии. Во время мессы на площади Победы в Варшаве Понтифик произнес слова, воспринятые поляками как духовный манифест возрождения: «Пусть сойдет Дух Твой и обновит лик земли. Сей земли!». МВД ПНР в рамках программы «Лето-79» („Lato-79”) предприняло жесткие меры цензуры: ТВ получило инструкцию транслировать крупные планы Понтифика, избегая панорамных кадров многотысячных собраний. В этих условиях КСО «КОР» и Свободные профсоюзы Побережья выступили как альтернативное информационное агентство, развернув пресс-центры для иностранных журналистов и распространяя газету «Рабочий» среди паломников.

Маршрут Папы пролегал через Варшаву, Гнезно, Ченстохову, Краков и Нова-Хуту. Там, у стен костела «Ковчег Завета» („Arka Pana”), построенного после изнурительной борьбы верующих с администрацией за право иметь приход в «городе без Бога» и освященного Каролем Войтылой еще в 1977 году, тысячи рабочих-металлургов вышли приветствовать Понтифика. Всего в мероприятиях приняло участие около трети населения Польши. Важным аспектом стала самоорганизация людей: порядок на встречах обеспечивали не подразделения гражданской милиции или Службы безопасности (СБ; Służba Bezpieczeństwa – SB), а церковные дружины мирян, что продемонстрировало способность общества функционировать без прямого контроля государства.

Первый апостольский визит Папы Римского Иоанна Павла II в Польшу. Варшава, июнь 1979 года. Фото: SETBOUN / SIPA / East News. https://warszawa.wyborcza.pl/warszawa/7,34862,20160565,jan-pawel-ii-w-warszawie-w-1979-r-przypominamy-te-niezwykla.html

Главным итогом визита стало преодоление страха и атомизации польского общества. Миллионы граждан внезапно осознали свою коллективную субъектность, визуально подсчитав сами себя на улицах. Опыт самоорганизации вернул обществу чувство гражданской солидарности, окончательно разрушив идеологическую монополию ПОРП за 4 месяца до начала новой волны забастовок и за 14 месяцев до появления независимого самоуправляемого профсоюза «Солидарность» (НСПС «Солидарность»; Niezależny Samorządny Związek Zawodowy „Solidarność” – NSZZ Solidarność).

2.2. «Самоограничивающаяся революция»: Август 1980-го и рождение «Солидарности»

К лету 1980 года экономическая модель ПНР, выстроенная на нерационально использованных западных кредитах, зашла в тупик. Внешний долг превысил 20 млрд долларов. Для стабилизации бюджета правительство Эдварда Герека решилось на меры, ранее приводившие к социальным взрывам в 1970 и 1976 годах. С 1 июля 1980 года без предупреждения были введены «коммерческие цены» на мясные продукты (удорожание на 60–90%), что сработало как социальный детонатор.

Анна Валентынович в окружении бастующих рабочих на территории Гданьской судоверфи. Август 1980 года. Фото: Витольд Гурка / Forum. https://www.newsweek.pl/polska/spoleczenstwo/anna-walentynowicz-ikona-i-jej-zagadki/2wz606b

С учетом трагического опыта 1970 года, рабочий класс применил новую тактику. Вместо стихийных уличных маршей, подставлявших людей под огонь Гражданской милиции (ГМ; Milicja Obywatelska – MO) и ЗОМО (Zmotoryzowane Odwody Milicji Obywatelskiej – ZOMO), забастовщики выбрали формат оккупационной забастовки (strajk okupacyjny). Рабочие удерживали заводы, превращая их в гражданские крепости. Всего в июле остановилось более 170 предприятий. Политбюро ЦК ПОРП совершило ошибку, гася локальные очаги точечными надбавками, что лишь доказало действенность совместного сопротивления. В середине июля забастовал Люблинский железнодорожный узел. Железнодорожники первыми выдвинули политические требования: гарантии безопасности и свободные выборы в официальные профсоюзы.

Политическая зрелость пролетариата опиралась на четырехлетний опыт системной просветительской работы Комитета защиты рабочих (KOP; Komitet Obrony Robotników – KOR). С 1976 года эмиссары комитета наводили мосты между оппозиционной интеллигенцией и рабочими. Через подпольную газету «Рабочий», выходившую в рамках «второго оборота», активисты обучили лидеров низовых ячеек методам правовой самообороны, конспирации и правилам коллективного сопротивления. KOP внедрил в рабочую среду понимание того, что стихийный погром парткомов ведет к поражению, тогда как организованная стачка и четкие требования вынуждают власть отступать.

Забастовка на Гданьской судоверфи имени Ленина. Август 1980 года. Фото: Станислав Складановский.
https://wzz.ipn.gov.pl/wzz/multimedia-1/fotografie-i-grafiki/2356,Kolekcja-zdjec-autorstwa-Stanislawa-Skladanowskiego-wykonanych-na-terenie-Stoczn.html

В начале августа партийное руководство допустило второй просчет. Желая превентивно обезглавить оппозиционное ядро, администрация Гданьской судоверфи имени Ленина 7 августа незаконно уволила крановщицу Анну Валентынович – передовика производства, работавшую с 1947 года и ставшую в 1978 году соосновательницей нелегальных Свободных профсоюзов Побережья (СПП; Wolne Związki Zawodowe Wybrzeża – WZZW). Одним из самых авторитетных активистов СПП на верфи являлся также электрик Лех Валенса. Из-за бескомпромиссной правозащитной деятельности он еще в 1976 году был уволен с предприятия и находился под надзором СБ, однако сохранил теснейшие связи с коллективом.

План ответной стачки в защиту Анны Валентынович разработал Богдан Борусевич – стратег балтийского подполья и член Комитета общественной самообороны «КОР» (КСО «КОР»; Komitet Samoobrony Społecznej „KOR” – KSS KOR). На рассвете 14 августа активисты СПП остановили работу в трех удаленных цехах. Как только верфь была парализована, Лех Валенса тайно проник на территорию, перелез через забор и возглавил забастовочный комитет.

Лех Валенса на Гданьской судоверфи. Август 1980 года. Фото: Йорма Пууса / Lehtikuva / AFP.
https://historia.interia.pl/kartka-z-kalendarza/news-16-sierpnia-1980-r-powstal-miedzyzakladowy-komitet-strajkowy,nId,1868284

Директор судоверфи Клеменс Гнишка пошел на компромисс, и к субботе 16 августа экономические требования бастующих были удовлетворены. Большинство членов комитета проголосовало за прекращение акции. Однако активистки Алина Пеньковская и Анна Валентынович осознали, что этот шаг изолирует другие предприятия Труймяста, остановившиеся в знак солидарности. Пеньковская через громкоговорители призвала рабочих вернуться. Валенса признал ошибку и объявил солидарную забастовку (strajk solidarnościowy). Поздним вечером 16 августа представители 21 предприятия учредили Межзаводской забастовочный комитет (МКС; Międzyzakładowy Komitet Strajkowy – MKS) во главе с Валенсой, зафиксировав правило: никто не прекращает стачку до удовлетворения требований всех участников.

Толпа у Гданьской судоверфи слушает Леха Валенсу, объявляющего о завершении забастовки. Фото: Эразм Целек. https://wyborcza.pl/alehistoria/7,121681,26242326,sierpien-80-bez-mitow-solidarnosc-byla-populistyczna.html

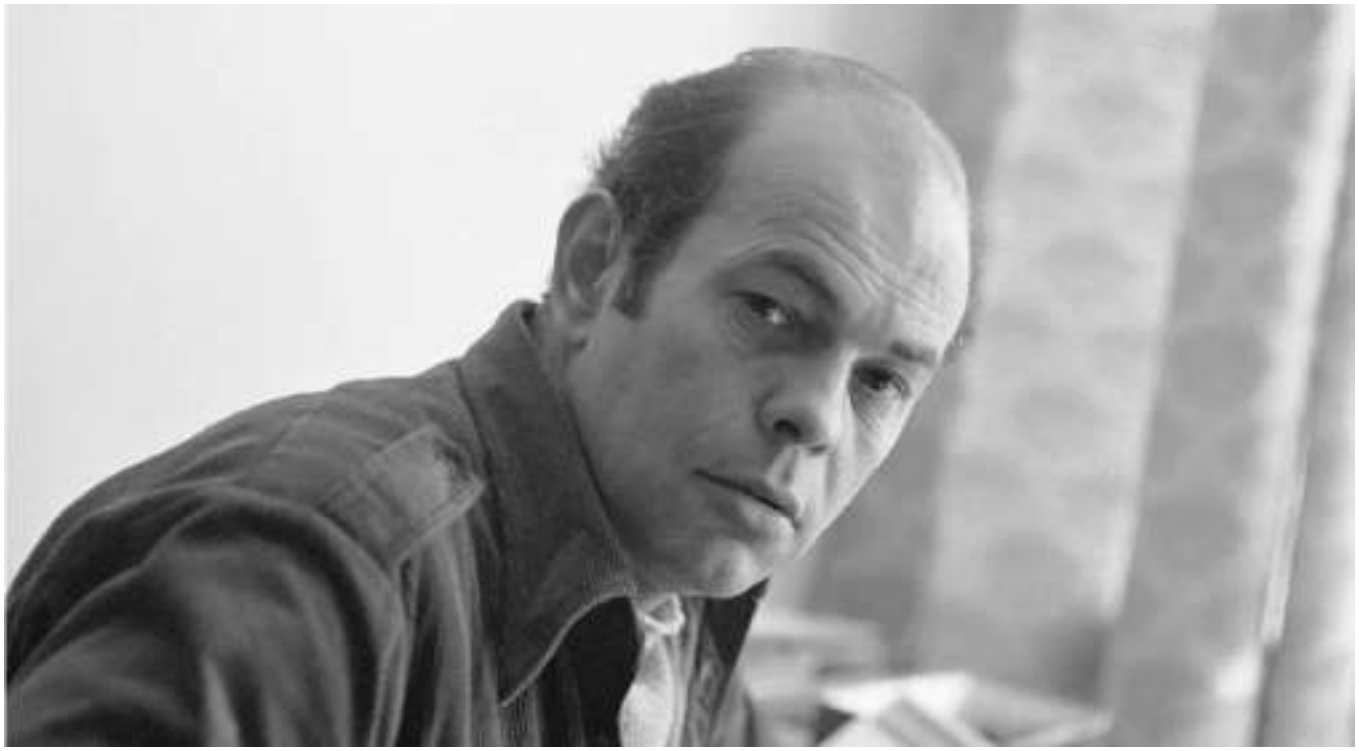
18 августа забастовало Западное Поморье, где на Щецинской судоверфи имени Адольфа Варского возник собственный МКС во главе с Марианом Юрчиком. К 21 августа этот комитет, объединивший более 130 предприятий, сформулировал список из 36 требований. Гданьский МКС к концу месяца расширился до 600 предприятий. Появление двух мощных центров парализовало инфраструктуру Севера, заблокировав силовой сценарий властей. СБ попыталась расколоть забастовочный фронт, отключив связь между городами и используя недоверие Юрчика к помогавшим Гданьску варшавским интеллектуалам, но изоляция лишь привела к параллельному выстраиванию систем логистики бастующих центров.

Стенды со списком из 36 требований бастующих рабочих Щецинской судоверфи. Август 1980 года. Фото: Збигнев Врублевский. https://przystanekhistoria.pl/pa2/tematy/sierpien-1980/85741,Szczecinski-strajk-1980-roku.html

В Гданьске ключевым фактором порядка стали строжайший сухой закон и создание рабочей гвардии, блокировавшей провокаторов СБ. Снабжение шло за счет жителей Труймяста, Католической церкви и крестьян, а информационная блокада была прорвана трансляцией заседаний МКС через заводской радиоузел. В Щецине из-за близости к границе ГДР и опасений советского вмешательства логистика приняла характер военизированной структуры: территория была полностью изолирована, а снабжение строилось по закрытой цепочке «бастующие обеспечивают бастующих». Главным связующим звеном стала подпольная сеть КСО «КОР» в Варшаве. Квартира Яцека Куроня превратилась в информационный узел, откуда данные из бастующих городов передавались западным корреспондентам, радиостанциям «Свободная Европа» и

Би-би-си и возвращались в Польшу через коротковолновый эфир, координируя действия в режиме реального времени.

Яцек Куронь в своей квартире на улице Мицкевича в варшавском районе Жолибож. Фото: Томаш Михаляк / PAP.
https://polskieradio24.pl/artykul/3388379,jacek-kuron-demokracja-jest-meczaca-ale-innego-wyjscia-nie-ma

Осознав невозможность изоляции протеста силами МВД, Политбюро ЦК ПОРП признало МКС стороной переговоров. 21 августа на Побережье прибыли правительственные комиссии: в Щецин – Казимеж Барчиковский, в Гданьск – вице-премьер Мечислав Ягельский. Партийные переговорщики пытались раздробить забастовку, переводя дискуссию в плоскость мелких ведомственных споров. Поворот наступил 22 августа, когда представители столичной интеллигенции Тадеуш Мазовецкий и Бронислав Геремек привезли Валенсе «Обращение 64» (Apel 64) от видных польских интеллектуалов в поддержку рабочих. По предложению Мазовецкого 24 августа при гданьском комитете была создана Комиссия экспертов (Komisja Ekspertów MKS), куда вошли видные интеллектуалы. Диссидентская профессура получила статус консультантов без права решающего голоса, который оставался за рабочими.

Главной задачей экспертов стала правовая шлифовка списка из «21 требования» (21 postulatów MKS), ставшего манифестом гражданского сопротивления. Его ключевой первый пункт требовал признания независимых от партии свободных профсоюзов на основе Конвенции № 87 Международной организации труда. Также реестр включал гарантии права на забастовку, отмену цензуры, свободу слова, освобождение политзаключенных, выплату зарплат за время стачки Центральным советом

профсоюзов (ЦСП; Centralna Rada Związków Zawodowych – CRZZ), компенсацию роста цен и ликвидацию номенклатурного принципа ПОРП – партийно-политической монополии при назначении на любые руководящие должности. Социальный блок требовал снижения пенсионного возраста, улучшения медицины, введения декретных выплат и свободных суббот.

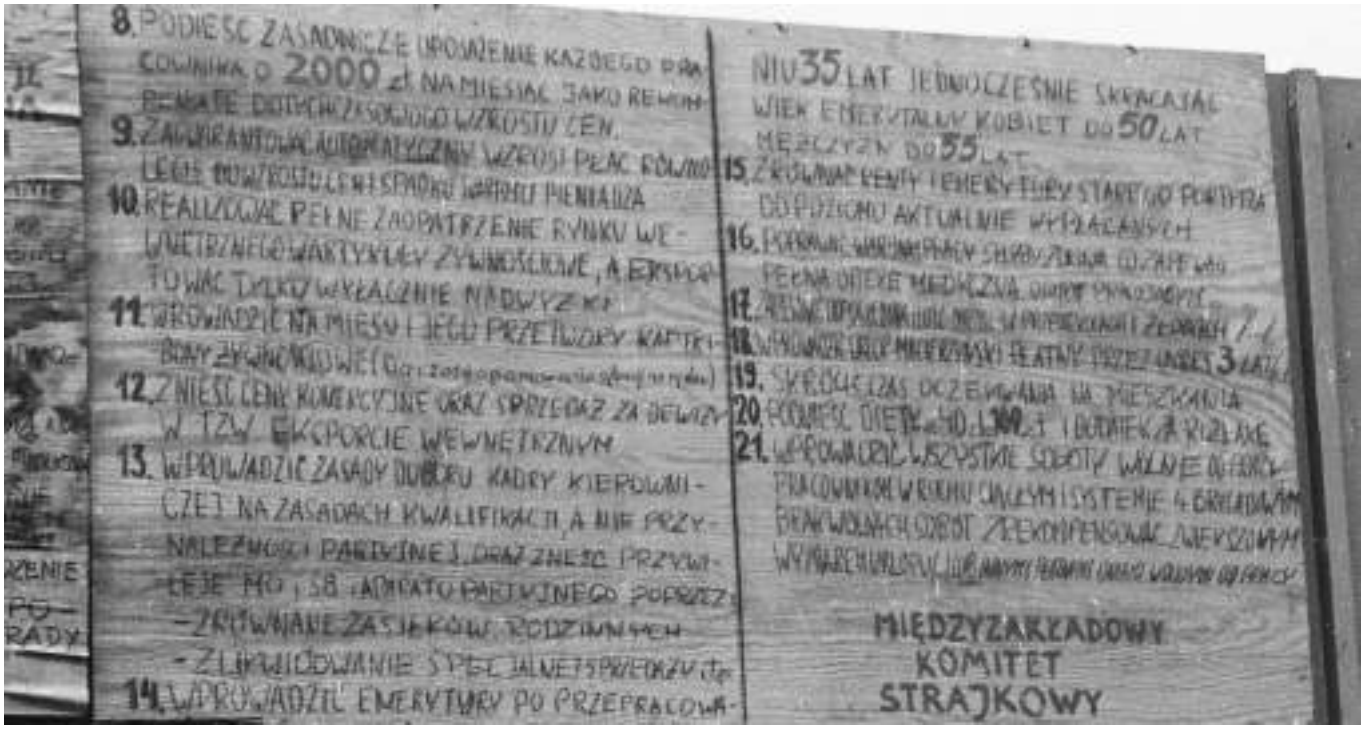

Президиум МКС возложил миссию по созданию комиссии экспертов на Тадеуша Мазовецкого и Бронислава Геремека. Гданьск, август 1980 года. Фото: Марек Лянгда / CAF / PAP. https://jedynka.polskieradio.pl/artykul/1492898,Apel-64---bez-wsparcia-intelektualist%C3%B3w-nie-by%C5%82oby-Solidarno%C5%9Bci

Ягельский категорически отказывался принимать первый пункт, предлагая провести выборы внутри старых структур ЦСП. Чтобы обойти это вето, эксперты перевели эмоциональный лозунг рабочих на строгий конституционный язык, внеся формулировку: Независимые самоуправляемые профессиональные союзы (Niezależne Samorządne Związki Zawodowe). Это юридически фиксировало автономию от партийного аппарата и право рабочих самим писать устав. В Щецине Юрчик отказался от помощи экспертов из-за недоверия к интеллигенции. В итоге щецинский список имел локальный синдикалистский характер, смешивая гражданские права с бытовыми нуждами региона, а требование ликвидации старых профсоюзов давало властям повод для бюрократических затяжек через Сейм ПНР. Гданьск же, благодаря экспертам, превратил забастовку в проект конституционной реформы.

Деревянная доска с первыми пунктами (1–7) из знаменитого списка „21 требования" бастующих рабочих. Гданьск, август 1980 года. Фото: Станислав Складановский.
https://wzz.ipn.gov.pl/wzz/multimedia-1/fotografie-i-grafiki/2356,Kolekcja-zdjec-autorstwa-Stanislawa-Skladanowskiego-wykonanych-na-terenie-Stoczn.html

Деревянная доска с продолжением списка требований (8–21) Межзаводского забастовочного комитета. Гданьск, август 1980 года. Фото: Станислав Складановский.
https://wzz.ipn.gov.pl/wzz/multimedia-1/fotografie-i-grafiki/2356,Kolekcja-zdjec-autorstwa-Stanislawa-Skladanowskiego-wykonanych-na-terenie-Stoczn.html

Пока шли дискуссии, ПОРП стремительно теряла контроль под давлением двух факторов: ультиматума Силезии и угрозы военной интервенции со стороны СССР. 28 августа в Верхнесилезском промышленном округе, считавшемся лояльным власти, началась забастовка на угольной шахте «Июльский манифест» в Ястшембе-Здруй. 29 августа силезские шахтеры создали собственный МКС во главе с Ярославом Сенкевичем, а 30 августа предъявили власти ультиматум, заявив, что не возобновят работу до подписания соглашений с Гданьском и Щецином. Силезский ультиматум стал экономической точкой невозврата: экспорт угля оставался единственным источником валюты для выплаты внешнего долга, и остановка шахт означала технический дефолт ПНР.

Вторым вектором стало давление Кремля, воспринявшего забастовки как «ползучую контрреволюцию». 20 августа решением Политбюро ЦК КПСС была создана Комиссия по Польше под председательством Михаила Суслова (при участии Юрия Андропова, Дмитрия Устинова и Андрея Громыко), требовавшая от Варшавы введения военного положения. СССР начал подготовку к операции «Союз-80»: в боевую готовность были приведены дивизии Прикарпатского, Прибалтийского и Беларуского военных округов. На территории ПНР Северная группа войск СССР начала маневры бронетехники.

Осознание лидерами протеста этой двойной угрозы – советских танков и экономического коллапса – породило феномен, названный социологом Ядвигой Станишкис концепцией «самоограничивающейся революции» (rewolucja samoograniczająca się). Ключевые участники кризиса проявили прагматизм, что выразилось в согласии вести борьбу исключительно в правовом поле ПНР. В самом Политбюро ЦК ПОРП умеренную линию возглавил Станислав Каня, курировавший армию и госбезопасность. Он и его вице-премьеры пошли на конфликт с «партийным бетоном» во главе со Стефаном Ольшовским и Тадеушем Грабским, требовавшими штурма верфей. Каня выбрал компромисс ради гражданского мира. Третьей силой стал епископат Католической церкви под руководством кардинала Стефана Вышинского. В проповеди на Ясной Горе 26 августа примас – глава епископата страны – признал права рабочих, но призвал нацию к рассудительности, удержав общество от радикализма.

Этот многосторонний консенсус позволил подписать исторические Августовские соглашения (Porozumienia sierpniowe). 30 августа было подписано Щецинское соглашение (Porozumienie szczecińskie), а 31 августа – Гданьское соглашение (Porozumienie gdańskie).

Вице-премьер Мечислав Ягельский и председатель МКС Лех Валенса подписывают Гданьское соглашение. 31 августа 1980 года. Фото: Збигнев Трыбек / CAF / PAP. https://www.newsweek.pl/historia/kiedy-polska-zobaczyla-walese-z-tym-dlugopisem-kazdy-chcial-go-miec/yq8e3q4

Финальной точкой победы забастовочного фронта стало Ястшембское соглашение (Porozumienie jastrzębskie), подписанное правительственной комиссией Александера Копеця и силезским МКС 3 сентября 1980 года. Горняки Силезии подтвердили гданьские постулаты и расширили их. Главным же итогом Ястшембского компромисса стало законодательное закрепление права на свободные субботы и введение пятидневной рабочей недели для всех граждан ПНР.

Капитуляция перед рабочими вызвала кризис власти: 6 сентября Эдвард Герек, госпитализированный после сердечного приступа, был освобожден от обязанностей Первого секретаря ЦК ПОРП. Новым лидером партии стал Станислав Каня.

Подписание Ястшембского соглашения. Правительственная делегация во главе с вице-премьером Александером Копецем и президиум Межзаводского забастовочного комитета во главе с Ярославом Сенкевичем. 3 сентября 1980 года. Фото: Fotonova.
https://historia.interia.pl/kartka-z-kalendarza/news-3-wrzesnia-1980-r-porozumienie-jastrzebskie,nId,2260432

Главным вызовом для оппозиции стала институционализация движения. 17 сентября 1980 года в Гданьске открылся съезд делегатов рабочих комитетов. Оппозиционный интеллектуал Кароль Модзелевский доказал необходимость создания централизованной структуры, иначе региональные союзы были бы раздавлены поодиночке. По его предложению организация получила название Независимый самоуправляемый профессиональный союз «Солидарность» (НСПС «Солидарность»; Niezależny Samorządny Związek Zawodowy „Solidarność”) во главе со Всепольской координационной комиссией (Krajowa Komisja Porozumiewawcza) Леха Валенсы. 24 сентября устав союза был подан на регистрацию в Воеводский суд Варшавы.

Дальнейший судебный процесс едва не сорвал компромисс: 24 октября на заседании Воеводского суда Варшавы судья Зыгмунт Опала в одностороннем порядке вписал в устав параграф о руководящей роли ПОРП и вычеркнул право на забастовку. НСПС «Солидарность» немедленно ответил объявлением предзабастовочной готовности на 12 ноября. Одновременно внутри самой правящей партии начался паралич исполнительной вертикали. В ПОРП возникли «горизонтальные структуры» (struktury poziome) – низовое реформаторское движение, в ходе которого рядовые коммунисты и заводские партийные ячейки массово отказывались подчиняться директивам ЦК, требовали

внутренней демократизации партии и солидаризировались с независимым профсоюзом. До трети членов ПОРП вступили в НСПС «Солидарность».

Спецслужбы ПНР и аналитические отделы МВД регулярно снабжали Политбюро конфиденциальными докладами о состоянии личного состава. Эта аналитика фиксировала полный крах любых силовых альтернатив: основу Войска Польского (Wojsko Polskie) составляли призывники, чьи семьи бастовали, и министр обороны Войцех Ярузельский предупреждал о риске массового неповиновения; части ЗОМО не имели ресурсов для одновременного штурма тысяч предприятий, а партийный аппарат был деморализован из-за «горизонтального» раскола.

Оказавшись перед угрозой полного паралича экономики и понимая внутреннюю неготовность силовых структур, Станислав Каня и премьер Юзеф Пиньковский пошли на уступки, рассматривавшиеся властями лишь как тактическая передышка. После экстренных консультаций при посредничестве епископата была найдена формула: тезис о роли ПОРП переносился в приложение к уставу как цитата из Конституции. 10 ноября 1980 года Верховный суд ПНР (Sąd Najwyższy) официально зарегистрировал НСПС «Солидарность».

Лех Валенса на плечах соратников у здания Воеводского суда Варшавы после подачи заявления на регистрацию профсоюза „Солидарность". Справа от него – советник движения Тадеуш Мазовецкий и Вальдемар Ставицкий. 24 сентября 1980 года. Фото: Ян Морек / PAP.
https://polskieradio24.pl/artykul/2617185,solidarnosc-to-jest-nasza-gwarancja-na-przyszlosc

К концу ноября в ряды союза вступило около 9,5 млн человек, что превосходило численность ПОРП почти в три раза и объединило все слои общества. Став легальным противовесом партийно-государственной монополии, НСПС «Солидарность» открыл в жизни Польши период, вошедший в историю как «шестнадцать месяцев свободы» (karnawał Solidarności).

2.3. Точка невозврата: от функционального двоевластия к военному положению (1981)

Регистрация НСПС «Солидарность» в ноябре 1980 года не стабилизировала ПНР, а зафиксировала переход кризиса в фазу функционального двоевластия. В соцблоке возник уникальный феномен: параллельно официальной партийно-государственной вертикали оформилась альтернативная структура с колоссальным мобилизационным потенциалом. К началу 1981 года «Солидарность» переросла рамки профсоюза, став массовым гражданским движением (контрсистемой), способным парализовать госинституты и принуждать власть к уступкам.

Специфика институционализации «Солидарности» заключалась в территориально-производственной структуре. В отличие от отраслевых профсоюзов ПНР, новое движение строилось по региональному принципу. Низовые ячейки объединялись в мощные региональные правления (Zarządy Regionów) с высокой финансовой и операционной автономией. Координировала их Всепольская координационная комиссия (ВКК) под председательством Леха Валенсы в Гданьске. Эта горизонтальная сетевая модель обладала исключительной устойчивостью к давлению.

Если аппарат Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) функционировал на принципах централизма, то «Солидарность» представляла собой гибкую полицентричную сеть. Попытки заблокировать решения Гданьского центра вызывали мгновенную мобилизацию региональных профцентров. Горизонтальные связи объединяли рабочих Побережья и Силезии с интеллигенцией из созданного в 1976 году Комитета защиты рабочих, позже реорганизованного в Комитет общественной самообороны «КОР» (КСО «КОР»; Komitet Samoobrony Społecznej „KOR” – KSS „KOR”) – ведущую диссидентскую организацию, ставшую экспертно-консультационным ядром профсоюза.

Функциональное двоевластие в первой половине 1981 года проявлялось в утрате административного контроля на местах. Управленческие решения воеводских и городских властей требовали согласования с региональным руководством

«Солидарности». При отказе идти на компромисс профсоюз применял локальные оккупационные забастовки, парализуя инфраструктуру.

Do Czytelników

TYGODNIK

3 kwietnia 1981 roku Cena 7 zł 1

Solidarność

POCZĄTEK ROZMÓW

Первый номер газеты „Tygodnik Solidarność". 3 апреля 1981 г. (из фондов Института национальной памяти / IPN). https://gdansk.ipn.gov.pl/pl2/aktualnosci/141512,40-lat-temu-3-kwietnia-1981-r-ukazal-sie-pierwszy-numer-Tygodnika-Solidarnosc.html

Происходила и эрозия партийных рядов: к весне 1981 года в «Солидарности» состояло около миллиона членов ПОРП (до трети партии). Это породило феномен горизонтальных структур – движения низовых ячеек, требовавших демократизации ПОРП, выборности руководства и саботировавших директивы Центрального комитета (ЦК; Komitet Centralny – KC). В инфополе, несмотря на госконтроль над ТВ и радио, контрсистема развернула издательскую сеть, включая «Еженедельник Солидарность» (Tygodnik Solidarność), который выходил полумиллионным тиражом, лишая партию монополии на информацию. В этих условиях консервативный «партийный бетон» требовал немедленного перехода к силовым методам.

Напряжение достигло пика в марте 1981 года из-за борьбы за легализацию «Сельской Солидарности» – Независимого самоуправляемого профессионального союза индивидуальных крестьян «Солидарность» (НСПС ИК «Солидарность»; Niezależny Samorządny Związek Zawodowy Rolników Indywidualnych „Solidarność" – NSZZ RI „Solidarność"). Политбюро ЦК ПОРП категорически отказывалось регистрировать крестьянский союз, опасаясь союза пролетариата и крестьянства, который лишил бы режим контроля над аграрным сектором.

19 марта 1981 года на сессии Воеводского национального совета (Wojewódzka Rada Narodowa) в Быдгоще председательствующий закрыл заседание, не дав слова

приглашенным делегатам «Солидарности» во главе с Яном Рулевским и бастующим крестьянам. Профсоюзные делегаты объявили сидячую забастовку. По приказу министра внутренних дел Мирослава Милевского спецподразделения милиции и ЗОМО применили открытое физическое насилие – активистов жестоко избили.

Снимок избитого сотрудниками силовых структур Яна Рулевского, сделанный активистами „Солидарности" в больнице и нелегально распространявшийся после событий в Быдгоще. Март 1981 года. Фото: Гжегож Рогиньский / Agencja Forum.
https://historia.interia.pl/kartka-z-kalendarza/news-19-marca-1981-r-prowokacja-bydgoska,nId,1359656

Быдгощский кризис поставил страну на грань восстания. ВКК перебазировалась на Гданьскую судоверфь имени Ленина, объявив забастовочную готовность. 27 марта «Солидарность» провела четырехчасовую общенациональную предупредительную забастовку (strajk ostrzegawczy). Одновременно остановились тысячи предприятий, шахт и транспорт. В стачке приняли участие около 10 миллионов человек – практически все рабочее население. Стачка доказала, что реальная власть в производстве принадлежит ВКК.

Генерал Войцех Ярузельский, возглавивший в феврале 1981 года Совет министров ПНР, и Первый секретарь ЦК ПОРП Станислав Каня пошли на переговоры. 30 марта было подписано Варшавское соглашение (Porozumienie warszawskie). Валенса и вице-премьер Мечислав Раковский достигли компромисса: власти признали эксцессы в Быдгоще и согласились легализовать крестьянский профсоюз (он был зарегистрирован в мае).

Действуя в обход регламента ВКК, Валенса единолично отменил всеобщую забастовку. Эта сделка предотвратила столкновение, но вызвала раскол в «Солидарности».

Радикалы Анджей Гвязда и Кароль Модзелевский обвинили Валенсу в кулуарном сговоре в момент слабости режима. Модзелевский в знак протеста покинул пост пресс-секретаря ВКК.

С весны по осень 1981 года хрупкое равновесие стремительно разрушалось. Экономика вошла в пике: дефицит рос, карточки на мясо, сахар и муку не отоваривались неделями. Летом страну захлестнули голодные марши (marsze głodowe).

„Голодный марш" на улицах Лодзи в знак протеста против дефицита продовольствия и карточной системы. 30 июля 1981 года (фото: из фондов Института национальной памяти / IPN).
https://lodz.wyborcza.pl/lodz/7,35136,26171984,wolaly-chleba-i-wolnosci-spacer-sladami-lodzkich-opozycjonistek.html

Продовольственный коллапс предопределил радикализацию I Общенационального съезда делегатов НСПС «Солидарность» (I Krajowy Zjazd Delegatów NSZZ „Solidarność"), прошедшего в Гданьске в два этапа (5–10 сентября и 26 сентября – 7 октября 1981 года). 28 сентября состоялся самороспуск КСО «КОР»: его основатели объявили, что миссия защиты гражданских прав передана многомиллионному профсоюзу.

Съезд принял программу «Самоуправляемая республика» (Samorządna Rzeczpospolita), требовавшую проведения альтернативных выборов в советы и Сейм, что ликвидировало бы монополию ПОРП на власть. В экономике предлагалось рабочее самоуправление: передача предприятий Советам рабочих с правом назначать директоров, отсекая партаппарат. Судебная реформа подразумевала независимость

судов и ликвидацию цензуры. 8 сентября съезд принял «Обращение к трудящимся Восточной Европы» (Posłanie do ludzi pracy Europy Wschodniej), призвав рабочих СССР, ЧССР и ГДР также создавать независимые профсоюзы.

Заседание I Общенационального съезда делегатов профсоюза „Солидарность“ в спортивно-концертном комплексе „Оливия“ в Гданьске. 1981 год. Фото: Стефан Крашевский / CAF / PAP. https://www.fakt.pl/polityka/wiecej-pieniedzy-dla-dzialaczy-opozycji/pm12tlz

Реакция Москвы была жесткой. Леонид Брежнев в разговоре с Каней назвал «Обращение» подрывным. СССР задействовал военно-психологическое давление: учения «Запад-81» (4–12 сентября) на Балтике и в Беларуском, Прибалтийском и Киевском округах стали демонстрацией готовности к вмешательству. ПОРП объявила решения съезда программой контрреволюционного переворота. Политбюро партии пришло к выводу, что механизмы маневрирования исчерпаны, и силовое подавление оппозиции армией стало единственным способом сохранения власти.

Осенью 1981 года началась реализация силового сценария, готовившегося с 1980 года. 18 октября на IV Пленуме ЦК ПОРП Станислав Каня был смещен. Пост Первого секретаря занял генерал армии Войцех Ярузельский, уже совмещавший должности министра обороны и премьер-министра. Сосредоточение власти в руках военных перевело кризис в военно-стратегическую плоскость.

Подготовка силового сценария велась под давлением СССР, ЧССР и ГДР. Координацию осуществлял главнокомандующий Объединенными силами ОВД маршал Виктор Куликов, давивший на польский Генштаб. Однако рассекреченные документы (включая записи заседаний Политбюро ЦК КПСС и дневники генерал-майора Виктора Аношкина) показывают: в реальности советское руководство, увязнув в Афганистане и опасаясь санкций Запада, приняло решение ни при каких обстоятельствах не вводить войска в Польшу. Этот отказ скрывали от польских властей, нагнетая угрозу интервенции, чтобы заставить Варшаву действовать самой.

Впоследствии Ярузельский аргументировал введение военного положения концепцией «меньшего зла», предотвращавшего советскую оккупацию. Но документы доказывают: реальной угрозы вторжения в декабре 1981 года не существовало, а акция преследовала цель удержания власти номенклатурой ПНР.

В ночь на 13 декабря 1981 года был создан Военный совет национального спасения (ВСОН; Wojskowa Rada Ocalenia Narodowego – WRON) из 21 военного под руководством Ярузельского (в народе этот совет прозвали «Ворона»). Юридической ширмой стал подписанный задним числом декрет Госсовета о введении военного положения (Dekret o stanie wojennym). Единственным отказавшимся подписать декрет стал Рышард Рейфф, возглавлявший прокоммунистическую католическую Ассоциацию «ПАКС» (Stowarzyszenie PAX), за что его лишили должностей.

Механика операции введения военного положения опиралась на два плана. Акция «Азалия» (Akcja „Azalia”), начатая до полуночи 12 декабря, разорвала коммуникации. Группы СБ и связи заблокировали АТС, отключили телефоны, взяли под контроль телецентры и почту. Было перекрыто движение транспорта между воеводствами, закрыты границы. Информационная тишина лишила «Солидарность» возможности координировать сопротивление.

Одновременно стартовала акция «Йодла» (Akcja „Jodła”) – интернирование лидеров оппозиции. Милиция, СБ и ЗОМО провели массовые ночные облавы. Спецслужбы дождались окончания заседания ВКК в Гданьске 11–12 декабря, где прозвучали призывы к референдуму о доверии власти. Членов ВКК арестовали прямо в гостиницах Сопота и Гданьска. Лех Валенса был изолирован в квартире и отправлен на правительственную виллу. В Варшаве арестовали Яцека Куроня. За первую ночь в лагеря для интернированных отправили более пяти тысяч человек, инфраструктура оппозиции была парализована.

Генерал Войцех Ярузельский, объявляющий о введении военного положения в Польше. Фото: IPN. https://radio.opole.pl/548,6716,tego-dnia-nie-bylo-teleranka-41-lat-temu-wprowad

Утром 13 декабря Ярузельский в телеобращении объявил о переходе власти к ВСОН, комендантском часе, запрете собраний, приостановке деятельности «Солидарности», цензуре и милитаризации промышленности. Отказ от работы приравнивался к дезертирству. На улицы вывели более 70 тысяч солдат, танки и БТР.

Рабочие попытались оказать сопротивление, объявив оккупационные забастовки на верфях, шахтах и заводах. Танки выламывали ворота, а ЗОМО зачищали территорию спецсредствами и водометами. Были подавлены стачки на Гданьской судоверфи, комбинате в Нова-Хуте, заводах в Варшаве.

Самой кровавой точкой стала забастовка на шахте «Вуек» в Катовице. Горняки, протестуя против ареста председателя комитета Яна Людвичака, вооружились ломами и цепями. 16 декабря армия и ЗОМО пошли на штурм. Встретив отпор, взвод ЗОМО открыл огонь на поражение. Девять горняков погибли.

Первые дни военного положения. В кинотеатре „Москва“ демонстрировался фильм Фрэнсиса Форда Копполы „Апокалипсис сегодня“. Варшава, декабрь 1981 года. Фото: Крис Нидентaль. https://culture.pl/pl/artykul/czas-apokalipsy-i-swinie-z-bagaznika-prl-w-10-zdjeciach-chrisa-niedenthala

Окрестности усмиряемой силами ЗОМО и армии шахты „Вуек“, одинокий молодой человек перед наступающими милиционерами. Катовице, 16 декабря 1981 г. Фото: Марек Яницкий. https://katowice.wyborcza.pl/katowice/51,35055,27606395.html#s=S.galeria-K.C-B.1-L.1.duzy

Трагедия на шахте «Вуек» и подавление подземной забастовки на шахте «Пяст» (где две тысячи горняков провели под землей две недели) сломили открытое сопротивление. «Солидарность» была разгромлена, а общество погрузилось в апатию. Краткосрочная цель переворота Ярузельского была достигнута ценой ликвидации свобод, интернирования десяти тысяч человек и установления военно-полицейского режима.

2.4. «Подземное государство» и принуждение режима к диалогу (1982–1988)

Введение военного положения в декабре 1981 года парализовало оппозицию. Лишенные связи и руководства активисты «Солидарности» были вынуждены оперативно перестраивать 10-миллионное легальное движение в подполье, адаптируя методы Польского подпольного государства (Polskie Państwo Podziemne) времен нацистской оккупации к борьбе против Службы безопасности и ПОРП. Преодолением вакуума управления стало создание 22 апреля 1982 года Временной координационной комиссии (ВКК; Tymczasowa Komisja Koordynacyjna – TKK) во главе с уцелевшими региональными лидерами – Збигневом Буяком, Богданом Лисом, Владыславом Фрасынюком и Владыславом Хардеком.

В подполье быстро наметилось тактическое размежевание. Публицист Яцек Куронь сформулировал концепцию контролируемого взрыва (koncepcja wybuchu kontrolowanego), призывая подготовить всеобщую забастовку для принуждения ПОРП к переговорам. Збигнев Буяк и Виктор Кулерский с их стратегией длинного марша (długi marsz) предложили концепцию подземного общества (koncepcja społeczeństwa podziemnego), сделав ставку на долгосрочное создание параллельных гражданских институтов, независимого образования и культуры. Третью позицию занял Корнель Моравецкий, основавший в июне 1982 года радикальную организацию «Борющаяся Солидарность» (Solidarność Walcząca), которая отвергала компромисс с режимом, развернула службу собственной технической контрразведки и радиоперехвата СБ и ориентировалась на полный демонтаж советской системы.

Инструментом концепции подземного общества был второй оборот (drugi obieg) – подпольное книгоиздание. Наряду с Независимым издательством «NOWa» возникли сотни печатных мастерских. Бумагу и краску воровали со складов или доставляли из-за рубежа, а ротаторы ввозились западными профсоюзами в тайниках. Рупором подполья стал «Еженедельник Мазовше» (Tygodnik Mazowsze), выходивший 80-тысячным тиражом. Технологическим триумфом стал запуск подпольного радио, организованного Збигневом и Зофьей Ромашевскими. Первый эфир «Радио Солидарность» (Radio „Solidarność”) состоялся 12 апреля 1982 года в Варшаве: в ответ на призыв дикторов

тысячи квартир синхронно мигали светом. Финансовый фундамент подполья складывался из взносов граждан и грантов американского Национального фонда демократии (НФД; National Endowment for Democracy – NED), поступавших через Координационное бюро НСПС «Солидарность» за рубежом в Брюсселе под руководством Ежи Милевского.

Передатчик, с которого транслировались передачи подпольного „Радио Солидарность". Фото: Гжегож Якубовский / PAP. https://www.polskieradio.pl/399/7979/artykul/3149825,41-lat-temu-w-warszawie-uruchomiono-podziemne-radio-solidarnosc

К лету 1983 года режим генерала Войцеха Ярузельского оказался в тисках санкций США. Чтобы продемонстрировать нормализацию, власти согласились на второй паломнический визит Папы Римского Иоанна Павла II в Польшу 16–23 июня 1983 года. Приезд понтифика превратился в многомиллионную демонстрацию гражданского общества. Его проповеди легитимизировали требования оппозиции, а встреча Папы с Лехом Валенсой в Татрах зафиксировала статус профсоюза как главного субъекта национальной политики. 22 июля 1983 года военное положение было официально отменено, но фактически ПОРП сохранила диктатуру, включив репрессивное законодательство в уголовный кодекс и создав подконтрольное Всепольское соглашение профсоюзов (ВСПС; Ogólnopolskie Porozumienie Związków Zawodowych – OPZZ).

Папа Римский Иоанн Павел II приветствует верующих, собравшихся на краковском лугу Блони. 22 июня 1983 года (фото из фондов IPN, сигнатура: IPNBU-7-14-8-2). https://drugapielgrzymka.ipn.gov.pl/jp3/foto-i-grafiki/fotografie/fotografie-krakow-21-23/95082,22-VI-1983-r-Msza-sw-na-krakowskich-Bloniach.html

Главной нишей гражданского сопротивления и гуманитарной активности стала Римско-католическая церковь. Несмотря на компромиссную линию примаса Юзефа Глемпа, низовое духовенство помогало оппозиции. При храмах действовали благотворительные комитеты, крупнейшим из которых стал Примасовский комитет помощи лицам, лишенным свободы. Символом духовного сопротивления стал капеллан «Солидарности» ксендз Ежи Попелушко, чьи «Мессы за Отечество» в варшавском костеле Святого Станислава Костки собирали десятки тысяч человек. Рост влияния священника привел к трагедии: 19 октября 1984 года он был похищен и зверски убит офицерами IV департамента МВД ПНР. Гибель Попелушко вызвала колоссальный шок, вылившись в похороны-демонстрацию с участием более 250 тысяч человек. Чтобы предотвратить социальный взрыв, Ярузельский пошел на открытый судебный процесс над убийцами ксендза Попелушко.

Похороны ксендза Ежи Попелушко у костела Святого Станислава Костки. Варшава, 3 ноября 1984 года. Фото: Эразм Целек.
https://sadeczanin.info/kultura/nie-wolno-zapomniec-milion-serc-na-zoliborzu-rocznica-pogrzebu-ks-jerzego-popieluszki-meczennika-prawdy

К концу 1987 года зашли в тупик попытки административной стабилизации экономики. Экономическая модель ПНР находилась в состоянии паралича, а внешний долг превысил 35 миллиардов долларов. Реформы, декларируемые как «второй этап хозяйственной реформы» (drugi etap reformy gospodarczej), саботировались номенклатурой. Пытаясь сбалансировать пустой рынок, правительство 1 февраля 1988 года пошло на ценово-доходную операцию (operacja cenowo-dochodowa). Одномоментный взлет цен на продукты на 40% и коммунальные услуги до 200% спровоцировал инфляционный шок, обесценивание злотого и коллапс товарного снабжения.

Социальным ответом стали две волны забастовок 1988 года. Весенняя волна (wiosenna fala strajkowa) вспыхнула 25 апреля с забастовок транспортников в Быдгоще и Иноврoцлаве, охватив Металлургический комбинат имени Владимира Ленина в Нова-Хуте и Гданьскую судоверфь имени Ленина. Главной силой протеста стало радикальное молодое поколение рабочих в возрасте 18–25 лет, не помнившее легальной «Солидарности» и лишенное психологической травмы военного положения. Эта молодежь критически относилась и к ПОРП, и к умеренной тактике Валенсы. Летняя

забастовочная волна (letnia fala strajkowa), начавшаяся 15 августа с шахты «Июльский манифест» в Ястшембе-Здруе, парализовала Верхнесилезский угольный бассейн и порты Щецина. Требования сменились жестким ультиматумом: повторная легализация НСПС «Солидарность».

Служение мессы для бастующих рабочих Металлургического комбината им. В.Ленина в Нова-Хуте. Фото: Анджей Ставярский. https://www.radiokrakow.pl/audycje/kapelani-solidarnosci

Масштаб стачек поставил генерала Войцеха Ярузельского и министра внутренних дел Чеслава Кищака перед фактом: силовой аппарат не удержит контроль над страной. Повторное введение военного положения грозило восстанием и финансовым дефолтом. Единственной силой, способной обуздать радикальную рабочую стихию, оставалась умеренная группа Леха Валенсы и его советников. 31 августа 1988 года генерал Кищак официально заявил о готовности к переговорам, проведя в тот же день первую конфиденциальную встречу с Валенсой при посредничестве церкви. Получив обещание начать глубокий политический диалог, Валенса взял на себя риск и призвал остановить забастовки, что заложило фундамент для созыва исторического Круглого стола.

2.5. Архитектура транзита: от Магдаленки до Итогов Круглого стола (осень 1988 – весна 1989)

Переход к демонтажу однопартийной системы в Польше предваряли закрытые кулуарные «разговоры в Магдаленке» (Rozmowy w Magdalence) – в загородном комплексе МВД ПНР под Варшавой. Они представляли собой позиционные торги в условиях глубокого недоверия. Основы диалога заложила секретная встреча 31 августа 1988 года на варшавской вилле МВД «Заврат», где впервые появилась формула Круглого стола. На этой первой встрече присутствовали всего четыре человека: Кищак, Валенса, секретарь ЦК ПОРП Станислав Чесек и представитель Католической церкви епископ Ежи Домбровский. Кищак предложил организовать широкую дискуссионную встречу представителей власти и различных общественных кругов. При этом партийная верхушка изначально видела в Круглом столе инструмент персональной кооптации умеренных лидеров оппозиции в Сейм или в подконтрольные правительству общественные советы, но без юридического восстановления самого профсоюза. Валенса принял предложение как рабочую площадку для торга, но выставил встречное условие: он призывает рабочих остановить забастовки, а власть гарантирует начало реального диалога. В начале сентября благодаря личному авторитету Валенсы стачки по всей стране были прекращены.

Второй раунд на вилле «Заврат» 15 сентября 1988 года привлек к переговорам профессора Анджея Стельмаховского от Клуба католической интеллигенции (КИК; Klub Inteligencji Katolickiej – KIK) и ксендза Алоизия Оршулика. Поскольку число экспертов росло, а небольшая городская вилла не могла вместить рабочие группы и не обеспечивала изоляции от прессы и радикальных партийных функционеров, 16 сентября 1988 года переговорный процесс был перенесен в закрытый лесной комплекс в Магдаленке. Всего в этом формате в период с осени 1988 по апрель 1989 года состоялось 13 масштабных заседаний, в которых приняли участие 42 человека.

Осенний этап переговоров выявил несовместимость стартовых позиций сторон. Делегация ПОРП (Кищак, Чесек, профессор Януш Рейковский, Александр Квасьневский) стремилась разделить с оппозицией ответственность за экономический кризис и гиперинфляцию, но сохранить за ПОРП контроль над армией, МВД и внешней политикой. При этом она отказывалась возвращать легальный статус независимому профсоюзу «Солидарность» в его прежнем виде, предлагая вместо этого создание локальных, не связанных единым центром профсоюзных ячеек.

Оппозиция (Валенса, Стельмаховский, Владыслав Фрасынюк, Лех Качиньский) при посредничестве ксендза Оршулика и гданьского епископа Тадеуша Гоцловского твердо

настаивала на судебной ре-легализации «Солидарности». Процесс осложняло Всепольское соглашение профсоюзов (ВСПС; Ogólnopolskie Porozumienie Związków Zawodowych – OPZZ), боявшееся утраты монополии.

В конце октября 1988 года переговоры зашли в тупик после решения премьер-министра Мечислава Раковского ликвидировать Гданьскую судоверфь имени Ленина – главный символ оппозиции. Контакты прервались на два месяца. Разблокировать процесс удалось благодаря внутриаппаратному кризису в ПОРП на X Пленуме ЦК (декабрь 1988 – январь 1989 гг.), где «партийный бетон» саботировал курс на компромисс. В ночь на 18 января 1989 года Ярузельский, Кищак, министр национальной обороны Флориан Сивицкий и премьер Раковский прибегли к шантажу, пригрозив коллективной отставкой, если ЦК не одобрит легализацию «Солидарности».

Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев и первый секретарь ЦК ПОРП генерал Войцех Ярузельский во время официального визита советского лидера в Польшу. Июль 1988 г. Фото: AFP.
https://historia.interia.pl/kartka-z-kalendarza/news-11-lipca-1988-r-michail-gorbaczow-w-polsce,nId,1848748

Решающим стал геополитический фактор: руководство СССР во главе с Михаилом Горбачевым демонтировало «доктрину Брежнева» ради Перестройки и разрядки с США, заменив ее принципом невмешательства (т.н. «доктрина Синатры»). Еще в июле 1988 года Горбачев во время визита в Польшу дал Ярузельскому карт-бланш на диалог при

условии удержания силового блока. Поэтому, получив ультиматум от Ярузельского, «партийный бетон», не имея надежды на советскую помощь, капитулировал. Резолюция Пленума, разрешающая легализацию «Солидарности» и запуск Круглого стола, была принята большинством голосов.

Параллельно Валенса нейтрализовал радикалов собственного лагеря («Рабочая группа Всепольской комиссии» Анджея Гвязды и Мариана Юрчика), требовавших всеобщей забастовки. Опираясь на Бронислава Геремека и Яцека Куроня, Валенса изолировал оппонентов через созданный им 18 декабря 1988 года Гражданский комитет «Солидарность» (КО «Солидарность»; Komitet Obywatelski „Solidarność” – KO „Solidarność”), лишив радикалов доступа к западным финансам и типографиям. Это позволило возобновить контакты в Магдаленке в январе 1989 года и согласовать повестку транзита.

27 января 1989 года. Памятный снимок по завершении одной из встреч в Магдаленке. От оппозиции („Солидарность”): проф. Бронислав Геремек, проф. Анджей Стельмаховский, Мечислав Гиль, Збигнев Буяк, Лех Валенса, Владыслав Фрасынюк, Лех Качиньский, Яцек Амброзяк, Тадеуш Мазовецкий. От властей ПНР: Кшиштоф Дубиньский, ген. Чеслав Кищак, проф. Ян Яновский, Богдан Крулевский, проф. Януш Рейковский, Станислав Чесек, Анджей Гдула. Посредники от Римско-католической церкви: епископ Тадеуш Гоцловский, ксендз Алоизий Оршулик. Фото: из фондов AIPN.
https://ipn.gov.pl/pl/dla-mediow/komunikaty/196935,TEKST-AUDIO-35-lat-temu-w-Magdalence-odbylo-sie-spotkanie-komunistycznej-ekipy-r.html

6 февраля 1989 года в варшавском дворце Совета министров открылся Круглый стол. Его символ – дубовый стол диаметром 6,2 метра – ознаменовал переход кризиса в русло легального торга. За 59 дней работы под сопредседательством Кищака и Валенсы сложилась трехъярусная структура. Ключевые компромиссы вырабатывались за тремя

«Большими столами» (stoliki). За столом по политическим реформам (председатели: Бронислав Геремек и Януш Рейковский) ПОРП потребовала учредить пост Президента с чрезвычайными полномочиями и сохранить за коалицией 65% мест в Сейме. Геремек в ответ предложил воссоздать свободно избираемый Сенат как легальный противовес квотам в Сейме. Стол по профсоюзному плюрализму (председатели: Тадеуш Мазовецкий и Александр Квасьневский) зафиксировал преемственность «Солидарности» с уставом 1980 года в обмен на отказ от предвыборных стачек. За столом по экономике экономист Витольд Тшецяковский и вице-премьер Владыслав Бака согласовали ограничение автоматической индексации зарплат (предложенной ВСПС) планкой в 80%, вошедшей в историю как «шкала Куроня».

Заседание Круглого стола во Дворце Совета министров. Варшава, 1989 г. Фото: Кшиштоф Миллер / Agencja Wyborcza.pl. https://wyborcza.pl/alehistoria/7,162654,24437569,dlaczego-okragly-stol-i-wybory-czerwcowe-nie-staly-sie.html

Ниже работали 10 «подстолов» (podstoliki). Подстол по СМИ (Адам Михник и Ежи Урбан) легализовал «Газету Выборчую» (Gazeta Wyborcza) под редакцией Михника (тираж 500 тыс.) и выделение «Солидарности» 45 минут в неделю на центральном телевидении для программы «Студия Солидарность» (Studio Solidarność). Подстол по реформе права (Адам Стшембош и Лукаш Бальцер) вернул уволенных в период военного положения судей, отказавшихся выносить политические приговоры. Подстол по сельскому хозяйству (Анджей Стельмаховский) обеспечил регистрацию «Сельской Солидарности» и права частных крестьян. Подстол по горной промышленности согласовал пятидневную рабочую неделю, а по экологии – закрытие вредных производств и

заморозку строительства АЭС в Жарновце. Подстолы по здравоохранению, жилью, ассоциациям, трудовому праву и молодежи (легализовавший Независимый союз студентов (НСС; Niezależne Zrzeszenie Studentów – NZS)) готовили соответствующие реформы и законопроекты.

Аналитическим бэк-офисом оппозиции был Примасовский комитет помощи лицам, лишенным свободы, при костеле Святого Мартина. Тупиковые споры за Круглым столом переносились в Магдаленку. Этот неформальный магдаленковский контур функционировал как координационный центр. Всего во время работы Круглого стола состоялось 5 экстренных раундов встреч в Магдаленке: 27 января, 2 и 7 марта, 29 марта и 5 апреля 1989 года.

Эксперт „Солидарности" региона Мазовше и член Гражданского комитета Адам Михник во время пленарных заседаний Круглого стола. Апрель 1989 г. Фото: Кшиштоф Миллер / Agencja Wyborcza.pl. https://wyborcza.pl/alehistoria/7,121681,24417020,adam-michnik-o-okraglym-stole-polska-jest-dla-wszystkich.html

5 апреля 1989 года был подписан Итоговый протокол заседаний Круглого стола (Protokół końcowy posiedzeń Okrągłego Stołu). Этот внеконституционный пакт предопределил радикальную реформу государственного устройства Польши, ограничив монополию ПОРП при формировании Сейма X созыва – т.н. «Контрактного Сейма» (Sejm Kontraktowy). 65% мест (301 мандат) получала коалиция во главе с ПОРП, Объединенной крестьянской партией (Zjednoczone Stronnictwo Ludowe) и Демократической партией

(Stronnictwo Demokratyczne). Свободными оставались 35% мест (161 мандат) для КО «Солидарность» (Komitet Obywatelski „Solidarność”). Для верхушки режима ввели «национальный список» (lista krajowa) из 35 деятелей (включая Раковского и Кищака), избиравшихся безальтернативно при пороге в 50% голосов. Но авторы не предусмотрели второй тур для этого списка, что позже парализовало выборы после вычеркивания номенклатурных лидеров гражданами из бюллетеней.

День подписания соглашений Круглого стола. Слева направо: глава МВД Чеслав Кищак, наблюдатель от Католической церкви ксендз Алоизий Оршулик и лидер „Солидарности“ Лех Валенса. Варшава, 5 апреля 1989 г. Фото: Лозиньский / REPORTER.
https://wyborcza.pl/alehistoria/7,121681,24436911,miedzy-kiszczakiem-a-walesa-siedzieli-biskupi-kosciol.html

Сенат (100 мест) избирался свободно: по два сенатора от 47 воеводств, по три – от Варшавского и Катовицкого. Партийные юристы рассчитывали, что коалиционные 65% мест в Сейме позволят блокировать вето Сената, требовавшее двух третей голосов Сейма (66,7%). Главным предохранителем был пост Президента с полномочиями арбитра (роспуск парламента, военное положение, выдвижение премьера). Выборы Президента Национальным собранием (Zgromadzenie Narodowe) простым большинством гарантировали победу Ярузельскому благодаря квотным 301 голосу коалиции при общем количестве парламентариев в 560 человек.

Наиболее чувствительным и непубличным элементом Соглашений Круглого стола стали гарантии безопасности номенклатуре – консенсус по формуле «эволюционного транзита», которая исключала проведение немедленной люстрации, уголовного преследования партийных функционеров за репрессии периода военного положения и массовых чисток в государственном аппарате. Сохранение за генералами Кищаком и Сивицким контроля над силовыми ведомствами гарантировало всему силовому и агентурному аппарату защиту от расформирования и неприкосновенность архивов спецслужб, уничтожение и эвакуация которых начались сразу при молчаливом согласии умеренного крыла оппозиции.

Итоговый компромисс базировался на взаимных просчетах. Ярузельский и его окружение переоценили прочность партийных структур: ПОРП видела в Круглом столе инструмент кооптации оппозиции для разделения бремени кризиса, планируя удерживать власть до середины 1990-х годов с опорой на своих политических сателлитов. Оппозиция (Валенса, Геремек, Мазовецкий) недооценила износ режима и протестный потенциал общества. Соглашаясь на 35% мест, они рассчитывали на пошаговый транзит власти в течение нескольких лет. Никто не предполагал, что вся эта сложная система компромисса рухнет на выборах 4 июня 1989 года, когда триумф «Солидарности» превратит избирательные квоты для ПОРП в фикцию, разрушит альянсы коммунистов с партиями-сателлитами и запустит лавинообразный финал режима.

2.6. Демонтаж системы: «контрактные» выборы и рождение Третьей Республики (1989–1990)

Официальным стартом кампании, сокрушившей однопартийную монополию в ПНР, стало принятие Сеймом 7 апреля 1989 года Апрельской новеллы (Nowela kwietniowa). Документ имплементировал решения Круглого стола в Конституцию 1952 года, воссоздав институты Президента Республики и Сената, и утвердил избирательное законодательство (Ordynacja wyborcza) для выборов в Сейм X созыва («Контрактный Сейм»). 13 апреля Госсовет ПНР назначил выборы на 4 июня 1989 года. Вопреки административному и медийному превосходству ПОРП, КО «Солидарность» развернул весьма эффективную кампанию. Трибунами оппозиции стали «Газета Выборчая» под редакцией Адама Михника и «Еженедельник Солидарность». Визуальными символами избирательной кампании стали плакаты с совместными фото кандидатов с Лехом Валенсой и предвыборный плакат Томаша Сарнецкого «Ровно в полдень» с логотипом независимого профсоюза.

Знаменитый предвыборный плакат „Солидарности" „Ровно в полдень. 4 июня 1989", созданный художником Томашем Сарнецким. Фото: Беата Завжель / Reporter. https://wydarzenia.interia.pl/kraj/news-zmarl-tomasz-sarnecki-autor-slynnego-plakatu-w-samo-poludnie,nld,2504216

Выборы 4 июня 1989 года завершились электоральным триумфом оппозиции при явке 62%. «Солидарность» выиграла все доступные по квоте места в Сейме (160 из 161 в первом туре, последнее – во втором) и 99 из 100 мест в Сенате. Катастрофой для режима стал провал «национального списка» из 35 руководителей ПНР, баллотировавшихся безальтернативно, но не набравших обязательные 50% голосов из-за массового вычеркивания избирателями. В их числе проиграли премьер Мечислав Раковский и министр внутренних дел генерал Чеслав Кищак. Это фиаско лишило коалицию гарантированных 65% мест и вызвало правовой тупик: закон требовал укомплектования Сейма ровно 460 депутатами, но 33 места номенклатуры пустовали без законного механизма довыборов. Для спасения транзита от срыва «Солидарность» пошла на тактический компромисс: Госсовет ПНР чрезвычайным декретом изменил правила выборов между турами, позволив заполнить вакансии во втором туре 18 июня новыми кандидатами коалиции.

Первая сессия „Контрактного Сейма". На снимке: Бронислав Геремек и Лех Валенса. Фото: Томаш Вежейский / Agencja Wyborcza.pl. https://wyborcza.pl/alehistoria/7,162654,26003857,propagandysci-z-ipn-wygumkowali-walese-z-wyborow-4-czerwca.html

Разгромные результаты выборов парализовали исполнительную власть. Попытка президента Ярузельского назначить главой кабинета генерала Кищака провалилась: сателлиты коммунистов – Объединенная крестьянская партия и Демократическая партия – отказались входить в правительство под эгидой ПОРП. Выход из тупика предложил Адам Михник в статье от 3 июля 1989 года «Ваш президент, наш премьер» (Wasz prezydent, nasz premier). Формула предполагала раздел сфер влияния: оппозиция соглашалась на избрание Ярузельского Президентом (для контроля ПОРП над силовиками и сохранения лояльности СССР), а представитель «Солидарности» получал право формирования правительства. 19 июля 1989 года Национальное собрание минимальным большинством избрало Ярузельского президентом благодаря снижению кворума частью оппозиции. Валенса создал коалицию с бывшими сателлитами коммунистов, и 24 августа Сейм утвердил представителя умеренного крыла «Солидарности» Тадеуша Мазовецкого премьер-министром.

Тадеуш Мазовецкий показывает знак победы („V“) после утверждения Сеймом состава его правительства. Варшава, 12 сентября 1989 г. Фото: Крис Ниденталь / FORUM. https://dzialam.um.warszawa.pl/spacer-sladami-tm-czas-przemian

Коалиционное правительство Мазовецкого, утвержденное 12 сентября 1989 года, взяло курс на мирный демонтаж системы при соблюдении принципа непрерывности государственного управления (ciągłość władzy państwowej). Силовые ведомства – Минобороны во главе с генералом Флорианом Сивицким и МВД под руководством генерала Кищака – временно остались под контролем ПОРП, гарантируя Москве лояльность Польши Варшавскому договору. Одновременно кабинет провел департизацию госаппарата, ликвидировав к началу 1990 года ячейки ПОРП в армии, милиции, судах и на предприятиях. Весной 1990 года Сейм упразднил репрессивную Службу безопасности, создав Управление охраны государства (Urząd Ochrony Państwa – UOP) с обязательной кадровой верификацией прежнего состава.

Главным экономическим вызовом стала угроза гиперинфляции, вызванной решением Раковского провести с 1 августа 1989 года «урыночновление» (urynkowienie) продовольственного сектора без субсидий и карточек. При автоматической индексации зарплат инфляция превысила 500% годовых. Вице-премьер и министр финансов Лешек Бальцерович разработал радикальную программу шоковой рыночной трансформации. Пакет из десяти законов («план Бальцеровича») вступил в силу 1 января 1990 года, ликвидировав регулирование цен, введя конвертируемость валюты и ограничив рост доходов налогом на сверхнормативный рост зарплат (popiwek).

Правовым фундаментом транзита стала Декабрьская новеллизация (Nowela grudniowa) Конституции от 29 декабря 1989 года. Сейм удалил статьи о «руководящей роли ПОРП», «социалистическом строе» и «диктатуре пролетариата», провозгласив Польшу «демократическим правовым государством, реализующим принципы социальной справедливости». Конституция законодательно зафиксировала переход к политическому плюрализму, свободе предпринимательской деятельности и гарантировала равную судебную защиту всем формам собственности, включая частную.

Критически важным геополитическим шагом в условиях продолжающегося распада социалистической системы стало исключение из Конституции упоминаний об обязательной «дружбе и сотрудничестве с СССР». Государству было официально возвращено его историческое название – Республика Польша (Rzeczpospolita Polska), а на герб страны вернулся традиционный польский орел в золотой короне. Эти конституционные изменения подвели окончательную правовую черту под сорокалетним периодом существования ПНР и юридически оформили рождение демократической Третьей Речи Посполитой (Trzecia Rzeczpospolita).

Варшава, январь 1990 г. Мастерская по производству вывесок и табличек. 31 декабря 1989 г. вступило в силу изменение Конституции, вернувшее корону на герб Польши. На снимке: дорисовывание короны на табличках с белым орлом после изменения государственного герба. Фото: Иренеуш Собещук, Ян Богач / PAP. https://magazyn.naostro.info/35-lat-temu-polski-orzel-odzyskal-korone-a-polska-rzeczpospolita-ludowa-stala-sie-rzeczpospolita-polska/

Институциональный транзит завершился в течение 1990 года. Первым фактором стал крах дискредитированной ПОРП: 29 января на своем XI съезде, вошедшем в историю как Последний съезд (Ostatni Zjazd), компартия приняла решение о самороспуске, а на ее

обломках возникла Социал-демократия Республики Польша (Socjaldemokracja Rzeczypospolitej Polskiej – SdRP) во главе с Александром Квасьневским. Это аннулировало практический смысл номенклатурных квот в парламенте. Вторым фактором стала децентрализация власти: в марте 1990 года Сейм принял закон об общинном самоуправлении, ликвидировавший советскую модель местных национальных советов и передавший реальные полномочия независимым гминам. На первых свободных местных выборах (wybory samorządowe) 27 мая 1990 года «Солидарность» завоевала большинство в муниципальных органах власти.

Финальным аккордом транзита стала ликвидация дуализма исполнительной власти. Под давлением реформ Ярузельский ушел в отставку, и в сентябре 1990 года Сейм утвердил поправки о всенародных выборах Президента Республики Польша. По итогам двух туров выборов (25 ноября и 9 декабря 1990 года) победу одержал Лех Валенса с 74,2% голосов.

Лех Валенса приносит присягу. 22.12.1990. Фото: AFP.
https://historia.interia.pl/historia-na-fotografii/news-walesa-prezydentem-rp-przekazanie-insygniow-wladzy,nId,7732519

Лех Валенса и президент в изгнании Рышард Качоровский во время передачи знаков президентской власти. Варшава, Королевский замок, 22.12.1990. Фото: Ян Морек / Agencja FORUM. https://historia.interia.pl/historia-na-fotografii/news-walesa-prezydentem-rp-przekazanie-insygniow-wladzy,nld,7732519

Исторической точкой перехода стала церемония инаугурации Валенсы 22 декабря 1990 года в Королевском замке в Варшаве. Последний президент Польши в изгнании Рышард Качоровский передал Валенсе знаки власти довоенной Второй Республики (Druga Rzeczpospolita). Этот символический акт зафиксировал преемственность с довоенным государством, аннулировал легитимность коммунистического периода и ознаменовал окончательное институциональное оформление Третьей Республики.

Релевантные уроки для Беларуси

Урок 1. Контрсистема как залог перехвата управления и кадрового выживания

Польский опыт показывает: стратегический успех транзита зависит не столько от триггеров его начала, сколько от способности оппозиции заблаговременно выстроить дееспособную контрсистему. «Солидарность» победила потому, что к моменту открытия транзитного окна обладала не просто протестным потенциалом, а параллельной

инфраструктурой гражданского общества с собственным кадровым и экспертным потенциалом. Внутри этой контрсистемы были заранее созданы профессиональные комиссии, разработаны программы реформ и подготовлены специалисты, готовые перехватить управление. Для Беларуси это означает, что формирование управленческого резерва, написание законопроектов и подготовка отраслевых команд должны происходить задолго до переговоров, чтобы в момент «Х» начало транзита не обернулось организационным хаосом и кадровым вакуумом.

Урок 2. Технология масштабируемой инклюзивности при жесткой изоляции радикалов

Угрозу легитимности транзита в виде подозрений в «заговоре элит» Круглый стол снял за счет структуры из 10 подгрупп, вовлекших более 700 участников – от юристов до профсоюзных активистов. Это превратило кулуарный торг в общенациональный форум, давший профессиональным средам чувство соавторства новой государственности. При этом широкая инклюзивность сочеталась с жесткой изоляцией радикалов с обеих сторон – партийных «ястребов» и непримиримого подполья. В беларуском контексте это указывает на необходимость вовлечения гражданских экспертов на нижних уровнях переговоров при сохранении жесткого мандата лидеров на изоляцию маргинальных групп, способных сорвать сделку ультиматумами.

Урок 3. Принуждение к диалогу через необратимый ущерб в реальном секторе экономики

Авторитарные режимы практически никогда не идут на уступки под влиянием одних лишь моральных требований или медийного давления. Система Ярузельского годами выживала в условиях дефицита за счет урезания социальных расходов и финансирования силовиков. Номенклатуру заставил начать диалог экономический тупик, вызванный забастовками на ключевых предприятиях, парализовавшими экспорт и добычу сырья. Для беларуской ситуации это главный маркер: транзит начинается, когда содержание силового и чиновничьего аппарата становится финансово непосильным для бюджета вследствие критического, невосполнимого экономического ущерба внутри страны – независимо от того, вызван ли он давлением общества, внешними санкциями или внутренним системным кризисом.

Урок 4. Нейтрализация внешнего геополитического донора и расчет издержек интервенции

Внешним фактором, сделавшим Круглый стол возможным, стал демонтаж «доктрины Брежнева» Москвой. Польская верхушка утратила волю к сопротивлению после конфиденциального уведомления Кремля о том, что советские танки не придут на помощь режиму. Для Беларуси это жесткий урок: мирный транзит заблокирован, пока за Минском стоит внешний донор в лице РФ, компенсирующий беларуской системе любые экономические и силовые потери. Переход к диалогу станет возможен либо при внутреннем кризисе самого донора, либо при создании условий, когда интервенция окажется для Москвы неприемлемо дорогой.

Урок 5. Строительство «золотого моста» и стратегия контролируемого отступления элит

Польская квота «65 на 35» в Сейме и учреждение поста Президента под фигуру Ярузельского были не слабостью оппозиции, а элементами прагматичного дизайна. Эти шаги снизили страх перемен у старых элит, лишив их мотивации сражаться до конца. Опыт учит: ради демонтажа диктатуры на первом этапе важно предоставить уходящему руководству гарантии личной безопасности, сохранности активов и временного присутствия во власти. Это раскалывает монолит номенклатуры, отделяя радикальных «ястребов» от прагматичного чиновничества, готового к компромиссу.

Урок 6. Принцип правовой бесшовности и переформатирование легальных институтов

Транзит в Польше шел не через разрушение госмашины, а через ее переформатирование изнутри. Оппозиция использовала легальные рамки (Сейм, старые процедуры, механизмы регистрации) для легитимации своих требований. Это исключило правовой вакуум, сохранило непрерывность госуправления и обеспечило международное признание изменений. Для Беларуси это урок процедурной безупречности: переходный период должен восприниматься обществом и бюрократией не как захват власти, а как поэтапное восстановление законности и временно заблокированных институтов.

Урок 7. Лидерство как готовность к принятию ответственности за непопулярный компромисс

Готовность Валенсы пойти на тайные переговоры в Магдаленке с лидерами режима стала катализатором транзита. Он сделал это вопреки жесткой критике радикалов, обвинявших его в «сговоре с палачами». Лидер переходного периода должен иметь волю принимать стратегически верные, но непопулярные решения, понимая, что гражданский мир ценнее симпатий улицы. Главная компетенция лидера перемен – способность вовремя конвертировать кризис в конструктивные переговорные позиции.

Урок 8. Институты независимых медиаторов как этический и процедурный буфер

Участие иерархов Католической церкви как посредников обеспечило Круглому столу этический каркас и устойчивость. Костел давал сторонам в условиях абсолютного недоверия гарантию того, что закрытые договоренности не будут нарушены. Для беларуского движения этот опыт подчеркивает важность заблаговременного поиска авторитетных внутренних или международных субъектов (правозащитных, религиозных или межгосударственных), способных стать нейтральными медиаторами, верифицировать обязательства и демпфировать неизбежные кризисы.

Резюме

Успех польской модели базировался на балансе между массовым давлением «снизу» и высокопрофессиональным экспертным проектированием «сверху». Польша доказала, что даже после десятилетия репрессий и военного положения организованное общество способно навязать власти паритетный договор, если оно обладает развитыми горизонтальными связями и четким видением будущего.

Круглый стол стал не просто местом политической сделки, а механизмом перезапуска государственности, где инклюзивность процесса послужила предохранителем от социального взрыва, а детальная проработка реформ в подгруппах обеспечила кадровый ресурс для новой страны. Этот опыт учит, что путь к демократии лежит через признание субъектности общества и готовность к сложной, зачастую изнурительной, но необходимой работе по поиску общенационального консенсуса.

ПНР прекратила свое существование не в результате внешней интервенции или насильственного захвата власти, а вследствие интеллектуального и морального

превосходства организованной контрсистемы и заключения номенклатурного пакта, в рамках которого коммунистическая элита согласилась на мирный демонтаж монополии в обмен на гарантии личной безопасности и последующую интеграцию в экономическую реальность Третьей Речи Посполитой.

Глава 3. Испанский переход (1975–1982): Модель контролируемой трансформации

Введение

Испанский переход, известный в мировой политической науке под терминами La Transición или «Испанский транзит», представляет собой исторический прецедент институциональной трансформации, реализованной по принципу «легальной революции». В отличие от польского сценария, где транзит стал результатом фронтального давления со стороны организованного альтернативного гражданского общества («Солидарность»), испанская модель базировалась на концепции Reforma pactada (согласованная реформа). Это был процесс глубокого демонтажа авторитарного режима в основном руками части его же собственных элит, которые сознательно и прагматично использовали правовые механизмы диктатуры для ее последовательной юридической ликвидации.

Ключевой формулой этого периода стала установка, сформулированная профессором права Торкуато Фернандес-Мирандой: De la ley a la ley a través de la ley («От закона к закону через закон»). Данный подход позволял избежать ситуации Ruptura (радикального и мгновенного разрыва правового поля), чреватого юридическим вакуумом, потерей управляемости государством, вспышкой гражданского насилия и полным экономическим коллапсом.

Важнейший концептуальный урок Испании заключается в том, что транзит стал результатом встречного движения и сложного симбиоза давления снизу и прагматичного ответа сверху. Протестная активность гражданского общества («площадь») создала для правящего класса ситуацию невозможности сохранения статус-кво, что стимулировало оформление внутри самой системы субъектной «группы реформаторов». Эти люди, обладая реальными рычагами власти и понимая тупиковость изоляции, пошли на контролируемый демонтаж режима, вступили в конфиденциальные контакты с оппозицией ради предотвращения революционного взрыва и обеспечили мирный перехват управления без обрушения государственных институтов.

3.1. Экономические предпосылки транзита и крах франкистского сценария преемственности

Успех и глубина реформ, стартовавших после смерти Франсиско Франко в ноябре 1975 года, были подготовлены скрытой эволюцией испанских элит, начавшейся еще в конце 1950-х годов. До этого момента экономика Испании находилась в состоянии глубокой стагнации, обусловленной навязанной Франко политикой автаркии (самообеспечения).

Эту изоляционистскую линию жестко отстаивали идеологизированные франкистские фалангисты – «синие рубашки» (Camisas viejas), ультраконсервативное крыло единственной легальной партии – Испанской фаланги традиционалистов и комитетов национал-синдикалистского наступления (FET y de las JONS – Falange Española Tradicionalista y de las Juntas de Ofensiva Nacional Sindicalista), ставшей позже ядром госсиндиката «Национальное движение» (Movimiento Nacional). Они видели в свободном рынке и иностранных инвестициях угрозу суверенитету страны. Однако к 1957 году модель автаркии исчерпала себя: государственная казна опустела, инфляция стала неуправляемой, возник дефицит товаров, а страна оказалась на грани дефолта.

В этих условиях Франко отстранил ортодоксальных фалангистов от руководства экономикой и допустил к управлению технократов – молодых профессионалов, связанных со светской католической организацией Opus Dei. Начиная с исторического «Плана стабилизации» 1959 года, технократы, ключевыми фигурами среди которых были министр торговли Альберто Ульястрес и министр финансов Мариано Наварро Рубио, провели системную реформу экономики. Они ликвидировали госконтроль над ценами и импортом, девальвировали песету, открыли страну для иностранного капитала и обеспечили интеграцию Испании в Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк.

Министр торговли Альберто Ульястрес садится в самолет, направляющийся в Париж для встречи с премьер-министром Шарлем де Голлем, 18 октября 1958 года. Фото: Иглесиас. Агентство EFE. https://politicaprosa.com/es/el-legado-de-alberto-ullastres/

Это привело к «испанскому экономическому чуду» 1960-х годов со средним ростом ВВП около 7% в год. Из отсталой аграрной страны Испания превратилась в развитую индустриальную державу. Однако технократы попутно создали фатальный для диктатуры социальный сдвиг: в стране сформировался мощный средний класс и новое поколение крупного бизнеса, чье благосостояние зависело от экономических связей с Европой. Авторитарная надстройка франкизма превратилась в тормоз развития: Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) отказывалось принимать Испанию в свои ряды до введения демократических институтов.

Запрет независимых профсоюзов и забастовок приводил к тому, что локальные экономические споры криминализировались и выливались в стихийные стачки. Внутри власти возник раскол: прагматики и молодая номенклатура осознали, что для сохранения капитализма, активов и легитимности придется пожертвовать жесткой политической диктатурой, не соответствовавшей уровню развития испанского общества.

Для понимания масштаба последующих событий необходимо реконструировать исходный план преемственности, который Франсиско Франко планомерно выстраивал годами. Диктатор стремился обеспечить ультраконсервативное сохранение франкизма после своей смерти. Согласно замыслу, будущая власть должна была опираться на жесткий дуумвират: Короля Хуана Карлоса I и адмирала Луиса Карреро Бланко.

Луис Карреро Бланко и принц Хуан Карлос, 9 июня 1973 года / АРХИВ.
https://www.elperiodico.com/es/politica/20231220/carrero-blanco-perfil-biografia-96000812

Роль Хуана Карлоса в этом плане была декларативной и легитимизирующей. В рамках Закона о преемственности 1947 года Франко объявил Испанию королевством, оставив престол незанятым. В 1969 году Хуан Карлос публично присягнул на верность Принципам Национального движения и Основным законам франкизма, подтвердив готовность охранять наследие диктатуры. Каудильо рассчитывал, что реставрация лояльной монархии вернет режиму легитимность на Западе, при этом сам Король останется подконтрольной фигурой.

Справочно:

– Национальное движение (Movimiento Nacional) – созданная Франко в апреле 1937 года единственная легальная политическая организация франкистской Испании. Она представляла собой разветвленную государственную корпорацию, объединявшую гражданское чиновничество, официальные «вертикальные» профсоюзы (синдикаты), фалангистов и местную муниципальную бюрократию.

– Основные законы франкизма (Leyes Fundamentales del Reino) – свод нормативных актов, заменявший классическую конституцию. На момент присяги Хуана Карлоса (1969) их было семь (восьмым в 1977 году станет закон о политической реформе – Ley para la Reforma Política, разработанный правительством Адольфо Суареса и Торкуато Фернандеса-Миранды, который демонтирует всю систему). Эти законы закрепляли авторитарную модель государства:

1. *Трудовой фуэро (Fuero del Trabajo, 1938) – запрещал забастовки и свободные профсоюзы, загоняя рабочих в подконтрольный государству «Вертикальный синдикат».*
2. *Закон об учреждении Кортесов (Ley Constitutiva de las Cortes, 1942) – создавал декоративный парламент, куда депутаты (прокурадоры) назначались от муниципалитетов, церкви и профсоюзов.*
3. *Фуэро испанцев (Fuero de los Españoles, 1945) – формальная декларация прав и обязанностей, аннулировавшихся, если они «угрожали социальному и духовному единству нации».*
4. *Закон о национальном референдуме (Ley del Referéndum Nacional, 1945) – позволял Франко принимать законы в обход Кортесов через подконтрольные плебисциты.*
5. *Закон о преемственности на посту главы государства (Ley de Sucesión en la Jefatura del Estado, 1947) – провозглашал Испанию королевством, но оставлял трон пустым, делая Франко пожизненным правителем с правом выбрать наследника.*
6. *Закон о принципах Национального движения (Ley de Principios del Movimiento Nacional, 1958) – обязывал любого чиновника, военного и монарха клясться на верность официальной идеологии франкизма.*
7. *Органический закон государства (Ley Orgánica del Estado, 1967) – фиксировал структуру власти, разделяя посты главы государства и премьер-министра на период после смерти диктатора.*

Реальным же архитектором исполнительной власти и гарантом неизменности курса при Монархе должен был стать адмирал Луис Карреро Бланко. Карреро Бланко являлся ближайшим доверенным лицом Франко, его «правой рукой» и убежденным идеологом консервации режима, обладавшим непререкаемым авторитетом среди армейского генералитета и спецслужб. В июне 1973 года Франко разделил посты главы государства и главы правительства, официально назначив Карреро Бланко премьер-министром. Именно адмирал должен был обладать всей полнотой реальной власти, контролировать армию и жестко пресекать попытки либерализации.

Этот сценарий преемственности был полностью сорван 20 декабря 1973 года, когда баскская леворадикальная организация ЭТА (ETA – Euskadi Ta Askatasuna) осуществила покушение на адмирала Луиса Карреро Бланко в рамках операции «Огро». В результате подрыва заложенного под проезжую часть мощнейшего динамитного заряда глава правительства погиб на месте.

Так выглядело место покушения на Карреро Бланко у дома № 104 по улице Клаудио Коэльо в Мадриде после взрыва 50–70 кг динамита. Фото: EFE. https://muyinteresante.okdiario.com/historia/asi-se-produjo-el-atentado-mortal-de-eta-contra-carrero-blanco-el-sucesor-natural-de-franco.html

Гибель Карреро Бланко нанесла режиму франкизма критический удар, разрушив исходную формулу транзита. Система осталась без лидера исполнительной власти, способного удержать под контролем армейский генералитет после смерти каудильо. Назначенный вместо него новый премьер-министр Карлос Ариас Наварро оказался слабым и колеблющимся политиком, неспособным сплотить ультраправых консерваторов.

В результате образовался двухлетний период политического ожидания (декабрь 1973 – ноябрь 1975). Этот промежуток, сопровождавшийся затяжной болезнью и физическим угасанием Франко, сыграл спасительную роль для будущей демократии. За эти два года умеренное крыло номенклатуры и крупного бизнеса окончательно осознало неизбежность конца системы и начало готовить почву для правового транзита, понимая, что силовой сценарий консервации франкизма без Карреро Бланко не имеет исторической перспективы. Это открыло дорогу будущему Королю Хуану Карлосу I, который получил пространство для маневра и начал формировать план контролируемой демократизации.

Однако в этот же период происходит и окончательное консолидированное оформление ультраправого, непримиримого крыла под названием «Бункер» (El Búnker). Этот субъект представлял собой монолитную реакционную коалицию, объединявшую высший армейский генералитет («бункерных генералов»), руководство официальных синдикатов франкизма, консервативный судейский корпус и ортодоксальное крыло Фаланги.

Стратегическая цель «Бункера» заключалась в консервации диктатуры в ее репрессивном виде и полном блокировании любых инициатив реформирования сверху. Располагая контролем над силовыми ведомствами и Кортесами (франкистским квазипарламентом), «Бункер» стал главной фоновой угрозой для будущего транзита: любое отклонение реформаторов от Основных законов франкизма могло спровоцировать этот блок на запуск сценария военного переворота.

3.2. «Мотор транзита» и консолидация оппозиции: рождение триумвирата реформаторов и единой «Платахунты»

После смерти Франко 20 ноября 1975 года управление перешло к триумвирату фигур, детально знавших механизмы функционирования режима.

Взошедший на престол 22 ноября 1975 года Король Хуан Карлос I принял функцию верховного арбитра (Árbitro y moderador). Его легитимность в глазах армии была безупречной благодаря обучению в военных академиях по воле Франко. Пользуясь статусом Главнокомандующего (Capitán General), Король требовал от генералитета строгого соблюдения принципа единоначалия и невмешательства в политику, приравняв попытку путча к измене присяге. Это защитило кабинет министров и предотвратило переворот со стороны ультраправого «Бункера».

Юридическим архитектором процесса стал Торкуато Фернандес-Миранда, возглавивший Кортесы (Presidente de las Cortes) и Совет Королевства (Consejo del Reino). Профессор конституционного права и бывший министр-генеральный секретарь Национального движения (Ministro-Secretario General del Movimiento), он пользовался полным доверием Короля как его наставник. Зная уязвимости франкистского законодательства, Фернандес-Миранда разработал стратегию реформирования системы через ее собственные нормативные механизмы, лишив консерваторов юридических поводов для блокировки реформ.

Исполнительным звеном стал Адольфо Суарес, назначенный председателем правительства (Presidente del Gobierno) в июле 1976 года. Выходец из франкистских

институтов – гражданский губернатор Сеговии, генеральный директор гостелевидения (Radiotelevisión Española – RTVE) и министр-генеральный секретарь Национального движения – он понимал, как реформировать систему изнутри, гарантировать безопасность элитам и убедить функционеров в неизбежности уступок перед угрозой революции.

В этой связке, названной «мотором транзита» (el motor de la Transición), Суарес отвечал за компромиссы, Фернандес-Миранда – за правовую легитимность, а Король – за контроль над армией.

Торкуато Фернандес-Миранда, Хуан Карлос I, Адольфо Суарес и их супруги в аэропорту Барахас (фото: Ханель Куэста). https://conversacionsobrehistoria.info/2020/04/29/la-historia-de-la-transicion-una-propuesta-critica/

Назначение Суареса происходило на фоне пробуждения «улицы». Смерть Франко вызвала волну стачек, координируемых подпольными левыми силами. Весь 1976 год прошел под знаком этого давления, сделавшего очевидным: удерживать статус-кво силой невозможно. За один только 1976 год из-за стачек было потеряно 150 млн рабочих часов; в январе в Мадриде бастовало более 400 000 рабочих. Подпольные профсоюзы превратили экономические протесты в инструмент требования амнистии и свобод.

Самым кровавым проявлением кризиса и поворотной точкой, продемонстрировавшей тупик силовой машины, стали события в баскском городе Витория-Гастейс, известные как Бойня в Витории 3 марта 1976 года. В ходе всеобщей забастовки более пяти тысяч рабочих собрались в церкви Святого Франциска Ассизского. Силы правопорядка заблокировали выходы, применили слезоточивый газ внутри храма, а когда люди в панике стали вырываться наружу, открыли огонь на поражение. Пять рабочих погибли, более 150 получили ранения.

Манифестация рабочих в Витории в день всеобщей забастовки незадолго до трагического расстрела. 3 марта 1976 года (фото: Фонд Хуана Муньиса Сапико / CCOO). https://noticiasobreras.es/2026/03/vitoria-3-de-marzo-de-1976-la-matanza-que-acelero-la-transicion/

Карательный аппарат зашел в тупик, что подтвердили несколько факторов:

- Глава МВД (Ministro de la Gobernación) Мануэль Фрага Ирибарне (автор лозунга «Улица принадлежит мне») рассчитывал, что подавление остудит протесты. Но вместо страха Витория спровоцировала взрыв солидарных стачек по всей стране. Каждое новое насилие расширяло географию протеста, радикализируя «умеренное большинство».
- В гражданский оборот утекли радиопереговоры полицейских патрулей с фразами «Мы устроили здесь настоящую бойню». Это послужило для Короля и Суареса сигналом: силовики действуют как каратели, разрушая легитимность государства.

- Временно исполняя обязанности главы МВД из-за отсутствия Фраги в стране, Суарес столкнулся с давлением «Бункера», требовавшего ввести в Виторию танки. Суарес проявил жесткость, запретив армии вмешиваться и заблокировав предложение премьера Ариаса Наварро о введении чрезвычайного положения. Он осознал: если режим продолжит разгонять стачки силами регулярной армии, страна скатится в гражданскую войну.
- Для франкизма, опиравшегося на «католический национализм», церковь была священной. Насилие в храме возмутило епископат. Соборы по всей стране превратились в площадки для рабочих собраний, лишив режим идеологической опоры.

Полицейский разгон участников траурного шествия после похорон рабочих, убитых в Витории. Март 1976 года (фото: Херман Гальего). https://noticiasobreras.es/2026/03/vitoria-3-de-marzo-de-1976-la-matanza-que-acelero-la-transicion/

Витория доказала реформаторам необходимость смены политической рамки, предопределив скорую отставку консервативного премьера Карлоса Ариаса Наварро. Трагедия также ускорила консолидацию антифранкистского лагеря. Разрозненная оппозиция поняла: преодоление раскола – единственный способ заставить власть идти на уступки. До этого момента оппозиция была разделена на два конкурирующих блока.

Первый блок – Демократическая хунта Испании (Junta Democrática de España) – был создан в 1974 году по инициативе Коммунистической партии Испании (КПИ; Partido Comunista de España, PCE) под руководством Сантьяго Каррильо. Он делал ставку на

общенациональную забастовку (Huelga Nacional) и опирался на подпольные Рабочие комиссии (CCOO; Comisiones Obreras).

Справочно:

В коалицию также входили:

- *Народная социалистическая партия (НСП; Partido Socialista Popular, PSP) Энрике Тьерно Гальвана;*
- *Партия труда Испании (ПТИ; Partido del Trabajo de España, PTE) Эладио Гарсиа Кастро;*
- *Карлистская партия (Partido Carlista) Карлоса Уго де Бурбон-Пармы;*
- *объединение судей «Демократическая справедливость» (Justicia Democrática);*
- *независимый либеральный монархист Антонио Гарсиа-Тревихано (Antonio García-Trevijano), ставший официальным представителем (portavoz) Хунты.*

Второй блок – Платформа демократической конвергенции (Plataforma de Convergencia Democrática) – сформировался в 1975 году вокруг Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП; Partido Socialista Obrero Español, PSOE) во главе с Фелипе Гонсалесом.

Справочно:

В платформу также входили:

- *«Демократическая левая» (Izquierda Democrática, ID) Хоакина Руиса-Хименеса;*
- *Либеральный союз (Unión Liberal, UL) Игнасио Камуньяса;*
- *Федерация демократических и либеральных партий (Federación de Partidos Demócratas y Liberales) Хоакина Гарригеса Валькера;*
- *группа интеллектуалов вокруг журнала «Тетради для диалога» (Cuadernos para el Diálogo) во главе с Педро Альтаресом (Pedro Altares).*

Участники Платформы ориентировались на сценарий последовательных реформ и пользовались поддержкой социал-демократических элит Европы. Объединению мешало взаимное недоверие: ИСРП опасалась монополизации протеста коммунистами, а КПИ критиковала социалистов за компромиссы.

Трагедия в Витории заставила лидеров блоков пойти на прямые переговоры. Слияние координировалось при посредничестве Алехандро Рохаса-Маркоса, Хоакина Руиса-Хименеса и Энрике Тьерно Гальвана. 26 марта 1976 года возник единый координационный орган – «Демократическая координация» (Coordinación Democrática), вошедший в историю под неформальным названием «Платахунта» (Platajunta). Он возглавлялся паритетным исполнительным комитетом, сбалансировавшим влияние КПИ и ИСРП.

¡PROLETARIOS DE TODOS LOS PAISES UNIOS!

Mundo Obrero

ORGANO DEL COMITE CENTRAL DEL PARTIDO COMUNISTA DE ESPAÑA

Año XLVI N. 13 — 31 marzo, 1976 — Precio: 10 Pts.

EN LA CALLE
3-4 de Abril
1° de Mayo

página 4

JUNTA Y PLATAFORMA SE UNEN

COORDINACION DEMOCRATICA

Первая полоса подпольного выпуска газеты Коммунистической партии Испании «Mundo Obrero» от 31 марта 1976 года с историческим заголовком: «Хунта и Платформа объединяются: Демократическая координация» («Платахунта»). Источник: Архив PCE / Mundo Obrero. https://www.nortes.me/2026/04/11/la-primavera-que-acelero-el-final-del-franquismo-sin-franco/

Благодаря «Платахунте» протест обрел единую субъектность. В манифесте «К народам Испании» («A los pueblos de España») от 26 марта 1976 года, помимо требований амнистии, легализации партий и созыва Учредительного собрания, декларировались ликвидация франкистских профсоюзов, право на забастовки, автономия Каталонии, Страны Басков и Галисии, секуляризация государства, независимость судов и вывод армии из политики.

Ради сохранения коалиции левые лидеры временно убрали из манифеста требование немедленного провозглашения республики, заменив его формулировкой «Конституционный процесс» (Proceso constituyente). Вопрос о форме правления переносился на будущий референдум. Это превратило оппозицию из революционной угрозы в договороспособную силу.

Появление «Платахунты» лишило власть возможности раскалывать оппозицию и ускорило отставку премьера Карлоса Ариаса Наварро, который предлагал лишь косметический ремонт франкизма. Находясь под давлением «Бункера», он разработал

проект закона о «политических ассоциациях» при запрете компартии и левых профсоюзов, что вело к радикализации улиц.

Действуя в рамках франкистского регламента, Король не мог уволить премьера простым указом. Ариас Наварро заявлял, что его мандат истекает в 1979 году. Для отставки требовалось согласие Совета Королевства, большинство членов которого были франкистами. Прямое увольнение могло спровоцировать переворот. Тогда Король атаковал премьера в зарубежной прессе: в апреле 1976 года во время визита в США Хуан Карлос I дал интервью The New York Times, назвав Ариаса Наварро «абсолютной катастрофой».

Смещение Ариаса Наварро осуществил Торкуато Фернандес-Миранда. На встрече 1 июля 1976 года он предъявил премьеру ультиматум: добровольный уход либо публичное отстранение с возложением вины за кровь в Витории. Король нейтрализовал армейские верхи «Бункера», и Ариас Наварро подписал прошение об отставке.

Для продвижения Адольфо Суареса Фернандес-Миранда виртуозно манипулировал голосованием Совета Королевства по формированию списка из трех кандидатов («терна»). Франкистское большинство проголосовало за консерваторов Федерико Сильву Муньоса и Грегорио Лопеса Браво, а третьим кандидатом стал Суарес, заранее согласованный с Королем. Фернандес-Миранда произнес историческую фразу: «Я готов предложить Королю то, что он у меня просил».

Адольфо Суарес приносит присягу при вступлении в должность председателя правительства 5 июля 1976 года. Источник: EFE. https://www.elmundo.es/espana/2026/07/03/6a46c3d8fdddfff13e8b45ce.html

Назначение Суареса в июле 1976 года изменило динамику транзита. А появление «Платахунты» дало правительству надежного партнера по переговорам, готового гарантировать соблюдение будущих соглашений.

Осенью 1976 года «Платахунта» объединилась с региональными платформами в более широкую коалицию – Платформу демократических организаций (Plataforma de Organismos Democráticos, POD). Возникла необходимость перевести уличные манифесты на язык конкретных законодательных договоренностей. Для этого 10 декабря 1976 года была создана Комиссия по переговорам с правительством, вошедшая в историю как «Комиссия девяти» (Comisión de los Nueve / Comisión de los 9). Она стала первым легитимным, хотя официально еще не признанным, коллективным представителем оппозиции перед исполнительной властью.

Справочно:

В состав комиссии вошли ключевые фигуры разных политических флангов: Фелипе Гонсалес (социалисты, ИСРП); Сантьяго Каррильо (коммунисты, КПИ; на первых этапах из-за его нелегального положения и кратковременного ареста в декабре 1976 года в переговорах участвовал его соратник Симон Санчес Монтеро); Энрике Тьерно Гальван (Народная социалистическая партия, PSP); Хоакин

Сатрустеги (либеральные монархисты); Хоакин Руис-Хименес (христианские демократы, ID; позже его сменил Антон Каньельяс); Франсиско Фернандес Ордоньес (социал-демократы, PSD); Жорди Пужоль (каталонские националисты, CDC); Хулио де Хауреги (баскские националисты, PNV); Валентин Пас-Андраде (галисийские националисты).

Для придания переговорному процессу максимального веса «Девятка» тесно координировала свои действия с лидерами крупнейших, все еще полулегальных рабочих профсоюзов – Марселино Камачо (Comisiones Obreras – CCOO) и Николасом Редондо (Unión General de Trabajadores – UGT). Именно эта объединенная коалиция, которую журналисты за столом переговоров окрестили «Комиссией десяти», сформулировала пакет минимальных требований для участия в будущих выборах: всеобщая амнистия, легализация всех без исключения политических партий и профсоюзов, роспуск франкистского «Национального движения» и равный доступ оппозиции к государственным СМИ.

Заседание Комиссии по переговорам от демократической оппозиции («Комиссии девяти / десяти») с участием лидеров ведущих партий и профсоюзов. Мадрид, декабрь 1976 года. Источник: Архив Agencia EFE.
https://elpais.com/economia/2023-01-04/la-vida-del-historico-lider-de-ugt-nicolas-redondo-en-imagenes.html#foto_gal_2

Суарес получил единого, структурированного контрагента, представляющего как политическое крыло, так и рабочую «улицу». Это позволило перевести транзит из плоскости силового противостояния в плоскость институционального компромисса.

3.3. Секретная дипломатия Суареса и «Суицид Кортесов»

Параллельно с выстраиванием официального диалога с коллективным представителем оппозиции в лице «Комиссии девяти», Адольфо Суарес развернул сложнейшую закулисную игру. Запуск реформ требовал от председателя правительства каналов прямой связи с лидерами оппозиции, многие из которых официально оставались в подполье или в изгнании. Номенклатурное прошлое Суареса в «Национальном движении» вызывало глубокое недоверие антифранкистов, видевших в новом премьере ставленника «Бункера» (El Búnker). Однако знание системы изнутри стало преимуществом премьера. Успокаивая армейский генералитет традиционной франкистской риторикой, за закрытыми дверями он сочетал признание «Комиссии девяти» с тайной сепаратной дипломатией, направленной на то, чтобы лишить оппозицию излишней монолитности. Используя угрозу революционного взрыва и левого террора как аргумент на переговорах с военными, Суарес заключал пакетные соглашения с ключевыми участниками «Платахунты» по отдельности – прежде всего с социалистами и коммунистами, – переводя уличные ультиматумы в русло легального политического процесса.

Первый шаг на этом пути был сделан еще в августе 1976 года, когда на конспиративной вилле состоялась личная встреча Суареса с лидером ИСРП Фелипе Гонсалесом. На требование социалистов о немедленном провозглашении республики премьер, используя данные спецслужб о настроениях в армии, прагматично возразил: «Если мы уберем Короля, армия выйдет на улицы. Нам нужен Монарх как защита от генералов». В итоге ИСРП временно отказалась от требования республики, признав Хуана Карлоса I как гаранта стабильности. Взамен Суарес гарантировал партии легализацию, неофициальный доступ к госмедиа и честные выборы. Сделку обеспечило посредничество Социалистического интернационала и лидера СДПГ Вилли Брандта через Фонд им. Фридриха Эберта. Брандт гарантировал Суаресу умеренность Гонсалеса, а ФРГ обусловила финансовую помощь ИСРП обязательством сдерживать уличные протесты. Для ИСРП сознательно создавали режим наибольшего благоприятствования, формируя умеренный левоцентристский противовес Компартии.

Председатель правительства Адольфо Суарес беседует с генеральным секретарем ИСРП Фелипе Гонсалесом перед началом переговоров во дворце Монклоа в Мадриде. Фото: EFE.
https://www.eldiario.es/sociedad/historiadores-desmontar-mito-transicion-pacifica-policia-importo-metodos-violentos-franquismo_1_11312613.html

Контакты с Коммунистической партией Испании (КПИ) стали опаснейшим этапом транзита, поскольку для военных коммунисты оставались главным врагом со времен Гражданской войны. Непубличный диалог начался осенью 1976 года через главу влиятельного информационного агентства «Europa Press» Хосе Марио Армеро. Его загородный дом стал засекреченной площадкой для переговоров. Понимая колоссальные риски, лидер КПИ Сантьяго Каррильо передал Суаресу ключевые гарантии: в случае легализации коммунисты обязуются интегрироваться в правовое поле, признать конституционную монархию, официальный красно-желтый национальный флаг Испании (вместо революционного триколора) и остановить разрушительные политические стачки подконтрольных профсоюзов. Эта тайная сделка предопределила легализацию КПИ весной 1977 года.

Параллельно Суарес нейтрализовал риски регионального сепаратизма. С конца 1976 года правительство через каталонского публициста Карлоса Сентиса наладило секретный контакт с Жозепом Таррадельясом – президентом Каталонии в изгнании, не бывавшим на родине 38 лет. Непубличные встречи привели к формуле «Автономия в обмен на лояльность»: Таррадельяс обязался поддержать территориальное единство Испании и признать монархию в обмен на последующее восстановление Женералитата

(Generalitat de Catalunya) – исторического правительства Каталонии. Это позволило изолировать радикалов и интегрировать умеренные региональные элиты.

Лидер коммунистов Сантьяго Каррильо и председатель правительства Адольфо Суарес беседуют в Конгрессе депутатов. Фото: Исторический Архив / Archivo. https://www.elespanol.com/porfolio/revision/20211113/falangista-comunista-carrillo-legalizaron-pce-democracia-secreto/626437745_0.html

Обеспечив эти внешние гарантии со стороны лидеров «Девятки», реформаторы перешли к демонтажу франкизма руками самих франкистов. В этом процессе объединились усилия Суареса и председателя Генеральных Кортесов и Совета Королевства Торкуато Фернандеса-Миранды. Сложность заключалась в том, что по Основному закону о Кортесах 1942 года любое изменение конституционного устройства требовало двух третей голосов депутатов (procuradores). Большинство составляли франкисты и генералы, находившиеся под патронажем реакционного «Бункера». Оппозиция требовала революционного разрыва (ruptura democrática), но силовая отмена законов привела бы к военному перевороту.

Юридический выход нашел Фернандес-Миранда, сформулировавший принцип: «От закона к закону через закон» (De la ley a la ley a través de la ley). Как конституционалист, он понимал необходимость ликвидации франкистского права по его собственным правилам во избежание армейского мятежа. Фернандес-Миранда использовал Закон о преемственности 1947 года, позволявший менять Основные законы через референдум

после утверждения проекта Кортесами. Он лично написал проект Восьмого Основного закона – Закона о политической реформе (Ley para la Reforma Política).

Торкуато Фернандес-Миранда и Адольфо Суарес. Источник: Agencia EFE. https://www.diariodesevilla.es/espana/juan-carlos-motor-cambio-arriesgado_0_2005282988.html

Проект из 5 коротких статей по форме оставался надстройкой над системой, но по существу ее ликвидировал, заложив каркас выборов 1977 года:

- Статья 1 провозглашала народный суверенитет, верховенство права и политические свободы.
- Статья 2 учреждала новые Генеральные Кортесы (Cortes Generales), состоящие из Конгресса депутатов (Congreso de los Diputados) и Сената (Senado).
- Статья 3 вводила всеобщее, прямое и тайное голосование по пропорциональной и мажоритарной системам с обязательством провести выборы в течение года.
- Статья 4 наделяла Короля правом напрямую выносить на референдум любые конституционные вопросы в обход Кортесов.
- Статья 5 регламентировала процедуру разработки и утверждения парламентом нового Основного закона.

Внеся проект в Кортесы, Суарес развернул многонедельную кампанию по обработке депутатов во дворце Монклоа, гарантируя номенклатуре компромиссные условия:

- Институциональная преемственность: исключение люстраций. Чиновникам, офицерам и судьям – включая судей упраздненного впоследствии репрессивного Трибунала общественного порядка (Tribunal de Orden Público, TOP) – гарантировалось сохранение чинов, пенсий, окладов и активов.
- Политическая интеграция: умеренных франкистов пригласили продолжить карьеру в правоцентристском блоке реформаторов – будущем Союзе демократического центра (Unión de Centro Democrático, UCD).
- Системные угрозы: Суарес апеллировал к сводкам МВД о забастовках, показывая, что блокирование реформ вызовет революционный хаос и экспроприацию. Единственным путем спасения государственности объявлялись реформы «сверху». Набожные франкисты восприняли контролируемые изменения как акт верности завещанию Франко, передавшего власть Хуану Карлосу I.

На историческом заседании Кортесов 16–18 ноября 1976 года Фернандес-Миранда парализовал сопротивление «Бункера», объявив поправки пакетными и сдвинув речи радикалов на конец регламента. Параллельно в кулуарах Суарес давал генералам последние гарантии стабильности. 18 ноября 1976 года 425 депутатов из 497 присутствовавших (при 59 голосах «против» и 13 воздержавшихся) проголосовали «за» закон, фактически ликвидировавший их полномочия. Событие вошло в политологию как «Суицид Кортесов» (Suicidio de las Cortes) или «харакири франкизма». Режим демонтировал себя легально, не оставив армии повода для мятежа.

Для полной легитимности требовался референдум, назначенный на 15 декабря 1976 года. Кампании трех сил распределились следующим образом:

- «Бункер» агитировал против реформы под лозунгом «Франко проголосовал бы против», пугая граждан новой гражданской войной.
- Левая оппозиция («Платахунта» / «Комиссия девяти»), поддерживая демонтаж диктатуры, критиковала проект за отсутствие немедленной легализации партий и призвала к бойкоту (abstención).
- Правительство использовало ТВ (Televisión Española, TVE) и радио, продвигая простые слоганы («Твой голос – это твой выбор», «Если хочешь демократии – голосуй») и песню «Habla, pueblo» («Говори, народ»).

Институциональное самоубийство. Приняв Закон о политической реформе, Кортесы диктатуры одобрили то, что позже назвали «харакири франкизма». Фото: EFE. https://www.lavanguardia.com/politica/20161211/412533530909/asi-liquido-franquismo.html

При явке 77,8% проект поддержали 94,45% избирателей (более 16,5 млн человек), против проголосовали лишь 2,6%. Итоги референдума изменили политический ландшафт:

- Правые потеряли право говорить от лица «безмолвного большинства», а армия увидела отсутствие общественной поддержки старого режима.
- Провал бойкота доказал лидерам «Платахунты» нежелание граждан идти на радикальный разрыв, склонив их к компромиссам.
- Хуан Карлос I закрепил статус главного гаранта перехода.

Закон о политической реформе открыл путь к первым конкурентным выборам. Лишившись легальных рычагов борьбы, право- и леворадикальные силы перешли к внесистемному давлению, что спровоцировало волну террора и насилия в начале 1977 года.

Председатель правительства Адольфо Суарес голосует на референдуме 1976 года. Фото: EFE / Архив.
https://www.lavanguardia.com/politica/20161215/412619206584/referendum-ley-reforma-politica-1976-television-campana.html

3.4. Провокации радикалов, легализация КПИ и первые свободные выборы

Перенос противостояния во внесистемное поле сделал январь и февраль 1977 года периодом тяжелых испытаний для реформ. Столкнувшись с поражением на декабрьском референдуме, радикалы с обоих флангов синхронно активизировали террор. Ультраправые и левые экстремисты преследовали общую тактическую цель – дестабилизировать общественный порядок, спровоцировать армию на вмешательство и сорвать намеченные на лето всеобщие выборы, нормативная база которых была заложена Законом о политической реформе.

24 января 1977 года Мадрид потряс «Расстрел на Аточа» (Matanza de Atocha). Боевики из ультраправой группировки «Антикоммунистический апостольский альянс» (Triple A), пользовавшиеся поддержкой консерваторов в силовых структурах, ворвались в офис юристов по трудовому праву на улице Аточа, 55. Нападавшие открыли огонь в упор, убив пять человек и тяжело ранив четверых. Жертвы были активистами Коммунистической партии Испании (КПИ) и защищали рабочих из подпольного профсоюза «Рабочие комиссии» (Comisiones Obreras – CCOO). Расчет организаторов заключался в том, чтобы

спровоцировать левых на зеркальные уличные расправы и дать генералитету повод для объявления военного положения.

В этот критический момент руководство КПИ во главе с Сантьяго Каррильо проявило выдержку. Хотя партия входила в платформу «Платахунта» (Platajunta), политически она оказалась в изоляции. Ее ключевые партнеры (прежде всего ИСРП), чей легальный статус уже признавался властями, после референдума сосредоточились на собственных избирательных кампаниях и уклонились от солидарных действий. В условиях паралича единого фронта КПИ отвечала на вызов самостоятельно.

Многотысячная безмолвная манифестация во время похорон адвокатов, убитых на улице Аточа. Мадрид, 26 января 1977 года (фото: Рикардо Мартин). https://fototrans.umh.es/project/entierro-abogados-atocha-madrid-enero-1977/

Понимая, что партию вовлекают в эскалацию, руководство коммунистов отказалось от призывов к забастовкам и мести. Похороны адвокатов 26 января превратились в масштабное безмолвное шествие: от 100 000 до 150 000 человек прошли по центру столицы в знак протеста против террора. Ключевым фактором стабилизации стала жесткая дисциплина марша. Поскольку полиция уклонилась от обеспечения безопасности, КПИ совместно с ССОО мобилизовали собственную службу порядка. Тысячи рабочих дружинников выстроились в живые цепи, пресекая любые провокации.

Это произвело глубокое впечатление на умеренных франкистов. Власти увидели, что коммунисты и связанные с ними рабочие структуры обладают мощным организационным ресурсом и способны выступать в качестве дисциплинированного, системного контрагента, контролирующего массовый протест в мирных рамках.

Транзит пытались сорвать также леворадикалы и региональные сепаратисты. Главной угрозой оставалась баскская террористическая организация ЭТА (ETA – Euskadi Ta Askatasuna / «Страна Басков и свобода»). Ее лидеры рассматривали реформы Суареса как косметический ремонт франкизма и зимой 1977 года развернули кампанию покушений и взрывов против силовиков в Бильбао, Сан-Себастьяне, Витории и Толосе.

Антонио Мария де Ориоль сразу после освобождения полицией из плена группировки GRAPO. Мадрид, 11 февраля 1977 года. / Фото: Agencia EFE. https://elpais.com/diario/2007/02/11/domingo/1171169558_740215.html

Одновременно действовали городские партизаны ГРАПО (GRAPO – Grupos de Resistencia Antifascista Primero de Octubre / «Группы антифашистского сопротивления первого октября»). Они предприняли попытку силового давления на власть, похитив председателя Совета государства Антонио Марию де Ориоля, а затем – главу Высшего совета военной юстиции генерала Эмилио Вильяэскусу, требуя амнистии для своих заключенных в обмен на их жизни.

Премьер-министр Адольфо Суарес отказался идти на уступки, которые могли подорвать его авторитет среди военных. 11 февраля 1977 года спецподразделение полиции штурмом взяло конспиративные квартиры ГРАПО в Мадриде и Алькорконе. Заложников освободили живыми, а руководство ГРАПО арестовали. Этот успех расширил поле маневра для Суареса: доказав силовикам способность государства подавлять леворадикальный террор, премьер получил политическое пространство для легализации умеренной оппозиции.

Легализация КПИ стала сложнейшим вызовом для правительства Суареса. Для армейского генералитета признание Компартии было неприемлемым, так как подрывало идеологический устой режима – доктрину «крестового похода» против коммунизма – и нарушало завещание Франко о недопущении к власти сил, проигравших в Гражданской войне (1936–1939 гг.). Процесс требовал от исполнительной власти точных юридических решений и непубличных консультаций.

Катализатором стали действия самой КПИ. Генеральный секретарь Сантьяго Каррильо, понимая, что Суарес затягивает решение из-за страха перед армией, нелегально прибыл в Мадрид и 10 декабря 1976 года провел резонансную конспиративную пресс-конференцию для иностранных журналистов, продемонстрировав бессилие спецслужб. Его арест полицией 22 декабря поставил правительство перед дилеммой. Тюремное заключение Каррильо превращало его в «политического мученика», лишало будущие выборы легитимности и провоцировало левых на срыв реформы. 30 декабря Каррильо освободили под залог, что де-факто означало неизбежность интеграции КПИ в правовой процесс.

27 февраля 1977 года Адольфо Суарес и Сантьяго Каррильо тайно встретились в Мадриде. Руководитель коммунистов подтвердил обязательства, переданные ранее по секретным каналам: КПИ обязывалась признать конституционную монархию, Хуана Карлоса I, территориальное единство Испании и заменить в символике республиканский триколор красно-желтым национальным флагом.

Прямая регистрация КПИ Министерством внутренних дел могла быть заблокирована Советом Королевства. Для преодоления этого препятствия правительство Суареса изменило нормативную базу: 8 февраля 1977 года Совет министров утвердил Королевский декрет-закон № 12/1977 «О праве на политические ассоциации». Этот акт заменял разрешительный порядок легализации партий заявительным. МВД было обязано автоматически зарегистрировать любую партию за 20 дней, если в ее уставе не содержалось признаков уголовного преступления (причем статьи о преследовании марксизма предварительно исключили из Уголовного кодекса). Бремя доказывания нарушений перекладывалось на государство.

11 февраля 1977 года руководство КПИ подало заявку в МВД. Глава ведомства Родольфо Мартин Вилья, стремясь вывести министерство из-под удара правых силовиков, отказался регистрировать партию единолично и перенаправил документы в Четвертую палату Верховного суда. Этот маневр переложил ответственность на судей.

Верховный суд франкистского призыва оказался под жестким давлением: армейское руководство требовало запрета КПИ, а правительство настаивало на скорейшем вердикте во избежание срыва графика выборов и уличного насилия. Пытаясь уклониться от роли арбитра, 1 апреля 1977 года суд вынес уклончивый вердикт non liquet (ввиду неясности дела), постановив, что устав КПИ не содержит признаков преступления, но окончательное решение находится в административной компетенции исполнительной власти.

Тогда Суарес обратился к Прокуратуре королевства. Коллегия генеральных прокуроров подготовила заключение: поскольку суд не обнаружил в уставе КПИ состава преступления, у МВД нет законных оснований для отказа, а затягивание регистрации нарушит декрет-закон от 8 февраля.

На основе этой позиции Суарес зарегистрировал партию субботним вечером 9 апреля 1977 года. Этот день вошел в историю как «Красная суббота» (Sábado Santo Rojo). Время (18:30) было рассчитано идеально: Испания ушла на пасхальные каникулы, госучреждения пустовали, газетные типографии закрылись на два дня, а генералитет покинул Мадрид, что исключило их быструю координацию для протеста.

Тем не менее легализация КПИ спровоцировала острейший кризис в армии. Лидеры нового правоконсервативного блока «Народный альянс» (Alianza Popular – АР) во главе с Мануэлем Фрагой Ирибарне (бывшим министром внутренних дел) подвергли Суареса жесткой критике, назвав решение «государственным переворотом и юридическим фарсом». 12 апреля Высший совет армии открыто заявил о потере доверия к премьеру, а министр военно-морского флота адмирал Габриэль Пита де Вейга немедленно подал в отставку.

На переднем плане: Адольфо Суарес и генерал Мануэль Гутьеррес Мельядо. Источник: Мариан Росадо / EFE. https://www.elnortedecastilla.es/fotos/valladolid/201410/03/manuel-gutierrez-mellado-capitan-3091559245333-mm.html

В этот критический момент Корона и первый вице-премьер по делам обороны генерал Мануэль Гутьеррес Мельядо удержали армию в рамках правового поля. Гутьеррес Мельядо жестко пресек выступления радикалов на заседании Совета, напомнив генералам о требованиях устава и недопустимости вмешательства в государственное управление. Параллельно Король Хуан Карлос I лично связался с командующими военными округами. Монарх апеллировал к присяге, дав понять, что выступление против декрета правительства за его подписью будет расценено как измена. В итоге Высший совет армии отказался от силового вмешательства, выпустив коммюнике, где военные заявили, что подчиняются решению «исключительно в силу патриотического долга и дисциплины перед Короной», но выразили свое «глубокое отвращение» (repugnancia) к легализации КПИ.

Правовой компромисс был зафиксирован 15 апреля 1977 года на первом легальном заседании ЦК КПИ в мадридском отеле Meliá Castilla. Сантьяго Каррильо подтвердил условия соглашения: президиум заседал под красно-желтым флагом Испании. Отказ КПИ от революционного слома системы и интеграция в правовое поле реформируемой монархии легитимизировали левых в глазах среднего класса и лишили военную оппозицию поводов для обвинения властей.

Рукопожатие Сантьяго Каррильо и Адольфо Суареса после легализации Коммунистической партии в апреле 1977 года. Фото: EFE / Архив. https://www.publico.es/opinion/columnas/jugando-palabras-concordia-verdadera-falsa-concordia.html

Легализация оппозиции поставила перед реформаторами новую проблему. Координационная платформа «Платахунта» (Platajunta) весной 1977 года распалась: переход к легальной конкуренции разрушил вынужденное единство левых сил, и партии предпочли самостоятельно бороться за голоса избирателей. Оппозиционное поле раскололось на конкурирующие ИСРП и КПИ, обладавшие мощными структурами. В то же время у Суареса и сторонников реформ из числа франкистской номенклатуры отсутствовала собственная партийная опора. Возникла угроза, что левые возьмут на выборах абсолютное большинство, что могло спровоцировать консервативное крыло армии на переворот.

Для преодоления этой слабости власть инициировала кулуарное конструирование лояльной правоцентристской силы. Главным архитектором проекта выступил министр канцелярии Альфонсо Осорио. На первом этапе (январь – март 1977 года) Осорио вел непубличные переговоры с лидерами мелких правоцентристских, либеральных и социал-демократических групп. Ключевыми фигурами интеграции стали Пио Кабанильяс (умеренные реформаторы-франкисты) и Хоакин Гарригес Валькер (Федерация либеральных клубов). Их усилиями в марте была создана коалиция «Демократический центр» (Centro Democrático), состоявшая из 15 карликовых партий.

На этом этапе к координации подключились спецслужбы. Сотрудники Службы центральной документации (SECED – Servicio Central de Documentación) под руководством генерала Андреса Кассинельо оказывали коалиции прямую

организационную помощь. Конфликты лидеров спецслужбы гасили аппаратными и экономическими рычагами: контролем над распределением избирательных фондов, мест в списках и гарантированием постов в будущем госаппарате.

Важнейшим фактором жизнеспособности коалиции стала скрытая финансовая поддержка со стороны крупнейших банков – так называемой «банковской семерки» (Los Siete Grandes). Финансовые магнаты, опасавшиеся прихода к власти марксистов, выделили многомиллионные субсидии центристам, обеспечив им материальный перевес над левой оппозицией.

3 мая 1977 года Адольфо Суарес в телеобращении объявил о решении участвовать в выборах в качестве независимого кандидата, возглавив обновленный блок – Союз демократического центра (UCD – Unión de Centro Democrático). Вхождение действующего премьера превратило разрозненный конгломерат политических клубов в мощную правительственную партию стабильности.

Официальная кампания продемонстрировала глубокое размежевание политических программ ключевых участников:

- Союз демократического центра (UCD): платформа центризма, постепенной правовой интеграции в европейские институты и сохранения гражданского мира как альтернатива диктатуре или революционному хаосу.
- Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП): сместила акценты от ортодоксального марксизма к западноевропейской социал-демократии, требуя глубоких реформ, но гарантируя уважение к частной собственности и монархии.
- Коммунистическая партия Испании (КПИ): выступала за права пролетариата, широкую амнистию и легализацию всех профсоюзов, полностью исключив лозунги вооруженного свержения власти.
- «Народный альянс» (АР): неофранкистское крыло Мануэля Фраги Ирибарне, выступавшее за консервативные ценности, сильную государственную власть и порядок, критикуя правительство за уступки левым.

Выборы в Генеральные Кортесы состоялись 15 июня 1977 года при явке 78,8%. Голосование проходило по смешанной схеме: по пропорциональной системе в Конгресс депутатов (Congreso de los Diputados) и по мажоритарной – в Сенат (Senado). Избранный парламент де-факто получил статус Учредительных Кортесов (Cortes Constituyentes) для выработки Конституции.

Первые свободные выборы 15 июня 1977 года. Лидер коалиции UCD и председатель правительства Адольфо Суарес опускает бюллетень в избирательную урну. Источник: EFE.
https://www.lasexta.com/noticias/nacional/asi-voto-espana-elecciones-generales-1977-cuando-democracia-tardofranquismo-enfrentaron-urnas_201911095dc7156f0cf26ce4558dd258.html

Правила игры определялись Королевским декретом-законом № 20/1977 «О регулировании выборов». Этот акт заложил основы избирательной системы, сочетавшей пропорциональный принцип с механизмами защиты от левого радикализма. Избирательным округом объявлялась провинция, причем каждой гарантировалось минимум два депутатских места независимо от численности населения. В результате возникла диспропорция: в малонаселенных аграрных провинциях для избрания депутата требовалось в несколько раз меньше голосов, чем в крупных промышленных мегаполисах.

Этот механизм сработал в соответствии с расчетом власти: он наложился на реальный общественный запрос испанцев, стремившихся к стабильности, но застраховал систему от левого перекоса. Сельские консервативные провинции обеспечили UCD

максимальный коэффициент представительства, сгладив преимущество левых в индустриальных центрах.

В результате голосования UCD под руководством Суареса занял первое место, набрав 34,4% голосов (165 мест в Конгрессе депутатов). Главной оппозиционной силой стала ИСРП Фелипе Гонсалеса – 29,3% (118 мандатов). КПИ во главе с Каррильо заняла третью позицию с результатом 9,3% (20 мест). Правый блок АР Фраги Ирибарне заручился поддержкой 8,2% избирателей (16 кресел). Остальные мандаты распределились между региональными и националистическими партиями Каталонии и Страны Басков.

UCD одержал победу, но не набрал абсолютного большинства (176 мест), что заставило Суареса сформировать правительство меньшинства и сделало практику компромисса основой внутренней политики. Главным электоральным бенефициаром стала социалистическая ИСРП, совершившая переход из подполья на позицию ведущей оппозиционной силы и маргинализировавшая мелкие левые группировки. Коммунисты заняли лишь третье место, что доказало: радикальные марксистские идеи потеряли монополию среди пролетариата, выбравшего более умеренный путь. На другом фланге АР потерпел неудачу: консервативная риторика Фраги прочно ассоциировалась со старым режимом.

Электоральная карта разделила Испанию: UCD взял большинство в аграрных, традиционно религиозных регионах (Кастилия, Леон, Галисия, Наварра). Промышленные центры – Мадрид, Валенсия, а также индустриальная Андалусия – преимущественно отдали голоса социалистам. Коммунисты зафиксировали основные результаты в промышленных пригородах Мадрида (так называемом «красном поясе») и отдельных индустриальных зонах Андалусии, где позиции их профсоюзных сетей были наиболее сильны. В Каталонии и Стране Басков победу одержали местные националисты.

Опираясь на результаты выборов, Суарес реализовал каталонскую карту. В сентябре 1977 года он принял в Мадриде Жозепа Тарradельяса, президента Каталонии в изгнании. Специальным декретом исторический орган самоуправления – Женералитат (Generalitat de Catalunya) – был официально восстановлен еще до принятия Конституции. Тарradельяс вернулся в Барселону по формуле «Автономия в обмен на лояльность единому испанскому государству». Это позволило снизить влияние радикальных баскских сепаратистов на общенациональном уровне: умеренные региональные элиты интегрировались в легальное поле.

Встреча председателя правительства Адольфо Суареса с президентом Женералитата Жозепом Тарраделльясом во дворце Монклоа, сентябрь 1977 года. Фото: EFE. https://www.lavanguardia.com/politica/20170627/423710141481/tarradellas-suarez.html

Выборы 15 июня 1977 года подвели черту под доконституционным переходным периодом. Новоизбранные Кортесы получили народную легитимность. Однако депутаты и правительство столкнулись с неотложными вызовами: скрытым саботажем со стороны франкистской бюрократии и глубоким макроэкономическим кризисом. К лету 1977 года инфляция в стране превысила критическую отметку в 26%, золотовалютные резервы были истощены, а безработица росла, что создавало угрозу стабильности.

Для сохранения государственного курса противоборствующим элитам пришлось выйти на новый уровень консенсуса. Это привело к выработке взаимных юридических гарантий безопасности в рамках масштабных пакетных сделок: принятию Закона об амнистии и подписанию соглашений по экономико-политической стабилизации – знаменитых Пактов Монклоа.

3.5. Стабилизация системы: Закон об амнистии, Пакты Монклоа и финал транзита

Логика испанского транзита требовала, чтобы выработке правовых актов предшествовало неформальное согласие. Шагом к национальному примирению (reconciliación nacional) стало формирование «Пакта забвения» (Pacto del Olvido) –

кулуарного консенсуса элит, развившегося в общественную установку. Испанское общество второй половины 1970-х годов объединял страх перед повторением травмы Гражданской войны 1936–1939 годов. Понимая, что репрессивный аппарат диктатуры способен заблокировать реформы или совершить переворот, ключевые акторы согласились на уступки.

Через ведущие СМИ, включая газету El País и телерадиокомпанию RTVE, транслировалась мысль о недопустимости сведения исторических счетов. Символом транзита стала песня 1976 года «Libertad sin ira» («Свобода без гнева») группы Jarcha, призывавшая отказаться от мести ради будущего. В дискурс вошла формула «Амнистия от всех и для всех» (Amnistía de todos y para todos), подкрепленная идиомой echar pelillos a la mar, означавшей предание прошлого забвению ради гражданского мира.

Юридическим оформлением этого договора стал Закон об амнистии от 15 октября 1977 года (Ley 46/1977 de Amnistía). Коалиция «Союз демократического центра» (UCD) Адольфо Суареса выступила модератором процесса. Инициаторами были ИСРП и КПИ, для которых амнистия являлась главным требованием, позволявшим вернуть лидеров эмиграции и освободить сотни активистов, осужденных при диктатуре за «незаконную ассоциацию» и «политическую пропаганду». Правительство согласовывало текст так, чтобы удовлетворить оппозицию и успокоить армейский генералитет.

Платой левых сил стало включение в акт Статьи 2 (Artículo segundo. En todo caso quedan comprendidos en la amnistía... – «В любом случае под амнистию подпадают...»). Норма носила двусторонний характер: под нее подпадали как участники антифранкистского подполья, так и государственные служащие, офицеры армии, жандармы Гражданской гвардии (Guardia Civil), судьи Трибунала общественного порядка (Tribunal de Orden Público) и агенты политико-социального управления (Brigada Político-Social). Статья 2 гарантировала уголовную неприкосновенность франкистским чиновникам, заблокировав расследования должностных преступлений и злоупотреблений репрессивного аппарата диктатуры до 1977 года.

Момент принятия Закона об амнистии 1977 г. Архив EFE.
https://www.lavanguardia.com/historiayvida/historia-contemporanea/20231111/9369504/amnistia-sello-transicion-solo-dos-votos-socialista-1977-arias-salgado.html

Принятие закона сопровождалось символическим выступлением лидера коммунистов Марселино Камачо, проведшего в тюрьмах четырнадцать лет. Он публично протянул руку примирения оппонентам, заявив, что жертвы режима выбирают прощение ради преодоления наследия Гражданской войны. Консенсусное голосование показало: Закон об амнистии стал ценой за возвращение армии к внешнеоборонительным функциям и ее невмешательство в гражданское управление. Получив гарантии безопасности, франкистская бюрократия перестала видеть в демократизации угрозу, что стабилизировало транзит.

Экономический кризис сильно угрожал стабильности новых институтов. Модель технократов Франко, обеспечившая ранее «испанское экономическое чудо» (пятое место в Европе по ВВП), зависела от импорта сырья, туризма и переводов мигрантов. Мировой нефтяной кризис 1973 года нанес по ней удар, так как Испания импортировала более 70% энергоресурсов. Ситуацию усугубило правительство Ариаса Наварро (1974–1975 гг.), которое искусственно субсидировало цены на топливо за счет резервов, стремясь сдержать протесты. К лету 1977 года Испания истощила золотовалютные запасы, инфляция достигла 26%, а дефицит платежного баланса поставил страну на грань коллапса.

Разработчиком стабилизационной программы стал второй вице-премьер по экономике Энрике Фуэнтес Кинтана (Enrique Fuentes Quintana). Он доказал Суаресу и лидерам оппозиции, что отсутствие жестких реформ и фиксации доходов населения ведет к дефолту и социальному взрыву.

Второй вице-премьер по экономике Энрике Фуэнтес Кинтана. Фото: Europa Press / ContactoPhoto. https://historia-hispanica.rah.es/biografias/17149-enrique-fuentes-quintana

25 октября 1977 года во дворце Монклоа Адольфо Суарес и лидеры парламентских сил подписали Пакты Монклоа (Los Pactos de la Moncloa), заложившие основы гражданского общества:

- Макроэкономический блок: лидеры ИСРП и КПИ согласились на ограничение роста зарплат в привязке к прогнозируемой инфляции. Сантьяго Каррильо подчинил этому решению профсоюз «Рабочие комиссии» (CC.OO. – Comisiones Obreras). Социалистический профсоюз Всеобщий союз трудящихся (UGT – Unión General de Trabajadores) отказался одобрить соглашения, обвинив Фелипе Гонсалеса в уступках буржуазии, и начал забастовки, что временно разорвало связь ИСРП с ее профсоюзной опорой. Левые признали частную собственность и рынок. В обмен власти ввели прогрессивный подоходный налог, расширили пособия по безработице и сделали прозрачной банковскую систему.

- Политико-правовой блок: пакты обязали демонтировать франкистское репрессивное законодательство. Были закреплены свободы собраний и ассоциаций, отменена цензура в СМИ, реформирован уголовный кодекс (декриминализирована политическая критика) и ограничены права полиции на задержания.

Фотография, сделанная во время подписания Пактов Монклоа в 1977 году, на которой запечатлены представители парламентских групп. Слева направо: Энрике Тьерно Гальван (Народная социалистическая партия – PSP), Сантьяго Каррильо (Коммунистическая партия Испании – PCE), Хосе Мария Трихинер (Каталонская федерация ИСРП), Жоан Равентос (Социалистическая партия Каталонии – PSC), Фелипе Гонсалес (Испанская социалистическая рабочая партия – PSOE), Хуан Ахуриагерра (Баскская националистическая партия – PNV), Адольфо Суарес (Союз демократического центра – UCD), Мануэль Фрага Ирибарне (Народный альянс – AP), Леопольдо Кальво-Сотело (Союз демократического центра – UCD) и Микел Рока (Каталонское меньшинство). Фото: EFE. https://elpais.com/economia/negocios/2022-03-20/el-exito-de-los-pactos-de-la-moncloa.htm

Пакты Монклоа остановили обвал финансовой системы, сбили инфляцию с 26% до 15% и восстановили доверие кредиторов, что позволило Учредительным Кортесам перейти к долгосрочному государственному строительству.

Выборы 15 июня 1977 года сформировали Генеральные Кортесы, наделенные статусом Учредительных (Cortes Constituyentes). Их миссией стала выработка Конституции, легитимизирующей переход к демократии. Для написания текста была создана комиссия из семи депутатов – «отцов конституции» (padres de la Constitución):

- Мигель Эрреро и Родригес де Миньон (Miguel Herrero y Rodríguez de Miñón), Хосе Педро Перес-Льорка (José Pedro Pérez-Llorca) и Габриэль Сиснерос Лаборда (Gabriel Cisneros Laborda) – от UCD;
- Грегорио Песес-Барба Мартинес (Gregorio Peces-Barba Martínez) – от ИСРП;
- Хорди Соле Тура (Jordi Solé Tura) – от КПИ;
- Мануэль Фрага Ирибарне (Manuel Fraga Iribarne) – от «Народного альянса»;
- Микел Рока и Жуньент (Miquel Roca i Junyent) – от каталонских националистов.

Работа строилась на кулуарном консенсусе. Левые согласились на реставрацию монархии и особый статус Католической церкви, а правоцентристы – на пакет социальных прав, легализацию профсоюзов и автономию регионов. Статья 2 Конституции провозгласила единство страны и запустила децентрализацию.

Король Хуан Карлос I подписывает Конституцию Испании 1978 года. Фото: Мануэль Х. де Леон / EFE.
https://www.surinenglish.com/lifestyle/201912/05/december-1978spain-ratifies-constitution-20191205194739-v.html

На референдуме 6 декабря 1978 года при явке 67,1% граждане поддержали Конституцию (88,5% голосов). Новый закон провозгласил Испанию социальным демократическим правовым государством, закрепил статус Короля как гаранта институтов и учредил модель «государства автономий» (Estado de las Autonomías).

Но децентрализация дестабилизировала периферию. Радикальные баскские националисты из ЭТА сочли автономию обманом. Период 1978–1980 годов вошел в

историю как «свинцовые годы» (los años de plomo), когда боевики ЭТА совершали регулярные покушения на офицеров и судей. В 1980 году от их рук погибло около 100 человек.

Террор наложился на внутренний кризис коалиции UCD, распадавшейся на христианских демократов, либералов и бывших франкистов. Внутри партии развернулась борьба за лидерство. Второй нефтяной шок 1979–1980 годов взвинтил инфляцию и поднял безработицу до 15%. Потеря контроля над партией и экономические трудности вынудили Адольфо Суареса в январе 1981 года уйти в отставку.

Путч 23-F (23 февраля 1981 года). Премьер-министр Адольфо Суарес защищает генерал-лейтенанта Мануэля Гутьерреса Мельядо от нападения путчистов в зале заседаний Конгресса (фото: Мануэль Х. де Леон / EFE). https://elpais.com/politica/2014/03/23/actualidad/1395615410_606291.html

Кризис привел к попытке военного переворота 23 февраля 1981 года, известной как путч 23-F. Во время заседания Кортесов по утверждению правительства Леопольдо Кальво-Сотело группа жандармов во главе с подполковником Антонио Техеро захватила депутатов в заложники. Одновременно генерал Миланс дель Бош вывел бронетехнику на улицы Валенсии.

Мятеж был подавлен благодаря действиям Короля Хуана Карлоса I. В ночь на 24 февраля Монарх в форме Капитан-генерала выступил с телеобращением. Как

Верховный главнокомандующий он приказал командующим округов вернуть войска в казармы, заявив, что Корона не потерпит прерывания демократического процесса. Армия подчинилась присяге, и заговорщики капитулировали.

Транзит официально завершился в октябре 1982 года. Всеобщие выборы привели к поражению UCD и победе ИСРП Фелипе Гонсалеса, завоевавшей абсолютное большинство в Конгрессе депутатов (202 мандата из 350).

Победа социалистов – ключевой силы республиканцев в Гражданской войне – доказала преодоление исторического раскола. Передача власти от реформированной номенклатуры вчерашним представителям подполья поставила точку в транзите. Опыт Испании показал, что перестройка институтов на основе компромисса обеспечивает долгосрочную устойчивость демократического строя.

Релевантные уроки для Беларуси

Урок 1. Юридическая «маскировка» и метод правовой трансформации

Опыт Испании показывает: наиболее устойчивый транзит – это не мгновенное разрушение старых законов, а их использование для легального самоупразднения диктатуры. Для Беларуси целесообразно использовать формальные процедуры действующей Конституции (включая редакцию со Всебелорусским народным собранием – ВНС) для легитимации перемен вместо ее революционного аннулирования. Переходные акты – например, закон о политической реформе – должны приниматься через существующие институты власти. Это решает две задачи:

- Сохраняет для номенклатуры видимость легитимности процессов, снижая риск саботажа.
- Лишает силовиков и внешних союзников юридического повода для вмешательства под предлогом «защиты строя», поскольку сам «строй» легально голосует за изменения.

Урок 2. Компромиссный прагматизм и «Амнистия как сделка»

Испанский переход указывает на необходимость компромисса, аналогичного «Пакту забвения». Если силовики и чиновники будут убеждены в неизбежности уголовного

преследования, они станут защищать режим до конца. Демократическим силам нужна прагматичная модель амнистии для лиц, не совершавших тяжких преступлений против личности. В переходный период юридическая справедливость вступает в тактический конфликт со стабильностью. Мирный переход – это соглашение, где платой за предотвращение насилия становится временный отказ от преследования представителей исполнительной вертикали в обмен на лояльность. Без гарантий безопасности транзит рискует перерасти в гражданский конфликт.

Урок 3. Поиск «внутренних реформаторов» и стратегия раскола элит

Транзит в Испании доказал важность реформаторского крыла внутри системы – функционеров, способных демонтировать институты изнутри в диалоге с оппозицией. Для Беларуси это означает необходимость привлечения прагматиков из госаппарата, осознающих тупиковость изоляции. Режим не монолитен: важно разделять прагматичных технократов и беларуский аналог «Бункера» – радикальное силовое крыло. Успех транзита зависит от изоляции этого реакционного блока путем предоставления гарантий умеренной номенклатуре. Демократическим силам нужно направлять сигналы чиновникам, готовым обменять лояльность лидеру на профессиональное выживание. Транзит – это не массовая замена кадров, а перехват контроля через раскол элит и привлечение технократов к изменениям.

Урок 4. Секретные каналы связи и кулуарная дипломатия

Публичная активность служит инструментом давления, но условия передачи власти и взаимные гарантии обсуждаются в закрытом режиме. Беларускому транзиту необходимы конфиденциальные каналы связи между лидерами перемен и группами влияния в правящем классе. Компромиссы достигаются, когда стороны защищены от давления радикалов из собственных лагерей. «Тихая дипломатия» фиксирует правила игры до публичных спекуляций. Для этого оппозиции нужен аналог «Платахунты» – единая коалиция, выступающая консолидированным переговорщиком. Пока оппозиция раздроблена, номенклатура не имеет адресата для тайных переговоров о гарантиях, а силовое крыло использует этот раскол для консервации статус-кво.

Урок 5. Экономический «пакет первого дня» (Метод Монклоа)

Политическая трансформация в Беларуси совпадет со структурным экономическим кризисом (риски дефолта, санкции, потеря рынков). Опыт «Пактов Монклоа» учит, что переходная администрация должна иметь готовую программу стабилизации. Это требует непопулярных мер (ограничение расходов бюджета, сдерживание роста зарплат, налоговые реформы) в обмен на прозрачные правила игры и адресную соцподдержку. Новые институты должны доказать экономическую дееспособность в первые же недели, чтобы предотвратить социальные протесты.

Урок 6. Интеграция, а не тотальная люстрация

В Испании сторонники прежнего порядка не были вытеснены: они создали легальные партии (например, Народный альянс) и эволюционировали в системных правых. Для Беларуси важно, чтобы представители прежней вертикали и их сторонники сохранили право на легальное представительство. Их дискриминация создаст базу для подпольного реваншизма. Задача транзита – принудить оппонентов играть по правилам, исключающим насилие. Люстрация должна быть строго точечной, касаясь лишь лиц, совершивших задокументированные тяжкие преступления.

Урок 7. Управление рисками многовекторной дестабилизации

Испанский опыт показывает, что консенсус умеренных сил не останавливает атаки радикалов. Для Беларуси важно превентивно купировать три деструктивных фактора:

- Сопротивление сил, ориентированных на внешнего актора, с целью блокировать выход страны из его сферы влияния.
- Саботаж со стороны уходящих элит, стремящихся доказать недееспособность новой власти.
- Протесты пострадавших от репрессий групп в лагере перемен. Требуя возмездия, они могут счесть уступки сговором, что грозит самосудами и неповиновением.

Переходной власти необходимы механизмы изоляции деструктивных элементов от переговоров, стратегия разъяснения обществу цены компромиссов и готовность к силовому пресечению попыток сорвать диалог.

Урок 8. Роль институционального арбитра и внешних гарантий

В Испании монарх гарантировал неизменность правил реформ, удерживая армию от вмешательства. В Беларуси, где нет внутреннего арбитра с непререкаемым авторитетом для силовиков, контроль за выполнением соглашений должен взять консорциум международных партнеров (ЕС, США и региональные игроки). Внешние гарантии безопасности для уходящих элит в сочетании с пакетом финансовой помощи новой власти – важнейшие условия стабилизации транзита в условиях взаимного недоверия.

Резюме

Испанская модель La Transición доказывает, что путь от диктатуры к демократии лежит через использование правовых инструментов и готовность к тяжелым моральным компромиссам. Испания выбрала мир ценой молчания о прошлом, а стабильность – ценой системной интеграции представителей прежнего репрессивного аппарата в новые демократические институты. Этот сценарий требует от лидеров транзита не только мужества, но и прагматизма, позволяющего превратить вчерашних врагов в партнеров по строительству новой страны. Для Беларуси это урок о том, что демократия рождается не из окончательной победы одной стороны над другой, а из коллективного признания невозможности такой победы без разрушения всего государства.

Таким образом, испанский опыт Reforma pactada демонстрирует, что ключевым условием успешного транзита является не силовой разгром государственного аппарата, а создание инклюзивной правовой рамки, трансформирующей институты диктатуры в инструменты демократии, что делает данный сценарий фундаментальной основой для разработки рамочной модели преодоления системного кризиса в Беларуси.

Глава 4. Сравнительный анализ и проект «Беларуской модели»

4.1. Аналитическая матрица: сравнение моделей и отбор релевантных инструментов для беларуского контекста

Сравнение переходов в ГДР, Польше и Испании показывает, что ни одна из рассмотренных моделей не может быть непосредственно перенесена на Беларусь. Каждая из них формировалась в особых исторических условиях и опиралась на сочетание факторов, которое в полном объеме в Беларуси отсутствует. ГДР находилась в ситуации быстрого распада партийной вертикали и фактического отказа Советского Союза от ее дальнейшей поддержки. Польский переход стал результатом многолетнего давления организованного общества, экономического кризиса и постепенного формирования переговорной готовности внутри режима. В Испании преобразования начались после смены главы государства и были во многом инициированы реформаторами, вышедшими из самой авторитарной системы.

Поэтому задача сравнительного анализа состоит в выделении отдельных инструментов, которые могут быть объединены в собственную беларускую модель. Такая модель должна учитывать персоналистский характер действующей власти, уровень репрессий, слабость общественных структур внутри страны, сохранение государственного аппарата и особую роль Российской Федерации.

Аналитическая матрица строится вокруг семи основных элементов.

1. Условия, при которых власть соглашается на переговоры

В ГДР переговорное окно открылось вследствие массовых протестов, миграционного кризиса, потери управляемости и исчезновения готовности СССР защищать руководство страны силой. В Польше решающим фактором стало сочетание экономического тупика, общественного давления и неспособности властей окончательно ликвидировать «Солидарность». В Испании инициатива исходила преимущественно сверху: часть правящей элиты пришла к выводу, что сохранение франкистской модели создает угрозу для государства и будущего самой элиты.

Для Беларуси возможны все три источника изменений: внутренний кризис, изменение внешней поддержки и раскол государственного аппарата. При этом наиболее вероятным представляется не отдельное действие одного из факторов, а их сочетание. Экономические трудности сами по себе не приведут к диалогу, пока система сохраняет доступ к российской поддержке и способна перекладывать издержки на общество. Общественное недовольство не станет достаточным условием, если оно не получит организационного и политического представительства. Даже появление прагматиков внутри власти не изменит ситуацию, если они не будут видеть надежного контрагента и безопасного выхода из сложившейся системы.

Следовательно, беларуская модель должна исходить из формирования ситуации, при которой продолжение статус-кво становится для части номенклатуры менее привлекательным, чем ограниченный и контролируемый диалог. Речь идет о создании понятной альтернативы между дальнейшей изоляцией и зависимостью, с одной стороны, и постепенной нормализацией – с другой.

2. Формирование переговорного субъекта

Польский опыт показывает наиболее развитую модель общественной контрсистемы. «Солидарность» пришла к переговорам как организация, обладавшая политическим руководством, экспертами, информационными каналами и связями с профессиональными сообществами. В ГДР общественная альтернатива формировалась значительно быстрее, уже в ходе кризиса, а Круглый стол стал механизмом ее институционализации. В Испании оппозиционные силы также прошли путь консолидации, однако решающую роль сыграла их способность вести переговоры с реформаторской частью прежней системы и принимать неизбежные компромиссы.

В Беларуси основные институты демократических сил уже существуют. Однако наличие Офиса Светланы Тихановской, Объединенного переходного кабинета, Координационного совета, партий, инициатив и экспертных организаций пока не означает существование единого переговорного субъекта. Полномочия между ними распределены не до конца, а порядок выработки общей позиции по вопросам диалога, гарантий и переходного периода остается неформализованным.

Поэтому наиболее релевантным для Беларуси является не создание нового «единого центра», а предоставление согласованного переговорного мандата совместной делегации. Такой мандат должен определять ее состав, полномочия, порядок согласования решений и пределы допустимого компромисса. Демократическая сторона должна быть способна не только предъявлять требования, но и гарантировать

выполнение своей части соглашения, включая общественное признание переходной модели и согласование внешней поддержки.

3. Работа с государственным аппаратом и внутренними реформаторами

Испанский опыт показывает, что преобразование авторитарной системы становится менее конфликтным, если часть ее институтов и представителей участвует в разработке новых правил. Польский переход также сопровождался сохранением значительной части административного аппарата. В ГДР государственные ведомства продолжали обеспечивать работу транспорта, коммунальной инфраструктуры, медицины и других систем даже в условиях быстрого политического распада.

Для Беларуси сохранение профессионального государственного аппарата является одним из ключевых условий устойчивости перехода. Массовая замена чиновников невозможна как по кадровым, так и по политическим причинам. Она создала бы угрозу саботажа, остановки государственных услуг и объединения бюрократии вокруг наиболее жесткой части режима.

Беларуская модель должна заранее разделять политическое руководство, лиц, причастных к репрессиям, и обычных государственных служащих. Большинство сотрудников государственного аппарата должны получить гарантии продолжения работы, сохранения социальных прав и отсутствия преследования за сам факт государственной службы. Одновременно необходимо готовить смешанный кадровый резерв, включающий специалистов демократических сил, независимых экспертов, бывших государственных служащих, представителей бизнеса и профессионалов, продолжающих работать внутри страны.

Особое значение имеет поиск внутренних реформаторов. Демократические силы должны обращаться не только к обществу, но и к тем представителям аппарата, для которых сохранение независимости Беларуси, устойчивости государственных институтов и собственного профессионального будущего важнее персональной лояльности действующему руководству.

4. Правовой механизм перехода

Испанская модель дает Беларуси наиболее важный инструмент правовой трансформации: использование действующих процедур для легального изменения самой системы. Польский опыт также показывает, что переходные договоренности

могут оформляться через существующий парламент и действующее законодательство. В ГДР решения Круглого стола получили практическое значение благодаря их последующему оформлению государственными органами и проведению свободных выборов.

Для Беларуси революционное аннулирование всей действующей правовой системы создало бы правовой вакуум и усилило бы сопротивление бюрократии и силового аппарата. Кроме того, это облегчило бы внешнюю пропаганду о «государственном перевороте» и «незаконном захвате власти». Более устойчивым представляется путь, при котором решения национального диалога оформляются через предусмотренные законодательством процедуры: акты главы государства, решения парламента, изменения избирательного законодательства и другие формы, существующие в правовой системе Республики Беларусь.

Такой подход не означает политического признания действующей системы демократической или законной. Существующие органы используются как технический мост. Окончательная легитимация перехода должна произойти через свободное волеизъявление граждан.

5. Гарантии и пределы ответственности

Польская и испанская модели демонстрируют значение гарантий для представителей прежнего режима. Коммунистическая элита Польши получила возможность сохранить временное присутствие во власти и участвовать в новой политической и экономической системе. В Испании значительная часть представителей франкистского государства была интегрирована в новые институты. Это снизило вероятность организованного силового сопротивления.

В то же время для беларуской модели важно выработать свои подходы: они могут как опираться на исторические примеры, так и сочетать их с учетом беларуского контекста.

6. Контроль над силовым блоком и архивами

Опыт ГДР показывает, что в условиях перехода особое значение имеет не немедленная ликвидация всех силовых структур, а установление контроля над их деятельностью, архивами и цепочками командования. Сохранение документов препятствует уничтожению доказательств и использованию секретной информации для шантажа. Одновременно непрерывность работы обычных правоохранительных органов необходима для предотвращения роста преступности и самосудов.

Для Беларуси эта задача будет одной из наиболее сложных. На первом этапе речь должна идти о прекращении политически мотивированных дел, сохранении архивов и введении гражданского надзора. Силовые структуры должны продолжать охрану общественного порядка и государственной границы, но утратить возможность самостоятельно влиять на политический процесс.

7. Экономическая и международная составляющая

Ни один из рассмотренных переходов не был исключительно внутренним политическим процессом. ГДР опиралась на экономический ресурс ФРГ, Польша получила возможность международной финансовой поддержки и реструктуризации долгов, Испания использовала перспективу европейской интеграции как стимул для реформ и консолидации общества.

Для Беларуси экономическая часть будущего соглашения должна быть подготовлена до начала полномасштабного перехода. Необходимы меры по поддержанию бюджета, банковской системы, государственных предприятий, занятости и социальных выплат. ЕС и США должны заранее определить условия поэтапного снятия санкций и объем помощи, который может быть предоставлен в ответ на выполнение политической дорожной карты.

Таким образом, из польского опыта для Беларуси наиболее релевантны формирование институциональной контрсистемы, конфиденциальная подготовка переговоров, широкая сеть тематических групп и поиск независимого посредника. Из испанской модели следует заимствовать правовую преемственность, взаимодействие с внутренними реформаторами, интеграцию умеренной части прежних элит и подготовку экономического пакта. Опыт ГДР важен для организации Круглого стола, контроля над репрессивным аппаратом, сохранения архивов и обеспечения непрерывности государственного управления.

При этом неприменимым для Беларуси является исчезновение государства по восточногерманскому сценарию. Беларуская модель должна использовать отдельные инструменты этих переходов, сохраняя собственную цель: восстановление демократии при одновременной защите независимости и унитарного характера Республики Беларусь.

4.2. Геополитика и безопасность

Российский фактор

Российский фактор является главным внешним отличием Беларуси от рассмотренных исторических случаев. Российская Федерация выступает не только политическим и экономическим партнером действующей власти, но и государством, имеющим значительное влияние на беларускую военную инфраструктуру, информационное пространство, систему безопасности и экономику. Поэтому любой внутренний кризис может быть использован для дальнейшего ограничения суверенитета Беларуси либо для аннексии Беларуси.

Правовая преемственность процесса является одним из ключевых способов лишить Россию формальных аргументов для вмешательства. Если изменения будут оформляться действующими государственными органами на основании беларуского законодательства, их будет сложнее представить как разрушение государственности или незаконный переворот.

Вместе с тем соблюдение правовых процедур само по себе не гарантирует невмешательства. Москва будет исходить прежде всего из собственных интересов. Поэтому юридическая легальность должна дополняться внутренним политическим соглашением, сохранением единой цепочки государственного управления и международными гарантиями.

Беларуский переход должен строиться на нескольких принципах.

1. Политическая трансформация является внутренним процессом Республики Беларусь и не может находиться под управлением какого-либо иностранного государства.
2. Решения национального диалога оформляются в рамках беларуской правовой системы и получают окончательную легитимность через свободные выборы.
3. Переходные органы не принимают необратимых решений о долгосрочном внешнеполитическом курсе страны, если такие решения не связаны непосредственно с защитой суверенитета и прекращением участия в военной агрессии.
4. Государственный аппарат, Вооруженные силы, пограничная служба и обычные правоохранительные органы сохраняют институциональную непрерывность и подчиняются единым органам управления.
5. Любое иностранное военное вмешательство или попытка навязать Беларуси политическое устройство извне рассматривается как нарушение ее суверенитета.

Сохранение действующей правовой оболочки способно также снизить тревогу внутри государственного аппарата. Для чиновников, военных и сотрудников правоохранительных органов выполнение решений, принятых в установленной форме, психологически и юридически отличается от перехода на сторону альтернативного центра власти. Именно поэтому решения национального диалога должны получать официальное правовое оформление, а не существовать только как политическая декларация его участников.

Отдельной задачей является защита процесса от информационного и организационного вмешательства. Россия может использовать зависимые медиа, отдельные политические группы, экономическое давление и структуры влияния для представления национального диалога как навязанного Западом проекта. Ответом должна стать максимально беларуская субъектность процесса. ЕС и США могут выступать гарантами и партнерами, но участниками соглашения о внутреннем устройстве страны должны быть сами беларусы.

Роль Европейского союза и Соединенных Штатов

ЕС и США обладают разными, но взаимодополняющими возможностями. Соединенные Штаты имеют значительный санкционный ресурс и сохраняют каналы прямой коммуникации с Минском. Европейский союз является главным потенциальным источником экономической помощи, торговой нормализации и институциональной поддержки реформ. Без координации между ними действующая власть сможет использовать различия в их подходах, получая отдельные уступки без изменения внутренней политики.
Роль ЕС и США должна включать четыре направления.

1. Политическое признание процесса. Международные партнеры должны признать национальный диалог легитимным способом разрешения внутреннего кризиса и подтвердить, что соглашение, достигнутое беларускими сторонами, получит международную поддержку. При этом признание процесса не должно превращаться в навязывание его результатов.
2. Координация санкционной политики. Для каждого проверяемого действия властей должен быть предусмотрен понятный встречный шаг. Освобождение политических заключенных, прекращение репрессий, легализация политической деятельности и проведение выборов могут сопровождаться последовательным смягчением отдельных ограничений. При нарушении соглашения должен действовать механизм быстрого возврата санкций.
3. Экономическая поддержка. ЕС, США и международные финансовые институты должны подготовить программу первых месяцев перехода. Она должна включать

поддержку финансовой стабильности, доступ к кредитованию, помощь предприятиям, восстановление торговых связей и защиту населения от резкого падения доходов.

4. Международные гарантии. Партнеры должны подтвердить поддержку независимости и территориальной целостности Беларуси, а также политическую цену любого внешнего вмешательства. Вопросы региональной безопасности необходимо обсуждать с Украиной, Польшей, Литвой и другими соседними государствами, однако без предоставления внешним сторонам права определять внутреннюю политическую модель Беларуси.

При санкционной калибровке необходимо разделять ограничения, введенные за внутренние репрессии, участие в российской агрессии и гибридные действия против государств ЕС. Освобождение политических заключенных может служить основанием для пересмотра санкций, связанных с репрессиями, но не должно автоматически вести к отмене ограничений, обусловленных военным сотрудничеством с Россией или угрозами соседним странам.

4.3. Рамочная модель «Беларуского пути»

Предлагаемая модель исходит из поэтапного перехода от гуманитарной деэскалации к техническому диалогу, а затем к политическому соглашению. Последовательность этапов необходима, поскольку немедленный переход к обсуждению власти, Конституции и выборов в условиях продолжающихся репрессий практически невозможен. В то же время предварительные контакты не должны зависеть от выполнения всех будущих требований: иначе главный результат диалога фактически превращается в условие для его начала.

Этап 1. Деэскалация

Первый этап направлен на снижение уровня взаимной угрозы и создание минимального доверия. Основными вопросами становятся политические заключенные, прекращение репрессий, гуманитарные меры.

Началу официальной деэскалации могут предшествовать конфиденциальные консультации между уполномоченными представителями действующей власти, демократических сил и международных партнеров. Их задача – определить реальность полномочий сторон, возможную последовательность действий и механизм проверки.

На этом этапе демократические силы должны воздерживаться от требований немедленного решения всех вопросов перехода, но сохранить принципиальные условия

дальнейшего движения: прекращение репрессий, полный перечень политических заключенных, их освобождение и переход к официальному диалогу.

Результатом первого этапа должно стать не восстановление доверия в полном смысле слова, а подтверждение способности сторон выполнять ограниченные договоренности. Переход ко второму этапу возможен после прекращения новых репрессий и предоставления гарантий участникам диалога.

Этап 2. Технический диалог и согласование повестки

Второй этап предназначен для определения правил будущих политических переговоров. На нем стороны еще не обязаны соглашаться по вопросу распределения власти, но должны определить, кто участвует в процессе, какие вопросы входят в повестку и каким образом принимаются и исполняются решения.

Действующую систему должны представлять лица, обладающие реальными полномочиями и доступом к принятию решений. Участие только дипломатов, экспертов или представителей зависимых общественных организаций превратит процесс в имитацию. Демократические силы должны выступать через единую делегацию, получившую мандат основных политических институтов.

Технический диалог должен утвердить регламент, сроки и порядок принятия решений. Основные политические соглашения целесообразно принимать консенсусом, поскольку их выполнение невозможно при прямом несогласии одной из ключевых сторон.

Необходимо также определить соотношение конфиденциальности и публичности. Персональные гарантии, вопросы безопасности и предварительные варианты компромисса могут обсуждаться в закрытом режиме. Согласованные решения, состав участников, календарь и результаты должны быть публичными. Такая конструкция позволит вести реальные переговоры и одновременно снизит риск восприятия процесса как тайного сговора элит.

Результатом второго этапа должен стать рамочный документ, включающий состав диалоговой платформы, перечень вопросов, календарь переговоров, механизм международного сопровождения и обязательство сторон воздерживаться от действий, способных сорвать процесс. После его принятия начинается работа над политическим соглашением.

Этап 3. Политическое соглашение

Третий этап предполагает согласование условий трансформации политической системы. Его итогом должен стать не окончательный проект будущего устройства Беларуси, а правовой и политический маршрут, позволяющий гражданам сформировать легитимные органы власти.

Политическое соглашение должно включать несколько взаимосвязанных блоков.

1. Прекращение репрессий и восстановление прав. Освобождение всех политических заключенных, прекращение политически мотивированных дел, реабилитация репрессированных, отмена ограничений на деятельность партий, общественных организаций и независимых медиа.
2. Переходное законодательство. Изменение законов о выборах, партиях, медиа, массовых мероприятиях и местном самоуправлении. Формирование независимой избирательной администрации и обеспечение равного доступа политических сил к информации и агитации.
3. Временное управление. Сохранение работы правительства, министерств и местных органов власти при введении согласованных механизмов контроля в сферах безопасности, юстиции, выборов и государственных финансов. Массовая замена государственных служащих в этот период не проводится.
4. Силовой блок и архивы. Прекращение политической деятельности силовых органов, сохранение архивов, запрет на уничтожение документов, введение гражданского надзора и индивидуальная проверка должностных лиц, претендующих на работу в новой системе.
5. Экономическая стабилизация. Пошаговое смягчение санкций, международная финансовая поддержка, защита банковской системы, предприятий, занятости и социальных выплат. Экономические реформы должны учитывать интересы общества и сопровождаться адресной помощью населению.
6. Переходная юстиция. Отказ от коллективной люстрации, гарантии большинству государственных служащих.
7. Выборы. Утверждение обязательного календаря свободных парламентских и президентских выборов. Их последовательность может быть предметом соглашения, но весь избирательный цикл должен завершиться в заранее установленный срок. Международное наблюдение допускается на всех этапах подготовки и проведения голосования.

Решения политического соглашения должны быть оформлены через действующие правовые процедуры Республики Беларусь. В зависимости от содержания это могут быть акты об освобождении и реабилитации, изменения законодательства, решения

парламента, декреты главы государства. Там, где действующая правовая база не позволяет прямо реализовать согласованные меры, стороны должны использовать предусмотренные ею процедуры внесения изменений.

После свободных выборов временная диалоговая платформа прекращает выполнение политических функций. Дальнейшая конституционная реформа, определение формы правления, внешнеполитических приоритетов и долгосрочной экономической модели переходят к избранному парламенту и другим легитимным институтам.

Таким образом, «Беларуский путь» представляет собой поэтапную модель договорной трансформации. Ее смысл состоит в том, чтобы соединить прекращение репрессий и восстановление политической конкуренции с сохранением государственного управления, экономической стабильности и независимости страны. Действующие институты обеспечивают юридическую непрерывность, национальный диалог определяет правила перехода, а свободные выборы создают новую демократическую легитимность.

Такая модель не устраняет всех рисков. Действующая власть может использовать переговоры для затягивания времени и получения санкционных уступок. Демократические силы могут столкнуться с внутренним расколом из-за вопроса гарантий прежней элите. Россия может попытаться сорвать процесс или навязать ему собственные условия. Наконец, ухудшение экономики способно снизить общественную поддержку даже при успешном начале политических реформ.

Снизить эти риски можно только за счет заранее определенной последовательности действий, независимой проверки, обратимости санкционных послаблений, единого мандата демократической делегации и правового оформления каждого этапа. В этом случае национальный диалог сможет стать не способом сохранения действующей системы под новым названием, а механизмом ее мирного преобразования и восстановления права беларуских граждан самостоятельно определять будущее Республики Беларусь.

Заключение

Рассмотренные в исследовании примеры ГДР, Польши и Испании показывают, что мирный переход от авторитарной системы к демократии не происходит по единому сценарию. В каждом из трех случаев отличались причины кризиса, соотношение сил между властью и обществом, роль внешних государств и правовой механизм преобразований. Однако за этими различиями прослеживается общая закономерность: политический диалог начинался тогда, когда сохранение прежнего порядка становилось

для значительной части правящей системы более рискованным, чем контролируемые перемены, а на другой стороне появлялся субъект, способный не только требовать изменений, но и принимать на себя ответственность за их проведение.

В ГДР переход начался вследствие быстрого ослабления партийной вертикали, массового общественного давления и исчезновения готовности Советского Союза защищать режим силой. В Польше власть пришла к переговорам после длительного противостояния с организованным обществом, на фоне экономического кризиса и утраты возможности управлять страной прежними методами. В Испании инициатива в значительной степени исходила изнутри самой системы: реформаторская часть элиты использовала действующие государственные институты для демонтажа авторитарного порядка и постепенного открытия политической конкуренции.

Таким образом, начало трансформации может быть связано как с давлением общества и кризисом государственного управления, так и с расколом правящих элит или изменением позиции внешнего покровителя. Но ни один из этих факторов сам по себе не гарантирует мирного и демократического результата. Ослабление власти без подготовленной альтернативы способно привести к хаосу, борьбе различных центров силы или внешнему вмешательству. Организованная оппозиция без раскола внутри системы может годами оставаться изолированной от реальных механизмов управления. Экономический кризис без политического плана способен не приблизить демократизацию, а усилить репрессии и зависимость страны от внешней поддержки.

Главный общий урок состоит в том, что национальный диалог требует появления дееспособных сторон. Авторитарная система начинает воспринимать оппозицию как возможного контрагента не потому, что признает ее моральную правоту, а потому, что видит в ней политического субъекта, способного представлять значительную часть общества, контролировать выполнение достигнутых договоренностей и предложить реалистичную модель будущего. В этом смысле система действительно склонна разговаривать только с другой системой – не обязательно равной ей по ресурсам, но достаточно организованной, чтобы брать на себя обязательства.

Для демократических сил это означает, что общественной поддержки и международного признания недостаточно. Необходимы единая переговорная позиция, подготовленные проекты решений, кадровый резерв и программа первых месяцев переходного периода. В момент открытия политического окна может не остаться времени на согласование полномочий, распределение ответственности и разработку экономической политики. Если эти вопросы не решены заранее, переговорный процесс будет происходить на условиях более организованной стороны, а начало преобразований может быстро столкнуться с управленческим вакуумом.

Второй общий вывод связан с состоянием правящих элит. Во всех рассмотренных случаях переход стал возможен после того, как внутри государственного аппарата появились группы, заинтересованные не в сохранении режима любой ценой, а в сохранении государства, собственных профессиональных позиций и управляемости страны. Это не означает, что такие группы заранее становились сторонниками демократии. Чаще ими двигал прагматический расчет: понимание ограниченности прежней модели и стремление избежать неконтролируемого кризиса.

Поэтому мирный переход предполагает не только давление на систему, но и создание для ее умеренной части приемлемой перспективы. Речь идет о сохранении государственного аппарата, профессионального статуса большинства служащих, непрерывности социальных выплат, исполнения законных договоров и отказе от коллективной ответственности. Тотальная люстрация или угроза неизбирательного уголовного преследования способны объединить номенклатуру и силовые структуры вокруг сопротивления переменам. Вместе с тем гарантии не должны превращаться в отказ от правосудия. Амнистия может распространяться на лиц, не причастных к тяжким преступлениям против личности, но не должна закрывать возможность расследования пыток, убийств, исчезновений людей и других грубых нарушений прав человека. Возможный компромисс должен отделять политическую и административную ответственность от тяжких уголовных преступлений.

Третий вывод касается правовой преемственности. Польский и испанский опыт показывает, что использование существующих процедур может существенно снизить сопротивление бюрократии и облегчить международное признание перехода. Для Беларуси это означает, что действующий парламент, Всебелорусское народное собрание и другие формальные институты могут быть использованы для принятия переходных решений: прекращения репрессий, изменения избирательного законодательства, легализации политических организаций и определения даты выборов. Однако такое использование не должно означать признания действующей системы демократически легитимной. Старые институты могут обеспечить юридический переход «из закона в закон», но окончательную легитимность новым правилам способны дать только свободные выборы и сформированные по их результатам органы власти.

Беларуская модель поэтому должна основываться на сочетании правовой непрерывности и новой демократической легитимации. Действующие органы могут юридически открыть путь к трансформации, национальный диалог – согласовать ее условия, а свободно избранный парламент – определить долгосрочное устройство страны. Переходные органы не должны заранее закреплять решения, выходящие за пределы их временного мандата, особенно если речь идет о новой Конституции, форме правления или долгосрочном геополитическом выборе. Их главная задача заключается

в прекращении репрессий, сохранении государства и создании условий, при которых граждане смогут самостоятельно определить будущее страны.

Отдельное значение имеет экономическое измерение перехода. Опыт всех трех стран показывает, что общественная поддержка политических перемен зависит от способности новой системы обеспечить базовую стабильность. Граждане будут оценивать результаты трансформации не только по состоянию политических свобод, но и по уровню цен, занятости, доходов и доступности государственных услуг. Поэтому программа переходного периода должна включать не только проекты законов и институциональных реформ, но и конкретный экономический пакет: меры по стабилизации бюджета и финансовой системы, сохранению предприятий, защите наиболее уязвимых групп и восстановлению доступа к внешним рынкам.

Применительно к Беларуси часть необходимых предпосылок уже существует. После 2020 года были созданы политические институты демократических сил, включая Офис Светланы Тихановской, Объединенный переходный кабинет и Координационный совет. Сохранились независимые медиа, правозащитные инициативы, профессиональные сообщества и экспертные центры, хотя значительная часть этих структур вынуждена работать за пределами страны. Подготовлены проекты реформ, концепции переходного периода и отдельные проекты правовых актов. Демократические силы сохраняют отношения с Европейским союзом, Соединенными Штатами, Советом Европы, ОБСЕ и национальными парламентами демократических государств.

Существует и внешний экономический ресурс. Европейский союз заявлял о готовности предоставить масштабную помощь демократической Беларуси, а санкции могут быть поэтапно пересмотрены в ответ на прекращение репрессий, освобождение политических заключенных и начало реального политического процесса. Контакты между Минском и Вашингтоном, результатом которых стали освобождения заключенных и отдельные санкционные послабления, показывают, что действующая власть способна принимать ограниченные решения под влиянием сочетания давления и стимулов. Однако пока эти контакты остаются формой двустороннего торга и не ведут к изменению внутренней политической системы.

Одновременно отсутствует ряд условий, без которых переход к полноценному национальному диалогу остается маловероятным. Демократические силы пока не обладают единым переговорным мандатом и согласованным механизмом принятия обязательных решений. Не определено, кто именно может представлять их на переговорах, согласовывать условия перехода и брать на себя ответственность за выполнение соглашения. Экспертные и правовые наработки остаются разделенными между различными организациями и не сведены в единый пакет. Не создан

полноценный кадровый резерв, объединяющий специалистов демократических структур, бывших государственных служащих, представителей бизнеса и профессионалов, продолжающих работать внутри Беларуси.

Внутри действующей системы пока не сформировалось публично заметное реформаторское крыло. Можно предполагать наличие чиновников и технократов, обеспокоенных международной изоляцией, состоянием экономики и усилением зависимости от России, однако они не имеют возможности выступать как самостоятельная политическая группа. Продолжающиеся репрессии препятствуют появлению таких сигналов и одновременно уничтожают общественную среду, способную участвовать в будущем диалоге.

Наиболее существенным отличием Беларуси от рассмотренных исторических примеров является российский фактор. Зависимость действующей системы от Российской Федерации имеет не только политический и экономический, но и военный характер. Россия заинтересована в сохранении своего влияния на Беларусь и может рассматривать внутреннюю демократизацию как угрозу собственным позициям. Поэтому беларуский переход требует не только внутреннего соглашения, но и международных механизмов защиты суверенитета. При этом Россия не должна получать право определять внутреннее устройство Беларуси или блокировать решения, принятые беларуским обществом.

Из этого следует, что условия для национального диалога не возникнут автоматически. Их необходимо последовательно формировать. Предварительные конфиденциальные контакты могут начаться без публичных условий, поскольку их задачей является проверка готовности сторон и поиск возможного предмета переговоров. Но переход к официальному диалогу потребует реальных мер деэскалации: прекращения новых политически мотивированных дел, начала освобождения политических заключенных, гарантий безопасности участникам переговоров и признания демократических сил стороной процесса. Полное освобождение политических заключенных должно стать одним из первых обязательных решений диалога с конкретным сроком исполнения.

Демократическим силам необходимо прежде всего сформировать общий переговорный мандат. Для этого необязательно создавать еще один политический орган. Достаточно соглашения между основными институтами, определяющего состав делегации, ее полномочия, порядок принятия решений и пределы возможного компромисса. Параллельно должны быть подготовлены пакет первоначальной деэскалации, проекты переходных правовых актов, программа экономической стабилизации и принципы ответственности представителей прежней системы. Особое внимание следует уделить работе с государственным аппаратом. Чиновники и специалисты должны заранее

получить понятный сигнал: демократические перемены не означают уничтожения государства, массовых увольнений или преследования за сам факт работы в государственных учреждениях.

Действующей власти необходимо признать, что сохранение нынешнего положения не возвращает Беларусь к стабильности. Оно продлевает внутренний кризис, углубляет международную изоляцию и постепенно сужает пространство государственного суверенитета. Первым шагом могла бы стать последовательная деэскалация: прекращение новых репрессий, освобождение политических заключенных, предоставление гарантий участникам консультаций и назначение переговорщиков, обладающих реальными полномочиями. В интересах самой системы также сохранить государственные архивы, не допустить уничтожения доказательств и открыть пространство для появления прагматичного крыла внутри аппарата.

Европейскому союзу следует превратить общую политическую поддержку демократической Беларуси в конкретный и заранее понятный пакет. Должна быть подготовлена пошаговая схема, связывающая действия властей с временным и обратимым смягчением отдельных ограничений. При этом санкции за внутренние репрессии, участие в российской агрессии и гибридные действия против соседних государств не могут рассматриваться как единый блок: для их пересмотра необходимы разные условия. Одновременно ЕС вместе с международными финансовыми институтами должен обновить программу поддержки переходного периода и определить меры, которые могут быть запущены сразу после достижения политического соглашения.

Соединенные Штаты располагают каналом связи с Минском и поэтому могут сыграть особую роль на предварительном этапе. Однако гуманитарные договоренности об освобождении заключенных важно постепенно переводить в более широкий процесс, направленный на прекращение репрессий и начало внутреннего диалога. Санкционные решения США должны быть согласованы с Европейским союзом, чтобы действующая власть не могла получать отдельные уступки без системных изменений. Вашингтон также способен направить беларуской номенклатуре понятный сигнал о возможности международной реинтеграции в случае мирного перехода и, одновременно, о сохранении персональной ответственности за тяжкие преступления и содействие внешнему вмешательству.

Наиболее реалистичная беларуская модель не будет полностью повторять ни один из рассмотренных переходов. Она может объединить польский опыт переговорного пакта, испанский механизм правового преобразования действующей системы и восточногерманский опыт общественного контроля над репрессивным аппаратом. Ее

основой должен стать национальный диалог, принадлежащий самим беларусам, но обеспеченный международным посредничеством, экономической поддержкой и гарантиями от внешнего вмешательства.

Беларусь пока не находится на стадии непосредственного начала такого диалога, однако необходимые элементы будущего процесса уже частично сформированы. Существует демократическая институциональная альтернатива, сохраняется международное внимание, подготовлен значительный объем экспертных материалов, а действующая власть продемонстрировала способность к ограниченным договоренностям под воздействием внешних стимулов. Главная задача следующего этапа состоит в том, чтобы соединить эти разрозненные ресурсы в единую политическую конструкцию.

Мирный переход станет возможен при сочетании четырех условий, обозначенных в исходной гипотезе исследования: консолидации и подготовки демократического субъекта, появления прагматичного крыла внутри государственного аппарата, изменения внешней среды, ограничивающего возможность силовой консервации режима, и наличия правового маршрута, сохраняющего непрерывность государства. Если эти условия будут сформированы заранее, национальный диалог сможет стать не временным компромиссом между политическими противниками, а механизмом восстановления беларуской государственности, защиты независимости и возвращения гражданам права самостоятельно определять будущее Республики Беларусь.